

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Георгий САВИЦКИЙ
ПОЗЫВНОЙ
«ВОЛКОДАВ»

ОГОНЬ СТАЛИНГРАДА

Annotation

Спецназовцу Госбезопасности ДНР, а ныне лейтенанту НКВД Виктору Ракитину выпали тяжелые испытания – со своим полком он попадает в Сталинград, в самый разгар боев за город.

Войска НКВД – личная гвардия Сталина! Фашисты убедились в этом летом и осенью судьбоносного 1942 года – бойцы ни разу не отступили без приказа, они, как и все в Сталинградской битве, дрались до последнего патрона, до последней капли крови. 10-я стрелковая дивизия войск НКВД стойко сражалась практически по всему Сталинградскому фронту, и к ноябрю сорок второго года от нее остался неполный полк.

Но кроме победы в войне у Виктора есть еще одна цель – добраться до предков современных бандеровцев и выжечь дотла их лесные схроны.

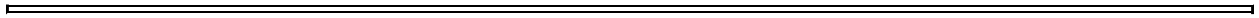
- [Георгий Савицкий](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Георгий Савицкий Позывной «Волкодав». Огонь Сталинграда

© Савицкий Г. В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*«...До последней капли крови защищать каждую
позицию... цепляться за каждый клочок советской
земли и отстаивать его до последней возможности...»*

Из Приказа № 227

Пролог

Огромный город, дугой раскинувшийся по берегу Волги, был погружен в темноту – соблюдалась светомаскировка. Кое-где светились зарева пожарищ – результаты бесчеловечной бомбардировки Люфтваффе. Ориентируясь на это зарево, экипаж огромного, похожего на летающего кита «Юнкерса-90» и вел воздушный корабль.

Четырехмоторный военно-транспортный самолет Люфтваффе взлетел с аэродрома в оккупированном гитлеровцами Днепропетровске и взял курс на Сталинград. Полет проходил сложно – над морем – до все еще обороняющегося Ростова-на-Дону, а после – до самого города Сталина. Весьма скромного, всего лишь 650 километров, боевого радиуса обычного транспортного самолета Люфтваффе – «Юнкерса-52» явно не хватало, чтобы преодолеть необходимое расстояние в глубоком тылу русских. Пока их армия фанатично цеплялась за развалины Ростова, нечего было и думать, чтобы добраться до Сталинграда и обрушиться на этот важный промышленный и транспортный центр всей мощью Вермахта. Но вот диверсии, террор и вредительство – это как раз то, что нужно!

Четырехмоторный двухкилевой «Юнкерс-90» вез в своем чреве два десятка вооруженных до зубов «пассажиров» из диверсионного полка «Бранденбург-800». Это не были предатели и перебежчики, прошедшие спецподготовку в одной из разведшкол. Все – военнослужащие Абвера, которые обеспечивали победоносный «Блицкриг» в Польше и во Франции, участвовали в парашютном десанте на бельгийский форт Эбен Эмаль в 1940 году. На тот момент это была первая в мире десантная операция с использованием планеров. Непрístupный со всех направлений бельгийский форт пал от молниеносной атаки с воздуха!

Гитлеровские десантники считали, что так же падет и город, названный в честь Главы СССР Иосифа Сталина.

В салоне самолета на полу лежали тюки с оружием, боеприпасами, взрывчаткой, другим снаряжением. Это все тоже планировалось сбросить на парашютах. Диверсионная группа полка «Бранденбург-800» рассчитывала закрепиться в Сталинграде надолго. С немецкой методичностью сеять смерть, разрушения и панику в городе Сталина.

Вспыхнула сигнальная лампа над дверью, открылся «темный портал» во мглу и неизвестность. Но диверсанты Абвера были крепкими ребятами, с «хозяйством», выкованным из крупповской брони!

Один за другим они исчезали в проеме десантного люка. Серые, с маскировочными разводами, купола парашютов были практически незаметны на фоне ночного неба. По расчетам командира группы, они должны были приземлиться за Волгой, там, где еще не было городской застройки. Многочисленные хутора и деревеньки, множество островов позволяли скрыться, организовать сеть тайных баз и схронов и уже оттуда скрытно атаковать основные промышленные предприятия города. Сталинградский тракторный, а фактически – танковый завод, нефтеналивные емкости Нефтесиндиката, огромный элеватор, железнодорожный вокзал, электростанция – все это были первоочередные цели гитлеровских диверсантов.

Приземление было более жестким, чем рассчитывал командир диверсионной группы полка «Бранденбург-800». Советская земля встретила не только ударом по подошвам сапог, но и не менее сокрушительным ударом приклада автомата по черепу. Окружающая тьма вдруг полыхнула ярчайшей вспышкой, внутри черепа будто бы взорвалась граната, а потом командир немецкой диверсионной группы провалился во тьму гораздо более густую, чем непроглядная волжская ночь...

Во тьме на земле завязалась жестокая рукопашная схватка. Приземлившись немецких парашютистов внезапно атаковали неуловимые тени. Они жестко взяли в оборот матерых агентов Абвера. Дезориентирующий удар, жесткий захват в стиле боевого самбо, и не менее жесткий бросок. И вот уже поверженный враг хрипит, а горло перехвачено удушающим приемом.

Вместе с неуловимыми ночными бойцами диверсантов Абвера атаковали огромные, клыкастые животные. Панический ужас обуял закаленных в десантных операциях в Европе агентов «Бранденбурга-800». Казалось, что в атеистической Советской России большевики превратились в бесстрашных берсерков-оборотней! Огромные псы налетали на немецких диверсантов, в прыжке валили их на землю и держали разъяренные клыкастые пасти в каких-нибудь сантиметрах от горла врага. Некоторые диверсанты успевали выхватить пистолеты, но тут же стальные челюсти служебных собак смыкались на руке с оружием.

В считанные минуты побоище было закончено.

В темном небе слышался гул удаляющегося немецкого самолета. Его отслеживала советская радиолокационная станция, так называемый «радиоуловитель самолетов» РУС-2. Это был самый первый советский импульсный радиолокатор, который приняли на вооружение в конце лета 1940 года. А первый опыт по радиолокационному обнаружению самолетов

в СССР был произведен еще в январе 1934 года в Ленинграде.

Советские зенитки молчали, чтобы не раскрыть засаду на гитлеровских диверсантов. Для агентов «Бранденбурга-800» удаляющийся гул «Юнкерса-90» стал прощальной музыкой. Теперь у них был простой выбор – встать к стенке или сотрудничать с контрразведкой НКВД.

Командир подразделения, вступившего в рукопашную схватку с немецкими парашютистами, подошел к радисту.

– Сообщи в штаб, операция прошла успешно. Все парашютисты задержаны, с нашей стороны двое легкораненых. Командир Особого отряда НКВД по охране Юго-Западного фронта ^[1] лейтенант Ракитин.

Глава 1

Песчинка в жерновах истории

Лейтенант Госбезопасности Виктор Ракитин... Сколько таких лейтенантов было разбросано по всем фронтам, дивизиям и полкам Красной Армии?.. Десятки и сотни тысяч. Они поднимали роты и взводы в атаку, идя на верную смерть. Они честно несли тяжкое бремя воинской службы – с его караулами и нарядами, тревогами и марш-бросками, вечным недосыпанием и тяжелейшим нервным напряжением. Скольких из них уже перемололи безжалостные жернова величайшей войны на планете? Скольких еще эти жернова разотрут?..

А вот с песчинкой-Ракитиным адские жернова гитлеровской машины смерти забуксовали, были вынуждены замедлить свой ход. Совсем незаметно в общемировом масштабе, но все-таки...

Виктор Ракитин оказался «не к месту и не ко времени», но и героем он не стал. Просто он «провалился» более чем на полвека, попал из охваченного войной Донца 2016 года напрямик в осень 1941-го – в родной город Сталина. Он даже и сам не понял поначалу, что с ним произошло.

Группа спецназа МГБ самопровозглашенной Донецкой Народной Республики участвовала в спецоперации по захвату террористов «Правого сектора» ^[2]. Спецназовец Ракитин пристрелил одного из бандеровцев, который попытался оказать сопротивление, но и сам попал под взрыв гранаты. Бронежилет и шлем с пулестойким забралом ослабили роковой удар, но Ракитин балансировал на грани жизни и смерти. А его сознание «провалилось» более чем на полвека назад. Но и в этих времена воин Республики продолжил «работу по профилю» – сражался с диверсантами и шпионами, задерживал вредителей, собственноручно расстреливал дезертиров. Пройдя огненный ад сорок первого года, он от звания старшего сержанта погранвойск НКВД дослужился до офицерского звания лейтенанта Госбезопасности, был ранен и награжден боевыми орденами. Но главная цель была все еще далека, как и Великая Победа. Виктор Ракитин хотел уничтожить бандеровцев в их логове – в Карпатах. А до 1944 года было еще ой как далеко! Нужно было выстоять и победить здесь и сейчас, чтобы прожить еще один день, полный смертельной опасности и непредсказуемых поворотов переменчивой фронтовой судьбы... Но у

Виктора Ракитина, лейтенанта Ракитина, была цель – она наполняла его жизнь смыслом.

Даже крохотная песчинка может при желании и удачном стечении обстоятельств заставить жернова истории вращаться медленнее.

* * *

На вооружение Особого отряда НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта поступили новые пистолеты-пулеметы конструкции Судаева. Оружие вызвало весьма неоднозначные мнения среди пограничников, из которых обычно комплектовались части по охране тыла действующей армии. Войска НКВД всегда одними из первых получали и испытывали в бою новые образцы вооружения. В этом отношении Госбезопасность была весьма передовой структурой военного времени в плане обеспечения новейшим вооружением, снаряжением и оборудованием. В июле 1942 года серийный выпуск нового пистолета-пулемета конструктора Алексея Ивановича Судаева только планировался, но опытная партия этого оружия уже была передана на самый ответственный участок фронта – в Сталинград.

Кстати, пристреляв пистолет-пулемет Судаева, лейтенант Ракитин усмехнулся. Он вспомнил своей «памятью попаданца», как в XXI веке многочисленные «умники» спорили, правильно ли называть пистолет-пулемет, использующий схему автоматики на основе отдачи полусвободного затвора, «автоматом». А вот сейчас Виктору было без разницы, как называть автомат ППС-42 – лишь бы «валил» гитлеровскую сволочь и осечек не давал! К тому же в годы войны название оружия определялось темпом стрельбы: одиночным, автоматическим или полуавтоматическим, как у самозарядных винтовок. Из этого исходили и наставления по стрелковому делу. Автоматчик – он и есть автоматчик, в отличие от пехотинца, вооруженного винтовкой Мосина!

Новые пистолеты-пулеметы воины с зелеными петлицами получили одними из первых. У многих необычный вид оружия вызвал удивление – слишком маленькими и какими-то неказистыми выглядели новые автоматы. Сделаны они были целиком из металла, не было ни деревянной ложи, ни приклада, как у ППШ или пистолета-пулемета Дегтярева. «Судаевский» автомат выглядел, как игрушка, но вот характеристики у него оказались весьма серьезные. Прицельный огонь можно было вести из ППС-42 на двести метров, но убийность пистолета-пулемета составляла все восемьсот.

Хотя у нового оружия не было режима одиночной стрельбы, но при известной сноровке можно было «отсекать» выстрелы, быстро нажимая на спусковой крючок. «Рожки» на тридцать пять патронов были гораздо удобнее, чем тяжелые диски ППШ на вдвое больший запас патронов. При нажатии на спуск затвор выхватывал патрон из рожка, вставлял его в патронник и сразу пробивал капсюль. Темп стрельбы ППС-42 был заметно ниже, чем у ППШ – шестьсот выстрелов в минуту против тысячи. Бойцы позитивно оценили и эту характеристику – из нового автомата получалось вести прицельный кинжальный огонь и легче контролировать расход патронов. Это – не «пожиратель патронов Шпагина»!

Бойцы Особого отряда НКВД отметили, что новое оружие можно вполне спрятать под плащ-палатку, и пистолет-пулемет будет практически незаметен. Несмотря на целиком металлическую конструкцию, весил он с патронами чуть больше трех с половиной килограммов, а в длину с разложенным прикладом был меньше метра.

В общем, новый пистолет-пулемет ППС-42 бойцам Госбезопасности понравился – компактный, удобный, надежный и убойный. Такие характеристики особенно важны в условиях городского боя, стрельбы в помещении или стесненном пространстве. С полигона пограничники возвращались в приподнятом настроении. Многим, особенно молодежи, не терпелось испытать новое оружие в бою.

* * *

Полигон, где проходили стрельбы из новых пистолетов-пулеметов, располагался за Волгой. На обрывистом правом берегу великой русской реки раскинулся промышленный гигант – город Сталина.

Виктор Ракитин глядел на набережную Сталинграда: вот Соляная пристань, а дальше слева направо раскинулись перед взором лейтенанта Госбезопасности пивзавод, комплекс зданий НКВД – большой жилой массив, вдалеке виднелась мельница Гергардта. В центре возвышался огромный «Г-образный дом», как его называли сами сталинградцы. Дальше направо высились огромные емкости Нефтесиндиката. На горизонте возвышалась громада Мамаева кургана.

Буксиры тянули по Волге, пыхтя черным дымом из труб, тяжело нагруженные баржи. Они везли все необходимое для работы Сталинградского тракторного завода, гиганта металлургии «Красный Октябрь», и других важных оборонных предприятий. Отдельными караванами шли

нефтеналивные баржи, сливая «черное золото» в огромные баки-танки Нефтесиндиката.

Через реку в сторону города шел большой паром с армейскими грузовиками, а в обратную сторону резали волны юркие речные трамваи. Замаскированные у многочисленных островов и островков, стерегли военное небо стволами крупнокалиберных пулеметов и зенитных автоматических пушек бронекатера Волжской флотилии.

Огромный город насчитывал накануне войны свыше 455 000 жителей. А с учетом эвакуированных, наверное, уже перевалило за полмиллиона человек. К коренным сталинградцам прибавились еще и эвакуированные. Эшелоны с беженцами шли с Донбасса и из Воронежа, из Ростова-на-Дону и из блокадного Ленинграда. Наплыв людей был огромным.

Как раз это и беспокоило лейтенанта Госбезопасности. Среди эвакуированных, прикрываясь «овечьей шкурой», были и настоящие «волки» – агенты Абвера. Хаос военного времени, спешка эвакуации, бомбежки эшелонов – все это создавало благодатную почву для проникновения вражеских агентов. Ночью над Сталинградом гудели моторы не только бомбардировщиков Люфтваффе, но и тяжелых «транспортников». С них сбрасывали группы парашютистов.

Противодействовать гитлеровской разведке было невероятно тяжело, не хватало людей и автомобилей. Бойцы-пограничники НКВД спали всего по несколько часов в сутки, но с трудом справлялись с огромным наплывом оперативной информации и постоянно меняющимися обстоятельствами военного времени.

Вот и сегодня по возвращении со стрельбища нужно было почистить и смазать оружие, отвести личный состав в столовую (ну, с этим и старшина справится) и умудриться поспать хотя бы пару часов перед ночным дежурством по городу.

* * *

Ракитин ворочался с боку на бок. Казалось – намаялся за целый день, только бы до койки добраться... А нет сна ни в одном глазу! Он лежал навзничь, прикрыв глаза, и вспоминал.

Свою жизнь в ином времени, но в похожих обстоятельствах. Вот интересно, расскажи он своим однополчанам в Сталинграде лета 1942 года, что в 2014 году на Донбасс снова придут фашисты и украинские националисты – кто поверил бы?.. Ведь как думали те, кто сейчас

сдерживал натиск Паулюса и Гота на подступах к Волжской твердыне: вот победим Гитлера – и заживем счастливо! Понятное дело, им, прошедшим ад сорок первого года, нечеловеческими усилиями отбросившим врага от Москвы, казалось, что большей беды на их Родине быть не может. Оказалось, что может, и беда эта – утрата исторической памяти. Потому и поднял голову на Украине более чем полвека спустя бандеровский фашизм.

Тот злополучный взрыв гранаты при штурме террористов «Правого сектора» в Донецке отправил Виктора Ракитина фактически в «отправную точку». Как это случилось, бывший студент-историк Донецкого национального университета, спецназовец МГБ ДНР, а ныне – лейтенант Госбезопасности НКВД СССР, понять не мог. Видимо, не зря эта война носит название Великой Отечественной. Великие сотрясения, терзающие Отечество, и породили, видимо, пространственно-временные возмущения, истончилась сама ткань реальности. Будь Ракитин физиком, а не историком, он бы наверняка отыскал соответствующие физические формулы и теории, вспомнил бы великого Альберта Эйнштейна и нашел объяснения. Но будучи все же историком, он решил повлиять на вроде бы неизменный ход событий. Боле того, Виктору это вполне удалось.

Отступая из захваченного гитлеровцами Донбасса осенью 1941 года, уже весной 1942-го он оказался на Барвенковском выступе, незадолго до второго наступления Красной Армии на Харьков. Он знал своей «памятью попаданца» о том, что произойдет катастрофа – танки Эвальда фон Клейста ударят во фланг наступающим на Харьков частям Красной Армии. Стремительная атака из-под Славянска и Краматорска станет полной неожиданностью и полным крахом для советских войск. Но что мог поделать на тот момент младший лейтенант Госбезопасности?.. Уж точно – не пробиваться с боем в штаб к Командующему наступательной операцией маршалу Тимошенко! Вместо этого Виктор всячески старался усилить противотанковую оборону Барвенково и любой ценой удержать этот важный населенный пункт. Благо, именно это и было в скромных силах командира Особого оперативного отряда войск НКВД по охране тыла. Подразделение Ракитина было приписано к этапно-заградительной комендатуре Барвенково, а это давало определенные преимущества в оперативном плане.

В итоге, когда все же началось роковое для Красной Армии контрнаступление немецких танковых дивизий, Барвенково стало «крепким орешком» для немецких «панцеров». Гарнизон городка сражался стойко, отражая атаку за атакой. Стойкость и мужество защитников Барвенково позволили остальным частям Красной Армии, хоть и с большими

потерями, но все же выйти из «Барвенковского котла».

Вот так сработала одна-единственная «песчинка» в жерновах истории. Благодаря усилиям всего одного человека и правильной точке приложения этих усилий исторические события не повернули вспять, но приобрели более благоприятный характер для всей Красной Армии.

Подразделения оказались не обескровленными полностью, сохранили управление, боевую технику и вооружение. В дальнейшем именно эти части вставали заслоном на пути гитлеровских войск дальше, к Сталинграду. Упорно сражался Ростов-на-Дону, сдерживая натиск гитлеровских захватчиков.

Ракитин знал «памятью попаданца», что для развертывания полномасштабной обороны Сталинграда катастрофически не хватало времени. Получается, что своими действиями в Барвенково он выиграл это драгоценное время для Волжской твердыни. Вокруг города возводилось несколько полос оборонительных укреплений, превращая Сталинград в неприступную крепость.

Виктор видел, как на северной окраине города местные жители – в основном женщины, подростки и невоеннообязанные – рыли окопы и ходы сообщения, противотанковые рвы, строили блиндажи и огневые точки, позиции артиллерии и пути подвоза боеприпасов. Несколько полос обороны пролегли по северным окраинам деревни Спартановка, поселков Латошинка и Орловка. Господствующая «высота 102.0» – величественный Мамаев курган тоже был укреплен линиями окопов, замаскированных огневых точек. Все делалось в соответствии с военной наукой о фортификации.

На железнодорожный вокзал «Сталинград-1» прибывали воинские эшелоны с пополнением. На платформах, укрытые брезентом, ждали своего часа зенитные и противотанковые пушки, реактивные «Катюши», тяжелые гаубицы. Сотни тонн боеприпасов самых разных калибров и наименований ежедневно перегружали солдаты из длинных эшелонов в «полуторки» и «пятитонки». Подошла и помощь союзников – английские танки «Валлентайн» и мощные американские грузовики «Студебеккер», а вместе с ними – радиостанции и радары, электронное и электротехническое оборудование, прицелы для танковых орудий и австралийская тушенка, пиленый сахар и канадское сало.

Бои за Сталинград обещали быть самыми масштабными в этой Великой Отечественной войне – но к ним успевали подготовиться.

С этими мыслями Виктор Ракитин, «песчинка в жерновах истории», и провалился в глубокий омут сна без сновидений.

Разбудили лейтенанта Ракитина перед ужином. Личный состав основательно подкрепился перед выходом на ночное патрулирование. Пограничники проверяли оружие и снаряжение, получали боекомплект. Виктор вогнал в приемную горловину пистолета-пулемета изогнутый «рожок» на тридцать пять патронов, отвел затвор и поставил оружие на предохранитель. Поверх гимнастерки надел два подсумка – каждый на три запасных магазина. Было не очень удобно, Виктор пожалел, что здесь еще не придумали разгрузочные жилеты с удобными в бою карманами под боекомплект. Проверил надежный «Наган» в кобуре. За голенищем сапога спряталась удобная и смертоносная финка.

На общем построении комендатуры определили сектора ответственности, разбили комендантскую роту на патрули по трое. Особый отряд лейтенанта Ракитина выступал в роли подвижного резерва – мотоманевренной группы на четырех грузовиках-«полуторках». На каждом автомобиле находился радист с рацией, так что на вызов реагировали оперативно.

Виктор вместе со всеми забрался в открытый кузов «полуторки» и устроился у заднего борта. Он предпочитал находиться вместе со своими людьми, чтобы не тратить драгоценные секунды во время боя. Вместе с командиром в кузове поместилось семеро бойцов – отделение.

Неприхотливый армейский грузовичок покатил вдоль Сталинградского тракторного завода. Он был спроектирован американской фирмой «Альберт Кан Инкорпорейтед», при вводе производства в эксплуатацию активно участвовали американские инженеры. Строительство гиганта советской индустрии было начато в 1926 году, а уже спустя четыре года – 17 июня 1930-го – с конвейера сошел первый колесный трактор СТЗ-1. А 20 апреля 1932 года была освоена проектная мощность завода – 144 трактора в сутки.

Лейтенанту Ракитину как-то попала на глаза заметка в газете «Поволжская правда», номер от 15 июля 1928 года. Там говорилось:

«Около двух лет тому назад на огромном пустыре, что тянется за металлургическим гигантом Поволжья, заводом «Красный Октябрь», был заложен начальником Главметалла тов. Межслауком репер № 1 с надписью: «Тракторный завод имени Феликса Дзержинского». Так родился в июльский день 26-го года первый тракторный завод в Советском Союзе. Весной прошлого года ожил, зашевелился пустырь, начались первые работы на Тракторострое. В этом году контуры строительства уже

определились, строительство тракторного завода вместе с оборудованием и рабочим поселком обойдется в 34 с половиной миллионов рублей».

С начала Великой Отечественной войны Сталинградский тракторный завод оставался практически единственным предприятием, на котором был освоен полный цикл производства самых массовых средних танков Т-34. Заводы из Харькова только разворачивали свое производство в эвакуации. Новые предприятия на Урале, в том числе и знаменитый «Уралвагонзавод» – тоже только выходили на проектные мощности. А в Сталинграде день и ночь гремел металл, слышались гулкие удары паровых и гидравлических прессов, мелькали синеватые сполохи электросварки. Мощные электромостовые краны с легкостью атлетов цепляли готовые башни и аккуратно ставили их на круговой погон броневое корпуса «тридцатьчетверок». Новенькие боевые машины выходили из ворот завода и отправлялись на танкодром, а потом – и в действующие части. Сталинградское сражение не зря называют «Битвой «тридцатьчетверок»» – именно Сталинградский тракторный обеспечил огромное количество этих замечательных машин в войсках!

Броневую сталь варили металлурги завода «Красный Октябрь», артиллерийский завод «Баррикады» обеспечивал танки пушками. На самом тракторном было освоено производство и ремонт танковых двигателей и огромного количества сопутствующих деталей, узлов и агрегатов танков. Несомненно – это было важнейшее производство, говоря современным языком – военно-промышленный кластер.

Этот кластер и охранял, главным образом, Особый оперативный отряд НКВД лейтенанта Ракитина. Серьезные усилия Государственной безопасности были вполне оправданы. Гитлеровцы всеми силами пытались нарушить жесткий производственный график огромного завода. На тракторном заводе и в примыкающем к нему Соцгородке, где в специально отстроенных многоэтажных домах жили рабочие, уже было предотвращено несколько диверсий.

Пару раз даже обнаруживали и обезвреживали «адские машинки» с довольно мощным зарядом взрывчатки. Отлавливали диверсантов, которые сигналили с высот и направляли бомбардировщики Люфтваффе на цели в Сталинграде. Немецкий фронт еще не вышел в излучину Дона и Волги, вражеские аэродромы были довольно далеко, и «дотянуться» до Сталинграда удавалось пока только некоторым немецким самолетам с минимальной бомбовой нагрузкой. Но все же и такие разрозненные налеты были опасны.

«Полуторка» мотоманевренной группы неспешно катила по улицам Соцгородка. Лейтенант Ракитин по опыту знал, что примерно часов до двенадцати ночи можно не беспокоиться – ничего особо опасного не будет. В городе введен комендантский час, и никто в здравом уме шляться по улицам ночного Сталинграда не станет. А вот после полуночи как раз и выползала всяческая нечисть... Тогда – держи ухо востро!

– Радист, рацию – на прием! Слушай эфир, самостоятельно на передачу не выходи. Обо всех изменениях обстановки докладывать мне лично.

– Есть, командир.

Войска Госбезопасности были оснащены совсем неплохо. Переносная компактная рация в каждой машине – по военным временам это была роскошь! Но Виктор знал цену отлаженной оперативной связи и управления тактическими подразделениями.

– Товарищ лейтенант, можно ж перекурить пока?.. – Рядом с командиром трясся на ухабах дороги усатый старшина. Он еще Первую мировую застал под началом легендарного Брусилова.

Виктор ценил этого солдата, который на все сто процентов оправдывал поговорку: «старый воин – мудрый воин». Он кивнул старшине...

– Можно перекурить... Только внимательно по сторонам поглядывайте, Степан Иванович.

– Будет сделано.

«Полуторка» тем временем свернула к насосной станции. Отсюда подавалась вода во все дома Соцгородка, в котором жили рабочие тракторного завода. В одноэтажном кирпичном здании с плоской крышей день и ночь гудели мощные насосы, перекачивая воду из Волги. Отфильтрованная и обработанная вода подавалась в жилые здания, столовые, бани. Соцгородок был спроектирован как жилой район, со всеми современными удобствами. Это и был наглядный показатель индустриализации.

Здание насосной было обнесено глухим забором, поверху натянута колючая проволока. Около ворот устроен контрольно-пропускной пункт с будкой для часового и небольшой баррикадой из наполненных песком снаряжных ящиков. Важный объект инфраструктуры охранялся милицией и бойцами рабочего ополчения Сталинградского тракторного завода. В принципе, относящаяся к заводу насосная станция должна была быть под

контролем ВОХР – вооруженной охраны завода. Но поскольку она все же размещалась за территорией и относилась к городу, то ее охраняли милиционеры из Тракторозаводского районного отделения.

Возле ворот насосной станции стояла такая же «полуторка», а рядом с ней – пара рабочих с винтовками. Кепки с широкими козырьками скрывали лица, рабочие брюки заправлены в сапоги. Пиджаки поверх гимнастеров дополняли обычный полувоенный наряд.

Виктор перебрался к кабине и хлопнул ладонью по фанерной крыше.

– Останови-ка, Вася, – лейтенант и сам не понимал, что его «зацепило», но все же решил проверить.

С протяжным скрипом тормозов армейский грузовик остановился возле ворот насосной станции. Лейтенант спрыгнул из кузова, придерживая болтающийся на плече пистолет-пулемет.

– Привет ополчению!

В ответ раздался отчетливый лязг затвора.

– А ну, стоять! Кто такие?..

– Эй, сбавь обороты. Что ж вы, работяги, – охренели совсем?! – Виктор уже держал компактный автомат наготове, предохранитель был снят. – Районная комендатура!

– Виноват, товарищ офицер, не признали сразу... – Работяги опустили винтовки, но на ремень оружие брать не торопились.

Кутивший в кабине заводской «полуторки» шофер выбросил окурок и как-то подобрался весь, изредка поглядывая на подъехавший грузовик комендатуры.

Створка ворот, ведущих к зданию насосной, была приоткрыта.

– Привет героическим работникам! Закурить не найдется? – усатый старшина спрыгнул из кузова и встал рядом с Ракитиным.

Виктор кожей почувствовал волны настороженности, которые исходили от старого солдата. Да и сам присмотрелся повнимательнее. Он не ожидал такой резкой реакции от старых знакомых – рабочих, из которых был сформирован истребительный батальон. Вместе с «ястребками» воины комендатуры ловили немецких парашютистов и диверсантов, задерживали подозрительных субъектов, проводили проверку документов. Но главное – все друг друга знали. Если и не лично, то по рассказам и по разговорам. А тут – что-то непонятное.

Старшина тем временем прикурил и, выпустив облачко дыма, спросил между делом:

– А кто сегодня на смене в насосной? Не Михалыч, часом-то?.. Вы смотрите, чтобы он «за воротник не заложил». А то придут с проверкой под

утро, а он и сам – «в дупель», и вас подставит. Оно вам надо?..

– Спасибо, что подсказали, товарищ старшина. А то мы новенькие, только из ФЗУ ^[3] прибыли.

– Эвакуированные?

– Ага.

– А откуда?

– Из Мариуполя.

В этот момент гул насосов внутри здания стих. Виктор поймал настороженный взгляд одного из рабочих-ополченцев.

– К бою!!! – внезапно заорал Ракитин, бросаясь на одного из работяг с винтовкой.

Михалыч, о котором говорил старшина, вообще не пил. Об этом знали все – и «комендачи» в том числе. А вот те, кто выдавал себя за рабочее ополчение, этого не знали. Да и «полуторка» только развозила ополченцев по объектам, но никогда не оставалась на ночь. Не видно было и милиционеров, совместно с которыми рабочие охраняли насосную станцию. А вот это насторожило лейтенанта Ракитина больше всего.

Служба в Государственной безопасности СССР, к которой во все времена относились и пограничники, имеет свою особую специфику. Воины в зеленых фуражках ведут бой со скрытым врагом, вне привычной линии фронта. Тут важно – заставить врага проявить свое истинное лицо. Это называется – момент истины.

Вот только истинное намерение врага, диверсанта – уничтожить своего противника, напасть первым – внезапно и молниеносно.

Вот этого сделать своим противникам ни лейтенант Ракитин, ни его напарник старшина не позволили. Они сами бросились в атаку, опередив врага буквально на доли секунды. Виктор ударил пистолетом-пулеметом, хоть приклад и не был разложен, он попал ряженому «рабочему ополченцу» металлическим «рожком» в лицо. Тот отшатнулся. Виктор перехватил компактный автомат и нажал на спуск. Коротко протрещала очередь. Враг с земли так и не поднялся.

«В рукопашной схватке побеждает тот, у кого патронов больше!» – молнией пронеслись в мозгу слова инструктора по огневой подготовке. Старый чекист оказался прав, и Виктор добрым словом помянул своего наставника.

Старшина успел парой точных ударов свалить своего противника на землю и, не церемонясь, выстрелил тому в ногу. Третьего «ряженого» возле ворот насосной «снял» короткой очередью Ракитин.

Водитель «полуторки» выстрелил из пистолета прямо через фанерную

дверь, но тут же ничком упал на рулевое колесо, надавив на клаксон. Мгновенно пришедшая мысль озарила Ракитина: он понял, что его насторожило с самого начала. У стоящей рядом с воротами «полуторки» не было картонного прямоугольника ночного пропуска за лобовым стеклом!.. Это и стало сторожевым сигналом для подсознания Виктора.

Из грузовика комендатуры уже выпрыгивали остальные бойцы Оперативного отряда, один из них повел еще дымящимся стволом самозарядной винтовки Токарева.

Шестеро из восьми человек, включая лейтенанта Ракитина, были вооружены компактными пистолетами-пулеметами Судаева, остальные двое – самозарядными винтовками Токарева. На случай, если придется подавить противника сосредоточенным прицельным огнем. В этом случае СВТ-40 была просто незаменима.

Пригибаясь, пограничники подбежали к длинному одноэтажному зданию насосной станции.

– Двое останьтесь у машины, остальные – за мной! – скомандовал лейтенант Ракитин.

Он бросился ко входу в насосную, но из распахнутого дверного проема ударили пистолетные выстрелы. Бойцы Оперативного отряда рассредоточились, но без команды не стреляли.

Виктор первым нырнул в дверной проем – навстречу смертельному риску и неизвестности, прикрывая командира, за ним последовали еще двое бойцов. Остальные оцепили одноэтажное кирпичное здание, взяв на прицел окна. Подобную схему штурма они отрабатывали бесчисленное количество раз на тренировках.

Над головой снова прогремели выстрелы, но Виктор уже кувырком влетел в помещение и прямо с пола ударил короткими, кинжальными очередями. Пистолет-пулемет Судаева оказался очень удобным для боя в стесненном пространстве. Лейтенант Ракитин держал компактное оружие за пистолетную рукоятку и за магазин, который благодаря приемной горловине сидел крепко, позволяя отлично контролировать стрельбу. Низкий темп стрельбы тоже делал прицельный огонь гораздо более эффективным, ствол не подкидывало и не уводило в сторону. Первой же очередью Виктор скосил противника. Диверсант откинулся назад и сполз по стене, оставляя на белой штукатурке размазанный кровавый след. Другой «диверс» склонился над насосом. Виктор рванулся с пола в пружинистом прыжке, отбил автоматом направленный в живот нож, сам ударил ногой в колено противника. Клинок отлетел в сторону, звякнув о бетонный пол. Следующий удар, автоматом в лицо, рассадил диверсанта

скулу до кости, хлынула кровь. Виктор незамедлительно ударил локтем в переносицу, «вырубив» противника.

Его напарники проверили помещение. Больше опасности не было. Только в углу обнаружились тела рабочих смены с перерезанными глотками. Среди них – и непьющий Михалыч...

– Чисто! Один диверсант убит.

– Свяжите этого и обыщите его хорошенько, – Виктор отряхнулся и нервно передернул плечами.

Адреналин отходил, спадало возбуждение боя. Противно дрожали руки, по спине пополз запоздалый холодок страха. Но это – вполне нормальная реакция. Все – живые люди. Живые и мертвые.

Лейтенант Ракитин заменил опустевший наполовину «рожок» с патронами и поставил пистолет-пулемет на предохранитель. Вышел на свежий воздух.

Радист уже вызывал оперативного дежурного и экспертно-криминалистическую группу. Подошел один из бойцов Оперативного отряда.

– Оба милиционера в кустах – убиты ножом, удары профессиональные.

– Диверсанты хотели «отработать» по-тихому. Сволочи! – Виктор в ярости сжал кулаки.

– И еще, товарищ командир... Вот это, – в пальцах пограничника сверкнуло стекло. – Нашли ампулы в карманах диверсантов.

– Они хотели отравить воду, которую подавала насосная станция на рабочие поселки?! – сразу догадался лейтенант Ракитин.

– Похоже на то, командир... Вовремя мы гадов взяли.

– Это точно! Периметр оцеплен?

– Так точно, товарищ командир.

Вскоре приехали машины с криминалистами, контрразведкой и милицией. Прибыла карета «Скорой помощи». Медики занесли в белый фургон с красными крестами тела милиционеров и рабочих.

Трупы врагов отправились в свой последний путь в кузове обычных грузовиков под непроницаемым брезентовым тентом. Следователи НКВД проверяют по дактилокартам отпечатки пальцев, сличают точные описания и особые приметы с делами из особого розыска. Обязательно сфотографируют. Это необходимо для того, чтобы исключить уже уничтоженных или пойманных шпионов противника из розыскных ориентировок и сводок по тылам фронта. Кропотливая, неприятная, но необходимая работа...

Прибыли автоматчики 10-й стрелковой дивизии НКВД, они сменили бойцов Оперативного отряда в оцеплении. Лейтенант Ракитин построил своих бойцов. По счастливой случайности в скоротечной, но яростной схватке никто не пострадал. Одному из бойцов только пуля «Нагана» прошла навылет руку. Но ранение было легким. Пограничник наотрез отказался возвращаться в казарму или ехать в медпункт до окончания патрулирования. Его быстро перебинтовали медики «Скорой помощи» и еще дали с собой пару перевязочных пакетов.

* * *

– Передаю, товарищ капитан Госбезопасности, вам этих «гавриков», а нам нужно возвращаться на маршрут патрулирования, – отковырял лейтенант Ракитин. – Утром обязательно напишу рапорт о перестрелке и задержании.

– Хорошо, лейтенант. Классно ты с ними справился! – похвалил офицер 10-й стрелковой дивизии НКВД. – Мои орлы не сработали бы лучше!..

– Служу трудовому народу! А что там за ампулы обнаружили у диверсантов?

– Сильнодействующий яд – они хотели отравить воду в насосной станции, чтобы мор пошел среди рабочих завода. Теперь уж наши химики будут разбираться со всей этой «адской кухней».

* * *

«Полуторка» неспешно катила по сонным улицам Верхнего и Нижнего Тракторных поселков. Мобильный патруль доехал аж до Спартановки – самого северного рабочего поселка Сталинграда. Разросшееся производство требовало все новых и новых рабочих. Тракторные поселки уже не вмещали такого наплыва народа. Потому в междуречье рек – Сухой и Мокрой Мечеток – на месте бывшего села стали строить частные домовладения рабочих завода. А в мае 1936 года новый жилой массив был включен в состав Тракторозаводского района Сталинграда.

Больше никаких сюрпризов ночью не случилось. По пути пограничники под началом лейтенанта Ракитина пару раз останавливались, проверяли встреченные грузовики. Но у водителей и сопровождающих

документы были в порядке, да и ночные пропуска за лобовым стеклом ясно говорили о том, что машины идут по заданию. Но все же Виктор чувствовал свою промашку там, у насосной станции – ему нужно было внимательнее присмотреться к «ряженным работягам» с винтовками и к их машине. Может, тогда бы удалось взять их всех «по-тихому»?.. Хотя – кто его знает...

* * *

Утро застало Виктора с головой, уткнувшейся в столешницу письменного стола. Он с трудом разлепил веки – по глазам резануло ярким утренним солнцем. Он, видно, уснул, когда после окончания патрулирования засел за написание рапорта. Виктор потер щеку, на ладони остался фиолетовый чернильный след – да, так и есть.

В кабинет вошел комендант Тракторозаводского района майор Степан Антипенко. Виктор поднялся из-за стола, с грохотом отставив стул.

– Сиди-сиди, Витя. Слышал, что было у тебя на патрулировании. Ты, почитай, весь наш район от смерти спас! В общем, так, иди – приводи себя в порядок, через час у нас расширенное совещание. Как раз успеешь и умыться, и сходить в столовую на завтрак. На построение тебе не нужно, а твои ребята тоже пусть отдохнут лишний час.

– Есть привести себя в порядок и явиться через час, товарищ комендант.

Расширенное совещание проводилось в городской комендатуре Сталинграда. Вел его начальник Управления НКВД по Сталинградской области старший майор ^[4] Александр Воронин. Офицер Госбезопасности был молод для такой ответственной должности, ему исполнилось 34 года. Но это был не только опытный чекист, но и знающий боевой офицер. В тридцатых годах, будучи сотрудником органов Госбезопасности, Александр Воронин окончил Орловское танковое училище имени Фрунзе, Военно-политическую академию имени Ленина и Академию Генерального штаба РККА имени Ворошилова. Кроме того, в течение некоторого времени молодой офицер возглавлял политуправление Дальневосточного военного округа. Так что он был не понаслышке знаком и с армейской спецификой, свободно ориентировался в современной тактике и технике, знал особенности современного общевойскового боя. Эти качества стали незаменимы при обороне Сталинграда, где ставка делалась как раз на постоянные контратаки противника, а также использование танковых и

механизированных соединений.

Кстати, старший майор Александр Воронин самой своей личностью опровергал распространенное утверждение современных «либерастов-дерьмократов» и прочих «резуноидов», что Сталин перед войной будто бы уничтожал командный состав Красной Армии. Ведь учился-то Воронин как раз в тридцатые годы – в самый разгар репрессий!.. Так что подобные утверждения, как минимум, неоднозначны и требуют исследования квалифицированными и объективными научными специалистами-историками.

На совещании присутствовали все начальники районных комендатур Сталинграда, командиры оперативных групп и отрядов охраны тыла, офицеры 10-й стрелковой дивизии НКВД и руководство Городского управления рабоче-крестьянской милиции НКВД. Лейтенант Ракитин был не самого высокого звания, но он командовал Оперативным отрядом НКВД по охране тыла, следовательно – обязан был присутствовать.

Главным вопросом было переименование Юго-Западного фронта в Сталинградский. Офицеры комендатуры такую перемену восприняли стоически, ведь теперь приходилось переделывать просто море бумажной работы: вводить новые бланки постоянных и временных пропусков, менять названия документов, устанавливать соответствия старых и новых форм документации. В общем – сплошная головная боль, и все это – помимо основной работы по охране тыла того самого – переименованного фронта. Впрочем, все, как всегда... Но многие офицеры Госбезопасности, в том числе и лейтенант Ракитин, поняли – такая перемена названия неспроста.

Сталинград из тылового города стал фронтовым. За Волгой для нас земли нет!

Глава 2

Город-крепость на Волге

Виктор Ракитин проводил взглядом колонны горожан с лопатами, кирками и другим инструментом, которые под палящим солнцем направлялись на окраины Сталинграда – копать противотанковые рвы и окопы, укреплять оборону. Женщины и подростки, старики. Они будут упорно долбить сухую и твердую, как бетон, землю приволжских степей. Сотни тысяч тонн каменистой земли перевернули руки сталинградцев, чтобы создать оборонительные рубежи для красноармейцев. По восемьдесят часов под палящим солнцем с лопатами и кирками в руках они долбили и рыли плотный каменистый суглинок. Все для того, чтобы советские воины на этом рубеже могли остановить гитлеровских оккупантов.

Виктор Ракитин, став «песчинкой в жерновах истории», сумел опосредованно повлиять на фатальные для Красной Армии события весны 1942 года. «Барвенковский капкан», куда попали советские войска в результате неудачного наступления на Харьков, все же во многом клацнул вхолостую. Да, это было довольно значительное поражение, но все же не та военная катастрофа, о которой знал студент исторического факультета Донецкого национального университета Виктор Ракитин в начале XXI века.

Когда в 2014 году на Донбасс пришли бандеровцы, он недолго раздумывал – записался добровольцем в Народное ополчение, чтобы, как дед, очистить от «жовто-блакитной» фашистской нечисти свою родную землю. Виктор, что называется, побывал в переделках, участвовал в серьезных боях на рубежах самопровозглашенной Донецкой Народной Республики. Пообтерся, заматерел, грудь украсилась Георгиевскими крестами, а по-армейски короткая стрижка – ранней сединой. Виктор перешел на службу в спецназ МГБ ДНР и уже в Госбезопасности участвовал в спецоперациях. А параллельно доучивался заочно на истфаке Дон НУ. Как историка, его привлекали новомодные фантастические романы о «попаданцах» – в иные времена и иные миры. Но Виктор даже и не думал никогда, что сам станет таким вот «пришельцем во времени».

Тем не менее именно он повлиял на цепь событий, благодаря которым сейчас, летом 1942 года, Красная Армия хоть и с трудом, но все же уверенно закреплялась в Сталинграде. Виктор Ракитин и тут постарался.

Заводил нужные разговоры с нужными людьми, изредка ронял весомые доводы, наталкивал вышестоящих командиров на полезные мысли, терпеливо повторял свои утверждения в разных военных и гражданских инстанциях. К счастью, в «тоталитарном» Советском Союзе инициатива снизу всячески поддерживалась и поощрялась. Во всяком случае – в те грозные годы Великой Отечественной войны.

В планах укрепления Сталинграда Виктор Ракитин использовал не только свою эрудицию историка и уникальную «память попаданца». Он руководствовался еще и собственной – живой памятью участника обороны Донецка. Ракитин, что называется, на своей шкуре испытал жуткую ситуацию весны и лета 2014 года, когда «жовто-блакитные» орды украинских неонацистов рвались к вольной столице шахтеров и металлургов. Забыть такое Виктор не мог, но и не хотел повторения трагедии в гораздо больших масштабах.

После неудачного весеннего наступления на Харьков в мае 1942 года оставалось достаточно сил и резервов, чтобы вгрызаться в неподатливую – пересушенную и твердую, как бетон, волжскую землю тремя поясами обороны. Внешний обвод оборонительных рубежей на западе шел по реке Дон, но он был уже прорван гитлеровскими войсками. Средний – частично по реке Малая Россошка, а внутренний оборонительный рубеж был создан на подступах к самому городу. Окрестности прятали замаскированные огневые точки, капитальные, железобетонные бункеры, рассчитанные на долговременную автономную оборону. Они соединялись тоннелями и ходами сообщений. Были вырыты капониры для орудий, танков и самоходок. Устроены блиндажи и стрелковые ячейки. Подступы – заминированы, перекрыты противотанковыми ежами и железобетонными надолбами, перевиты колючей проволокой в несколько рядов. Все это адово для врагов поле взято под фланкирующий огонь пулеметов. Старички «Максимы» все еще неплохо себя показывали в позиционной войне. Восемьсот выстрелов в минуту могли выкосить огромные массы наступающей немецкой пехоты!

Да и в самом городе шла масштабная подготовка к долговременной и яростной обороне. Вся западная часть Сталинграда превращена в огромный укрепрайон. Капитальные каменные здания превращены в крепости: оконные проемы заложены кирпичной кладкой или мешками с песком, оставлены только амбразуры для стрельбы. В дополнительно укрепленных подвалах оборудованы бомбоубежища с запасами всего необходимого. В изобилии вырыты окопы и щели. Улицы перекрывали капитальные баррикады и хорошо оборудованные блокпосты.

В одном только Кировском районе было установлено около двух с половиной тысяч противотанковых ежей. В районе выкопали противотанковый ров, возвели барьер протяженностью пять километров из железнодорожных вагонных колесных пар. Каждая такая пара весила тонну. На железнодорожной ветке от Сталинградской электростанции Стал ГРЭС до песчаного карьера были выставлены в ряд, как заграждение от танков, триста вагонов. Такое же препятствие из них сделали по всему пути от станции Бекетовка на юг протяженностью двенадцать километров ^[5].

Господствующая над городом громада Сталинградского элеватора была вообще превращена в эдакий «донжон» – главную башню крепости на Волге. Капитальные, мощные стены были дополнительно укреплены. В самом здании элеватора подготовлены позиции не только для пулеметов, но и для легких пушек и минометов. Для этого «сорокапятки» доставляли на этажи в полуразобранном виде и собирали уже на позициях. На верхних этажах разместились наблюдатели и корректировщики артиллерийского огня и авиации. А на крыше встали зенитные расчеты.

Из огромных нефтяных танков была слита вся нефть. Для «черного золота» были устроены защищенные подземные хранилища на другом берегу Волги. Была разработана схема резервного водопровода. Из тыла поставлены дополнительные насосы и пожарные рукава для подачи воды из Волги для тушения пожаров. Дополнительно переброшены усиленные техникой пожарные части.

Загодя была проведена эвакуация гражданских из Сталинграда. В том числе, и уже эвакуированных из Белоруссии, Украины и других оккупированных гитлеровцами территорий СССР. Сделано это было для того, чтобы избежать больших жертв при вражеских обстрелах и авианалетах. С другой стороны, военным комендатурам и милиции стало гораздо легче контролировать порядок в городе.

* * *

А ситуация была весьма неоднозначной. По городу уже в конце июля поползли самые невероятные слухи: «Немцы на Дону!» – а это всего 60–70 километров к западу. «Немцы под Красноармейском и скоро выйдут к Волге!» – а это уж и вовсе рядом, на юге. Но в целом сами сталинградцы относились ко всем этим слухам весьма спокойно, если даже не сказать, скептически. Пугались, в основном, пуганные: беженцы из Украины, Белоруссии, Молдавии, европейской части России. Те, кто уже испытал на

себе ужасы нового европейского порядка, принесенного на штыках дивизий СС – с черепами, костями, паучьими свастиками и двойными молниями.

Через волжскую степь тянулись к пристаням на том берегу повозки и вереницы людей, нагруженные нехитрым домашним скарбом. Что можно унести на плечах?.. Совсем немного...

Виктор помнил своей уникальной «памятью попаданца» и другую эвакуацию: вереницы легковых машин с надписями на лобовых стеклах и капотах – большими буквами: «ДЕТИ». Эти машины нескончаемой чередой шли по Макеевской трассе в сторону Донецка, и дальше – на восток к границе с Россией. Стояло жаркое лето 2014 года – мирные жители спасались от «освободителей», на сине-желтых знаменах которых красовались свастики и двойные молнии, символы «волчий крик» и скрещенные череп и кости рядом с трезубцами.

Лейтенант Ракитин понимал: эта война не закончилась в победном 1945 году – она продолжится до тех пор, пока окончательно не будет уничтожена сама суть нацизма – во всех его проявлениях!..

* * *

Беженцы изрядно прибавляли хлопот Государственной безопасности и милиции в городе. Сотрудники проверяли документы, тщательно устанавливали личность, а иногда и задерживали шпионов, дезертиров и предателей. Так, с 17 по 22 марта 1942 года части 10-й стрелковой дивизии НКВД в Сталинграде провели оперативные мероприятия по проверке документов у населения города, было задержано девять шпионов, 106 преступников, 187 человек с подозрительными документами.

В июне 1942 года дело доходило уже и до открытых боевых столкновений с диверсантами! Бойцы 273-го стрелкового полка НКВД недалеко от станции Новоанинская уничтожили десант противника, вооруженный советским оружием и обмундированный в форму красноармейцев. В этом бою было уничтожено сорок семь диверсантов и еще двоих взяли в плен.

Такой же бой предстояло принять и лейтенанту Ракитину.

– Отряд – в ружье! Боевая тревога. В районе села Сухая Балка, северо-западнее Спартановки, местные жители обнаружили группу неизвестных. Одеты в советскую военную форму, но оружие – немецкое, в основном – пистолеты-пулеметы.

Две «полуторки», натруженно гудя моторами, выехали из ворот Тракторозаводской районной комендатуры и понеслись, пыля, к Спартановке. Виктор трясся в кузове головной машины рядом с радистом. Для усиления взяли двоих пулеметчиков с «Дегтярями» – хорошее подспорье, если бой затянется. С группой захвата выехал и оперативный уполномоченный контрразведки НКВД.

– Постарайтесь взять кого-нибудь живьем, – попросил он.

– Постараемся, но – не гарантируем. Зря рисковать своими ребятами я не буду, – твердо ответил Ракитин.

– Что ж, понимаю, – вздохнул капитан Госбезопасности, поудобнее перехватывая автомат ППШ.

Бойцы Оперативного отряда комендатуры были вооружены компактными пистолетами-пулеметами Судаева и самозарядными винтовками Токарева. Мощное оружие прекрасно дополняло друг друга на разных дистанциях и в различных условиях ведения боя.

Когда показалась околица села, лейтенант Ракитин приказал пограничникам спешиться. Дальше шли, рассыпавшись цепью. Виктор держал оружие наготове. Вес вороненого металла в руках придавал уверенности, но по спине между лопатками тек предательский ручеек пота. Лейтенанту Ракитину стоило большого труда унять бешено колотящееся сердце. Идти вперед и знать, что на тебя в данный момент направлены стволы винтовок и автоматов врага, было непросто. Но осознание ответственности за подчиненных бойцов все же помогало превозмочь естественный для каждого живого человека страх смерти.

Возле околицы села навстречу пограничникам Оперативного отряда встретила группа красноармейцев – в запыленных гимнастерках, но в руках – немецкие автоматы МР-40 у некоторых – наши «Мосинки».

– Рассредоточиться. Пулеметчики – на фланги. Стрелкам с самозарядными винтовками быть готовыми открыть огонь. Но без команды – не стрелять, – распорядился лейтенант Ракитин. Непосредственно рядом с ним осталось всего несколько человек, вооруженных только компактными пистолетами-пулеметами ППС-42.

Ситуация сложная: а вдруг это – «окруженцы», прорываются к своим с трофейным оружием?.. Открывать огонь с ходу нельзя, нужно до конца выяснить, кто перед ними – друг или враг? Тот самый «момент истины», который стоил жизни многим бойцам войск НКВД по охране тыла. Такая вот «непыльная тыловая служба»!..

Виктор Ракитин шагнул вперед – навстречу неизвестности и, возможно – самой смерти.

– Кто старший? Кто такие?

– Я – старший лейтенант Иванов. Третий батальон 124-го пехотного полка. Нашу часть разбили – немецкая мотопехота атаковала внезапно. Офицеры практически все погибли. Отбивались тем, что есть. Взяли много трофейного оружия, – ответил офицер с тремя «кубарями» на петлицах гимнастерки.

Петлицы, кстати, были не защитного, как полагалось, а красного, общевойскового цвета. Ну, да ладно, до сих пор достаточно массово встречалось обмундирование старого, еще довоенного типа. Как говорится, что на складах было – то и выдали. Виктор внимательнее присмотрелся к старшему лейтенанту. На груди – орден Красного Знамени и две медали. В принципе, обычное дело.

– Из офицеров вы один?.. А как погиб остальной командный состав?

– Нас бомбили «Лаптежники», бомба попала прямо в блиндаж комбата – всех разом накрыло... Потом артиллерия с танками «утюжила»...

– А раненых много?.. Где знамя полка? – задавая вопрос, лейтенант Ракитин почувствовал, как напрягся собеседник.

Действительно, если часть выдержала жестокий бой, а потом отрывалась от преследования противника, то, в любом случае, будет много раненых. А вот среди отряда Ракитин не заметил на красноармейцах белых бинтовых повязок. Кстати, о знамени полка Виктор просто так спросил, с языка слетело. Тот же старлей мог сказать, что знамя части находилось в другом батальоне, в штабе полка или погибло во время боя. Но почему-то эти вопросы сильно «напрягли» старшего лейтенанта Иванова.

Встретившись с ним взглядом, лейтенант Ракитин понял, что самые худшие предположения оправдались. Его окатила волна ненависти и ледяной злобы. Вот тебе и «момент истины»!..

– Это противник! Огонь! – Виктор в падении подсек ноги ряженого «старшего лейтенанта Иванова» и ударил того тяжелым автоматом в челюсть.

Воздух вспорола очередь немецкого пистолета-пулемета, но огненная плеть раскаленного свинца бесполезно ушла вверх. Виктор опередил врага буквально на доли секунды.

Такой маневр однозначно спас жизнь – над головой противно вжикнули пули немецких диверсантов. Используя бесчувственное тело «Иванова» как прикрытие, лейтенант Ракитин стал стрелять короткими очередями из пистолета-пулемета. Сразу двое диверсантов упали, кровь из ран быстро впитывалась пыльной сухой землей.

Над головой воздух гудел от пуль – работали оба ручных пулемета

Дегтярева, поливая диверсионную группу противника. «Вторые номера» расчетов только и успевали менять «тарелки» – диски с патронами, установленные наверху «Дегтярей». Стрелки с самозарядными винтовками Токарева расчетливо выбивали врага – пограничники славились своей меткостью. Сухо трескали пистолеты-пулеметы Судаева. Огневой натиск бойцов Оперативного отряда позволил захватить инициативу в бою.

Но и немецкие диверсанты не зря имели высокую подготовку. Они не запаниковали, действовали умело и грамотно. Яростно отстреливаясь, оставляя убитых и добивая собственных раненых, они отходили вглубь села.

– Вперед! За мной! – Виктор вскочил и повел своих пограничников в атаку, стреляя на бегу. Руку обожгло резкой болью, но офицер не обратил внимания.

* * *

Оставшиеся в живых немецкие диверсанты заняли одну из крайних хат и сдаваться, судя по всему, не собирались. Но и «выкурить» их оттуда быстро и без потерь не получилось бы. «Победа любит осторожность» – гласит поговорка древних римлян. Студент-историк, а сейчас – командир Оперативного отряда лейтенант Ракитин, был полностью согласен с античными воинами.

– В лоб мы диверсантов не возьмем... – Виктор поморщился, левая рука саднила, рукав гимнастерки был мокрым. – Они нас встретят кинжальным огнем и гранатами...

– Ранило, командир? – один из пограничников уже разрывал индивидуальный перевязочный пакет.

– Да, царапина...

Другой боец быстро ножом распорол рукав гимнастерки Виктора, водой из фляжки смыл кровь. Рана была неопасная – навывлет, кость не задета. Повезло... Пограничник туго перемотал плечо лейтенанта Ракитина бинтом.

Но Виктора сейчас больше заботило не собственное здоровье, а то, каким образом можно «выкурить» засевших в доме немецких диверсантов. Их оставалось человек пять – шесть, не больше. Но штурмовать даже импровизированное укрепление, которое представлял собой простой сельский дом, сложенный из саманного кирпича, означало рисковать людьми. А лейтенант Ракитин старался беречь бойцов и не подставлять их

лишний раз под пули.

Словно в подтверждение его слов, из окон ударили пистолеты-пулеметы противника, хлопнуло несколько винтовочных выстрелов. Пули с визгом выбили фонтанчики пыли, с глухим стуком дырявили деревянный забор.

Пограничники ответили короткими очередями.

– Без команды не стрелять! – выкрикнул лейтенант Ракитин.

– Есть!

– Дом окружен?

– Так точно.

– Эх, сейчас бы огнемет или хотя бы пару бутылок с зажигательной смесью!.. – мечтательно произнес один из пограничников.

– Ну, чего нет – того нет, – рассудительно ответил Виктор. – Так, братья-славяне, а действительно – у кого есть гранаты?

– У меня немецкая «колотушка», – один из бойцов протянул немецкую «Stielhandgranate» на длинной ручке.

– А у меня – наша «лимонка»!.. – другой пограничник достал из кармана увесистую гранату с рифленным, просеченным «квадратиками» корпусом.

У кого-то нашлась и наша противопехотная граната, похожая на небольшую банку консервов.

– Так, давайте мне сюда гранаты и перевязочный пакет!.. – Виктор туго прибинтовал к немецкой «колотушке» на длинной ручке лимонку и пару советских противопехотных гранат попроще. Получился самодельный фугас.

– Терещенко!

– Я!

– Держи связку. Мы прикроем огнем, а ты подползи поближе к дому... Видишь – у стены поленница дров? А рядом с ней – жердина?..

– Так точно.

– Взберешься тихонько на крышу и аккуратно опустишь связку гранат в дымовую трубу. И сразу же скатывайся вниз!

– Сделаю, командир!

– Автомат оставь. Как только начинаем садить из всех стволов – начинаешь ползти. И смотри мне – не вздумай геройски погибать! Ты мне живой нужен.

– Так точно, товарищ лейтенант, – широко улыбнулся пограничник. Он отдал свой ППС-42 товарищу, а сам нащупал нож за голенищем сапога.

– По моей команде... – Виктор поудобнее перехватил компактный

пистолет-пулемет Судаева. С раненой рукой с обычным автоматом ППШ он бы не справился при стрельбе. – Огонь!

Одновременно ударили два «Дегтяря», затрещали автоматы пограничников, отрывисто били самозарядные винтовки Токарева.

Терещенко, извиваясь ужом, пополз через простреливаемое пространство. Но сейчас гитлеровские диверсанты его не заметили, отвлеченные яростной стрельбой бойцов комендатуры. Вот пограничник добрался до поленницы, вскарабкался на нее, оттуда – на соломенную крышу. Осторожно, словно в ствол миномета, опустил в дымовую трубу связку гарант... Резко дернул шнурок терочного запала на немецкой гранате и тут же скатился вниз.

Замедление запала «Stielhandgranate» – четыре с половиной секунды. Через положенное время внутри хаты грохнул сильный взрыв! Печка за спинами немецких диверсантов разлетелась осколками кирпича. Вылетевший чугунный колосник снес одному из «диверсов» голову.

– Вперед! – Виктор первым вскочил на ноги и дал очередь по окнам.

Пограничники по команде рванулись вперед, рывком сократив дистанцию, они прицельно стреляли через оконные проемы внутрь. Полетели оставшиеся гранаты, внутри дома гулко хлопнуло несколько взрывов. Раскаленный свинец автоматных очередей «вымел» комнаты жилого дома подчистую! Когда пограничники Оперативного отряда штурмом ворвались внутрь, то в живых из шести диверсантов остался только один. Да и тот был серьезно ранен.

– Оказать помощь, сделайте носилки из жердей и плащ-палатки. Приставить к раненому охрану и немедленно доставить в госпиталь, – распорядился лейтенант Ракитин.

– Ты-то сам как себя чувствуешь? – спросил прикомандированный капитан контрразведки НКВД.

– В руку – навыворот... Это не серьезная рана.

* * *

Начальнику Сталинградского областного УНКВД Старшему майору
Госбезопасности Воронину Александру Дмитриевичу

РАПОРТ

Настоящим докладываю, что 20 июля 1942 года в районе села Сухая Балка северо-западнее поселка Спартановка Тракторозаводского р-на Сталинграда во время выезда по оперативному вызову Маневренного

отряда под командованием л-та ГБ Ракитина В. Н. произошел стрелковый бой с проникшей в село Сухая Балка диверсионной группой противника.

Диверсанты численностью пятнадцать человек проникли в село под видом красноармейцев, имея при себе документы, идентичные натуральным, штатное обмундирование и частично – трофейное оружие. (Список захваченного стрелкового оружия в Приложении 1).

Л-т ГБ Ракитин В. Н. по собственной инициативе пошел на контакт с целью установления истинных намерений неизвестной группы красноармейцев. Он абсолютно четко осознавал риск, которому подвергался, но действовал смело, четко и решительно – с большим мужеством и самообладанием. В результате проверки выяснилось, что Оперативный отряд комендатуры имеет дело с переодетыми в красноармейскую форму диверсантами. В ходе скоротечного огневого столкновения противник был опрокинут и смят. Инициатива оказалась полностью на стороне военнослужащих комендатуры. Враг отступил с поля боя и занял пустующий дом.

В ходе последующего штурма л-т ГБ Ракитин был ранен, но свой пост не оставил, продолжил грамотно руководить боем. В результате чего из пятнадцати диверсантов – тринадцать было уничтожено, двоих, в том числе и командира диверсионного отряда, удалось захватить живыми. Командира диверсионного отряда захватил лично л-т ГБ Ракитин В. Н.

В связи с вышеизложенным, ходатайствую о поощрении л-та Ракитина.

Оперативный уполномоченный контрразведки НКВД капитан Госбезопасности *Татарский С. Ю.*

* * *

Виктор наотрез отказался лечь в госпиталь. Рана была достаточно легкой, и он ограничился с разрешения командира только перевязками раз в пару дней. Неожиданный покой, связанный с лечением, хоть на некоторое время вырвал лейтенанта Ракитина из суматохи служебных будней.

Но это время Виктор провел с пользой. Штурм дома, в котором засели немецкие диверсанты, натолкнул его на очень интересную, а главное – своевременную мысль. Насколько знал студент-историк, Сталинградская битва обещала стать одной из первых, где бои происходили бы в черте города. Накал и ожесточение схваток обещали быть настолько сильными, что гитлеровцы впоследствии назвали это адское противостояние

«Rattenkrieg» – «Крысиная война».

Но уже сейчас подразделения комендатуры сталкивались с необходимостью штурмовать жилые здания, взламывать двери, вламываться в квартиры. Виктор Ракитин призвал на помощь свою «эрудицию попаданца». Он припомнил тактику действий спецназа в городе – проникновение в помещения, специальные приспособления для выбивания дверей, разбивания окон. На ум пришли компактные тараны, молоты и легкие штурмовые лестницы. Не позабыл Виктор и специальную альпинистскую подготовку. Идея зажила своей жизнью, но теперь ее требовалось воплотить в конкретные действия!..

И он начал воплощать... Все делалось неофициально, через знакомых в комендатуре и военкоматах. Где в дружеской беседе за кружкой черного сладкого чая, а где – и чего покрепче, Виктор выяснял, есть ли среди пополнения спортсмены-альпинисты или хорошие слесари. Вот как раз со слесарями была проблема: практически у всех толковых рабочих была заводская бронь, и в армию их не призывали. Тогда Виктор хлопнул себя ладонью по лбу и выразительно посмотрел на дымящие трубы Сталинградского тракторного, заводов «Баррикады» и «Арсенал». Вот дубина!

«В городе – три крупных производства, а я ерундой занимаюсь!» – сказал про себя Ракитин и направился на встречу с директорами заводов и цехов. Он подробно объяснял, что ему нужно, и в итоге добился понимания.

– Товарищ лейтенант, найдете сырье – приходите. Идея действительно очень интересная, – сказал ему заместитель директора по производству Сталинградского тракторного завода. Виктор Ракитин направился в городскую комендатуру. Главный, майор Госбезопасности Александр Дмитриевич Воронин, имел крутой нрав, но вместе с тем – умел видеть перспективу. Ракитин сильно рисковал служебным положением, обращаясь к нему по достаточно отвлеченному вопросу. Но на счету лейтенанта Госбезопасности уже были важные военные изобретения.

Виктор решил применить свою «эрудицию попаданца» и создал на базе длинноствольной модификации «Нагана» диверсионный револьвер-карабин с отъемным плечевым упором, глушителем звука выстрела оригинальной конструкции и диоптрическим прицелом. Диоптр и в производстве, и в обращении был гораздо проще дорогих оптических снайперских прицелов. Но на дистанции до двухсот метров позволял вести точный прицельный огонь. А опытные стрелки поражали мишени при помощи диоптрического прицела и на всех трехстах метрах!.. К тому же

«Наган» обладал абсолютной бесшумностью – при выстреле барабан револьвера надвигался на казенную часть ствола, а вытянутая гильза патрона блокировала прорыв пороховых газов – так называемую обтюрацию. Поэтому «Наган» стрелял точнее, а с глушителем – еще и практически бесшумно – звук выстрела был тише, чем хлопок бутылки шампанского. Разработанный Виктором вид специального оружия в итоге приняли на вооружение под обозначением «7,62-миллиметровый диверсионный револьвер-карабин Ракитина». Самому автору, естественно, было приятно, что его имя, образно говоря, «увековечено в металле»!

Военный комендант Сталинграда внимательно выслушал доклад лейтенанта Ракитина, прочел его служебную записку по данному вопросу. И поставил размашистую резолюцию: «Принять во внимание и всячески содействовать». Виктор просиял – с такой «броней» перед ним уже все возможности были открыты!

– Ты рано не радуйся, посмотрим на твоё изобретение в деле, – умерил пыл молодого офицера старший майор Госбезопасности.

Глава 3

«Головоломный штурм»

Проверить в деле задумки лейтенанта Ракитина пришлось уже очень скоро. Контрразведка обнаружила в одном из Домов специалистов – новом жилом массиве на юго-западе Сталинграда – подозрительную квартиру. В квартире № 50 тридцать второго дома находилось «гнездо» диверсантов.

Группа из четырех человек планировала саботаж на Сталинградской электростанции – Стал ГРЭС. Там работали муж и жена Олейниковы. С виду – обычные советские граждане. Муж – молодой и подающий надежды инженер-теплоэнергетик, работал начальником рабочей смены. Был рационализатором и числился на хорошем счету у руководства. Жена Мария работала в электроцехе слесарем по ремонту электродвигателей. В электротехнике, кстати, всегда трудилось много женщин – из-за аккуратности, усидчивости и внимательности, которые требуются в такой тонкой и ответственной работе. Молодая семья приехала в Сталинград в 1936 году, чтобы работать по специальности на отстроенном всего несколько лет назад Сталинградском тракторном заводе. Но попали все же на Стал ГРЭС.

После начала войны к ним приехали родственники – беженцы с Украины. Контрразведка установила, что это были агенты бандеровской «боевки», которые прошли спецподготовку в спецшколе Абвера в Кенигсберге. Сотрудники НКВД не спешили сразу арестовывать вражеских агентов, но взяли их «под колпак». Каждый шаг, каждое действие Степана и Варвары – так звали «беженцев», становился известен советским спецслужбам в Сталинграде. Они-то и привели в квартиру № 50 тридцать второго дома.

* * *

Надо сказать, что в Сталинграде и до войны хватало «вредительского элемента», так что контрразведка НКВД свой усиленный паек не зря ела. Еще в 1931 году на завод поступил подозрительный рабочий, при более тщательной проверке оказавшийся муллой Хайдером. Он агитировал других рабочих, что строительство Стал ГРЭС противно Аллаху, который

всех ударников производства к концу пятилетки сожжет своим небесным огнем! ^[6] С незадачливым проповедником сотрудники компетентных органов провели профилактическую беседу, с точки зрения материализма обосновав вероятность замены кар небесных на земные по отношению к конкретному «заблудшему» гражданину. Гражданин внял доводам компетентных товарищей.

Таких инцидентов было с лихвой на всех промышленных объектах Сталинграда. Лев Троцкий из-за границы, совсем как «либералы и демократы» конца XX, начала XXI века, злорадствовал по поводу постройки Сталинградского тракторного завода. «Человек-редиска» ^[7] утверждал, что «отсталой и лапотной» Советской России нипочем и никогда не освоить передовое американское производство. Как видно, он все же ошибся.

* * *

Оперативный отряд лейтенанта Ракитина подняли по тревоге, хотя это и не был их район ответственности. Дело было в другом. Военный комендант Сталинградского гарнизона Григорий Кобызев и начальник областного УНКВД Александр Воронин решили в деле проверить правильность идей лейтенанта Ракитина с его «особым подходом» к силовому задержанию. По крайней мере, Виктор именно так назвал свою идею.

Бойцы Оперативного отряда собрались быстро. Рассовали по карманам специально сшитых по выкройкам Виктора Ракитина разгрузочных жилетов запасные магазины к пистолетам-пулеметам. Проверили оружие – раздалось уже привычное уху за три года войны характерное клацанье затворов. Виктор пожалел, что не успел достать стальные нагрудники, которые заменяли во времена Великой Отечественной войны советским солдатам бронежилеты. На место проведения спецоперации прибыли быстро. Двор и прилегающая местность уже были под наблюдением агентов в штатском. До поры предателей решили «не беспокоить».

– Снайперам – занять позиции. Группа захвата – за мной. Альпинисты – на крышу, – отдал указания перед боем лейтенант Ракитин. – Штурм – по взрыву!

«Нехорошая» квартира № 50 находилась на третьем этаже

четырёхэтажного жилого дома. На тот момент это были неслыханной высоты современные дома. Такие были только в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове. Что поделать – четырех – и пятиэтажки – новые чудеса индустриализации!

Виктор беспокоился, хватит ли альпинистам-верхолазам длины веревок. Ведь дома-то были «сталинские», с высотой этажей более двух с половиной метров! Но верхолазы быстро закрепились на крыше и спустились, осторожно стравливая веревки, точно на уровень третьего этажа. Здесь они зависли, ожидая команды на штурм. У каждого был молоток на длинной ручке, способный «вынести» широкие окна. Из оружия – пистолеты ТТ и безотказные «Наганы».

Снайперы, засевшие в соседнем доме и по окрестностям, тоже были вооружены «Наганами» – только в длинноствольной модификации «Револьвера-карабина Ракитина», с глушителем, диоптрическим прицелом и отъемным плечевым упором.

Сам автор изобретения вместе со штурмовой группой тихо поднялся на третий этаж. По предварительной информации, полученной от агентов «наружки», все четверо предателей были в квартире. Ракитин внимательно изучил план квартиры и знал, как будет действовать. Расчет строился на неожиданности и полном захвате инициативы.

Он не стал прибегать к стандартным ухищрениям, вроде – «откройте, вам срочная телеграмма» или – «вы нас сверху заливаете». Вражеские диверсанты отнюдь не дураки – мигом сообразят, что к чему. Будут отстреливаться до последнего, и силовое задержание в тесноте квартиры и лестничной площадки многоэтажного жилого дома превратится в бойню. Это если предатели вообще не взорвут здесь все к чертовой матери!

– Приготовить взрывчатку... – шепотом скомандовал лейтенант Ракитин.

– Есть, – сапер пристроил к замочной скважине совсем небольшой заряд тротила. Увы, удобного пластида еще не существовало, да и с мощностью можно было переборщить!..

Группа захвата предусмотрительно спустилась на пару пролетов. Сапер поджег бикфордов шнур и тоже опрометью метнулся вниз.

Ахнуло здорово! В замкнутом пространстве колодца лестницы показалось, что взорвалась фугасная авиабомба! Виктор помотал головой, раскрыв рот, – все-таки переборщили со взрывчаткой...

– Вперед!.. – собственный голос слышался, как сквозь вату или воду.

Тем не менее бойцы штурмовой группы рванулись вперед. Лучи закрепленных на груди американских электрических фонарей рассеивали

пыльную завесу. Дверь была вырвана, что называется, «с мясом» из проема.

Одновременно, по взрыву, зависшие на высоте третьего этажа «сталинки» разбили окна и ворвались внутрь. Вот с этого направления диверсанты явно не ожидали атаки! Думали, что высота более шести метров надежно уберезет их от внезапного вторжения.

В квартире раздались резкие хлопки pistolетных выстрелов. Диверсанты попытались сопротивляться даже в такой безнадежной для них ситуации. Виктор одним из первых ворвался в прихожую, преодолев дверной проем кувырком. И не зря – пули противно прожужжали над головой и продырявили стену, осыпав его штукатуркой. Ракитин дважды выстрелил по ногам мужчины, тот охнул и повалился на пол.

– Стрелять только по конечностям!!! Брать живыми!!! – орал лейтенант Ракитин во весь голос. Слух наконец-то полностью вернулся к нему, и теперь командир отряда пытался перекричать какофонию pistolетных выстрелов.

Один из альпинистов на балконе из pistolета ТТ ранил двоих диверсантов – мужчину и женщину. Последнего – четвертого – предателя взяли, прострелив ему плечо и ногу, – на всякий случай.

Снайперы с диверсионными револьверами-карабинами так и не сделали ни одного выстрела. Они бы открыли огонь, если бы злоумышленники попытались скрыться. Использовать снайперов без надежной радиосвязи и координации во время штурма было слишком рискованно – могли своих перестрелять.

«Головоломный штурм» закончился всего лишь за пару минут. Все четверо немецких агентов были взяты живыми, хоть и ранеными. Их быстро перевязали, а потом – связали и под конвоем загрузили в подъехавший фургон. Штурмующие никаких потерь не понесли.

А вот в квартире следователи НКВД обнаружили много интересного: оружие, клише для изготовления фальшивых рублей, чистые бланки документов, идентичные настоящим, заготовки печатей и штампов. Особняком на расстеленной плащ-палатке лежало оружие: pistolеты, автоматы ППШ, разобранный на части малокалиберный карабин с цейссовским оптическим прицелом и глушителем БРАМИТ. Радиоаппаратура тоже была представлена весьма разнообразно: мощная рация и несколько передатчиков поменьше, а также около десятка радиомаяков.

– Какого черта они хранили все это в квартире?! Я понимаю, тайники было не так-то и легко обнаружить. Но, по логике вещей, если мы взяли штурмом помещение – значит, вывернем его наизнанку! Они-то не дураки,

должны были это понимать... – спросил один человек в штатском другого такого же.

Тот отличался от первого только более высоким ростом и очками с круглыми стеклами в простой металлической оправе.

– Не уверен, но, видимо, эти диверсанты готовились к чему-то очень важному и назначенному на самое ближайшее время.

Лейтенант Ракитин имел слишком маленькое звание, чтобы слушать подобный разговор. Вместе со своими бойцами он стоял во дворе дома. Пограничники расположились в тени деревьев – курили, балагурили. Настроение было у всех приподнятое: штурм квартиры прошел на «отлично», потерь нет. Хорошо!

Солдаты конвойного подразделения НКВД с удивлением поглядывали на необычную экипировку бойцов группы лейтенанта Ракитина, на их разгрузочные жилеты с торчащими из карманов изогнутыми «рожками» к пистолетам-пулеметам. На жилетах были еще нашиты карманы под пистолетные обоймы, индивидуальные перевязочные пакеты и даже рации. Хотя Виктор и не был уверен, что компактные радиостанции появятся в Красной Армии или войсках НКВД. Правда, он знал, своей уникальной «памятью попаданца», что первые, еще массивные и неуклюжие, но все же – портативные рации «Моторолла» стали поступать на вооружение Морской пехоты США на тихоокеанских островах. Тем не менее и без раций более двух десятков килограммов военного снаряжения были рационально и удобно распределены благодаря новинке Виктора Ракитина. Жилеты понравились всем бойцам-пограничникам. Правда, возникала существенная проблема – это была неуставная форма, и за ее ношение можно было серьезно «влететь» – вплоть до гауптвахты и «строгача». Но, с другой стороны – они ведь не на парад так вырядились!..

* * *

В этот день, уже после штурма злополучной квартиры, Виктор Ракитин мог позволить себе чуточку расслабиться. Его рапорт на имя старшего майора Воронина ушел в Городской комитет обороны. Бойцы Оперативного отряда вычистили оружие после боя и отправились отдыхать. Сейчас урвать пару-тройку свободных часов было очень трудно. Но ведь и бойцы – не семижилые.

Виктор прошелся по городу. Вечерело. Позванивая, проехал переполненный рабочими трамвай – как раз закончилась смена на

многочисленных заводах. По улицам медленно, объезжая противотанковые ежи и баррикады, ехали грузовые и легковые машины. Управляться с достаточно напряженным потоком автотранспорта помогали девушки-регулирующие с винтовками за плечами.

С Волги слышались гудки буксиров, тянущих баржи, и больших пароходов. А с железнодорожного вокзала им отвечали пышущие жаром паровозы, тянущие длинные, тяжело груженные составы.

В некоторых местах, преимущественно – за деревьями, Ракитин замечал зенитные орудия. Расчеты зениток готовились к напряженной ночи. С каждым прошедшим днем боев фронт все ближе подходил к Сталинграду.

Ракитин купил бутылку пива в гастрономе и с удовольствием насладился вкусом «Жигулевского», присев на лавочку в сквере. Кстати, в 1936 году на проводимой Всемирной дегустации самый высший балл за качество получило именно пиво «Жигулевское». От дегустации янтарного напитка лейтенанта Госбезопасности отвлекли самым возмутительным образом.

– Что, лейтенантик, на «губу» залететь хочешь?! Сидишь тут, пиво распиваешь...

Виктор поднял голову и увидел двоих солдат с винтовками. Еще один, с погонами старшины, стоял поодаль, придерживая автомат ППШ на ремне. На рукавах гимнастерок у них были красные повязки – военный патруль. Ракитин усмехнулся, вот черт – угораздило повстречать коллег после смены!..

– Ребята, вы ошиблись. Документы – в нагрудном кармане гимнастерки. Можно достать?..

– Только медленно, – старший патруля выразительно шевельнул дырчатым кожухом ствола пистолета-пулемета Шпагина.

Виктор протянул офицерское удостоверение, там значилось: лейтенант Госбезопасности, Войска НКВД по охране тыла Сталинградского фронта, этапно-заградительная комендатура Тракторозаводского района города Сталинграда.

Глянув на документы, старшина рассмеялся:

– Ничего, комендатура, бывает!.. Коллеги, значит. А что ж это тебя в центр города занесло, если ты из Тракторозаводского?..

– Да вот, не поверишь, выдались свободные пару часиков – дай, думаю, на трамвае покатаюсь, пиво выпью, погуляю по улицам. Кто знает, может, еще и с девчонкой познакомлюсь!.. – улыбнулся в ответ Виктор.

– Послушай, лейтенант, а я тебя знаю?

– Да кто ж его... Может, где-то и виделись... – неопределенно пожал плечами Ракитин. – Знаешь, старшина, за два года войны столько лиц промелькнуло. Хотя – подожди... Осень сорок первого – Сталино... Комендатура... Ну, да! Лешка Хрящев!.. Живой!

Они крепко обнялись, похлопывая друг друга по плечам. Солдаты патруля сдержанно улыбались, наблюдая за встречей однополчан. Тем, кто не делил черный хлеб, не ел из одного котелка, не делился патронами, не прикрывал товарища в бою, – не понять, что такое фронтовое братство. Знаменитые слова Тараса Бульбы: «Нет уз святее товарищества!» – как раз об этом.

Фронтовые дороги то сводят совершенно разных людей вместе, то разводят в разные стороны. Но в то же самое время преодоление тягот военного времени – сплачивает. Экстремальные условия сдирают с человека все наносное, ненастоящее, словно шелуху. Ты остаешься только тем, кем есть на самом деле. Ценность человека на фронте определяется лишь его умениями. Иначе – никак.

– С удовольствием посидел бы с тобой за бутылочкой пивка, лейтенант. Но сам понимаешь – служба!

– Бывай, центральная комендатура!

– И тебе – не хворать, «тракторозаводской»!

* * *

Через пару дней лейтенанта Ракитина вызвали к коменданту Сталинграда старшему майору Воронину. Кроме них двоих в кабинете никого не было. Виктор, признаться, оробел – перед ним находился человек, от которого напрямую зависела судьба Сталинграда. Да и звание «старший майор Госбезопасности» приравнивалось к званию генерал-майора Красной Армии.

– Вы хорошо проявили себя, товарищ лейтенант. Штурм с применением новой методы полностью удался. Да и прежние ваши изобретения – как то: бесшумный диверсионный револьвер-карабин и сам глушитель звука выстрела – впечатляют. Нам известно, что вы также отказались от перевода в Оперативно-технический отдел НКВД, а также и от назначения инструктором на Курсах совершенствования офицерского состава. А такими предложениями – не разбрасываются. Но мы уверены, что новое задание будет вам по плечу. Как считаете?..

– Так точно, товарищ старший майор.

– Мы планируем создать оперативную группу из наиболее опытных пограничников. В их задачу будет входить противодействие диверсионным отрядам гитлеровцев, а также уничтожение любых проявлений бандитизма и терроризма. Командиру опергруппы предоставляются широкие полномочия при выполнении оперативно-боевых заданий. Этот командир – вы, товарищ лейтенант Госбезопасности!.. Ну, как – справитесь, Виктор Николаевич?.. – старший майор Воронин внимательно посмотрел на собеседника.

– Так точно, справлюсь. Когда приступать к новым обязанностям?

– Немедленно.

Глава 4

Девчонки против танков

Новое подразделение примерно равнялось усиленной роте – полторы сотни человек. Три боевых взвода, взвод инструкторов-кинологов со служебно-разыскными собаками и взвод тяжелого вооружения. В качестве последнего выступали истребители танков с крупнокалиберными ружьями. Конечно же, Ракитин хотел еще и крупнокалиберный пулемет ДШК, но, как известно – хотеть не вредно... Это мощное и безотказное оружие ему обещали, но пока такими пулеметами комплектовались преимущественно зенитные батареи. Виктор к существующему штатному расписанию добавил санитарно-эвакуационное отделение под командованием опытного фельдшера и отделение связи.

По-настоящему большим вопросом было обеспечение транспортом. Новому подразделению выделили две «полуторки» и, о чудо – легкий броневедомитель БА-20, модернизированный, с мощной рацией.

Напрасно лейтенант Ракитин доказывал старшему майору Госбезопасности Воронину, что нужны более мощные грузовики. Но тут ситуация была, как с крупнокалиберными пулеметами, – вроде бы никто не против, но нет в наличии.

Виктор имел на эти грузовики свои планы и включил солдатскую смекалку. Подписав у начальника Сталинградского Управления НКВД необходимые документы, лейтенант Ракитин отправился на поиски. «В заначке» у него была пара фляжек медицинского спирта. С «жидкой валютой» он пошел в ближайший рембат. В ремонтный батальон приходила не только наша техника, но и трофейная – немецкая. После долгой беседы одна из фляжек перекочевала сильно хромающему капитану-танкисту со следами ожогов на лице, командиру подразделения.

Итогом переговоров стало приобретение по документам двух вполне исправных немецких грузовиков «Opel Blitz». К огромной радости Ракитина это была модель «Allrad» с полным приводом, на оба моста, и сдвоенными задними колесами. Полноприводный «Opel Blitz» отличался высокой проходимостью: неплохо преодолевал грязь и глубокие лужи и мог подняться на гору с уклоном до семидесяти градусов. Обе машины имели грузоподъемность в три тонны триста килограммов, и этот факт также очень порадовал Виктора.

Вместе с «приобретениями» молодой офицер Госбезопасности направился на Сталинградский тракторный завод – здесь договориться оказалось гораздо легче. Ракитин показал несколько собственноручно выполненных эскизов и подробно объяснил инженерам чего хочет.

– Дня через три приходи... – был короткий, но емкий ответ.

– Приду, и не с пустыми руками, – пообещал Виктор.

Свое обещание он сдержал, притащив еще одну булькающую фляжку, в которую вошло почти две бутылки «топлива». Но непредвиденные расходы того стоили.

На Сталинградском тракторном заводе из трофейных немецких грузовиков рабочие сделали настоящие броневики! Капот двигателя, кабину и кузов защитили броневыми листами. На место рядом с водителем установили пулемет ДТ – «Дегтярев-танковый». А в кузов поставили спаренные пулеметы «Максим» на вертлюге с возможностью кругового обстрела. Для пулеметов сделали более широкий бронещиток, для защиты стрелка. За стальными бортами Виктор распорядился положить слой деревянных шпал, которые неплохо ловили осколки и шальные пули. А снаружи кузов помимо стальных листов прикрывала еще и резинотканевая транспортерная лента. Кроме двигателя и кабины бронезащиту получил топливный бак, а колеса прикрыли экранами из транспортерной ленты. На раму над кузовом можно было натянуть тент, чтобы защититься от непогоды, при этом «спарка» пулеметов переносилась к заднему борту кузова.

Кроме того, в стальных бортах были предусмотрены амбразуры для стрельбы из личного оружия десанта. Это позволяло вести круговой обстрел под относительной защитой.

За кабиной лейтенант Ракитин установил мощную рацию, снятую с подбитого танка, чтобы иметь постоянную радиосвязь со штабом.

Точно так же модернизировали и второй «Опель-Блиц». Теперь у Оперативной группы имелось целых три броневика! А это существенно повышало маневренность и огневую мощь отряда, которым командовал лейтенант Ракитин.

Еще одна проблема была с кадрами. Подразделения ротной тактической группы были, в основном, укомплектованы. Вот только старшину Виктор себе найти не мог. А ведь всем известно, что именно старшина – настоящий хозяин роты. Именно от него зависит, будут ли солдаты вовремя накормлены, нормально одеты-обуты, будет ли в подразделении в достатке провиант, патроны и другие припасы, какой микроклимат сложится в боевом коллективе. Все это – исключительно

важно.

И тут Виктор вспомнил о Лешке Хрящеве. Они были знакомы еще с осени сорок первого года – с оборонительных боев в городе Сталино ^[8], столице Донбасса. Да они же виделись совсем недавно – он служит здесь, в Сталинграде, в комендатуре Ерманского – центрального района города!

Вскоре он уже мчался в районную комендатуру. Старшина Алексей Хрящев как раз сменился с дежурства.

– Хорошо, что я тебя застал, Леха! Есть предложение... – прямо с порога огорошил боевого товарища Ракитин.

– Ну, что ж – выкладывай, раз приперся, – в своей обычной неторопливой и слегка грубоватой манере ответил старшина Хрящев.

Виктор изложил ему суть дела, Алексей слушал, не перебивая. Бывалый солдат понимал, что буквально со дня на день грядут такие события, сравниться с которыми может только битва за Москву. Лейтенант Ракитин говорил то же самое. А служба с ним в новом подразделении обещала быть не только полной опасностей, но и интересной.

– Дело говоришь, лейтенант. Согласен послужить в твоём подразделении. Да и служба знакомая, – согласился старшина Хрящев.

Так Виктор получил надежного «хозяина роты», бывалого солдата, на которого можно было положиться и в житейских вопросах, и в ратных.

* * *

Боевое крещение нового оперативного подразделения НКВД по охране тыла фронта было уже не за горами. Утром семнадцатого июля 1942 года старший майор Воронин собрал всех офицеров на оперативное совещание.

– Сталинградская битва – началась! Вчера, 16 июля 1942 года, у станицы Морозовской передовой отряд Красной Армии вступил в бой с немцами. В ходе столкновения с нашей стороны потерь нет – ранено несколько бойцов и подбиты три танка. Гитлеровцы отброшены с позиций. Но это только начало. Если Сталинград не устоит – падут не только Москва и Ленинград, будет уничтожен весь фронт, – заявил военный комендант города. – Поэтому приказываю – перевести Сталинград на осадное положение! Отныне мы – город-крепость.

В тот же день, 17 июля 1942 года, мотомеханизированные части Вермахта вступили в бой с передовыми отрядами Сталинградского фронта. Это случилось примерно в восьмидесяти километрах от основной линии обороны. Красноармейцы сражались до последнего патрона, до последней

капли крови...

* * *

– Враг атакует северные окраины Сталинграда, нужно сдержать его в Тракторозаводском районе. лейтенант Ракитин, отправляйтесь на усиление со своей мотоманевренной группой. На сборы – час, возьмите все необходимое. В оружейке получите по два боекомплекта на каждого бойца, – приказал старший майор Воронин.

– Есть!

Виктор лично проверил погрузку военного имущества. Колонна из пяти автомобилей – броневика БА-20, двух бронированных «Опелей-Блитц» и пары обыкновенных «полуторок» – была готова выдвинуться по команде в заданный район. Старшина Хрящев выдал всем пограничникам по два боекомплекта. Часть бойцов Оперативной группы были в разгрузочных жилетах, как и командир. Они рассовали запасные магазины к пистолетам-пулеметам и гранаты по специальным карманам и подсумкам. Виктор усмехнулся – как в старые добрые времена! Именно так он выходил на задания в своем «прошлом-будущем», в Донецке начала XXI века, в Донецкой Народной Республике. Та война стала продолжением этой войны – Великой Отечественной. Быть может, потому так легко он, попаданец, преодолел бездну лет, разделяющих два этих масштабных исторических события?..

– Товарищи пограничники, я не умею говорить долгих речей. Враг рвется к Сталинграду, и наш долг – остановить его. И так надрать задницу гитлеровцам, чтобы они бежали до самого Берлина – к своему бесноватому фюреру! Уверен, что нашими стараниями слово «Сталинград» надолго запомнят те из немецких оккупантов, кому доведется выжить!..

– Ур-ра!!!

– По машинам!

* * *

Северные окраины Сталинграда встретили бойцов мотоманевренной группы фонтанами взрывов, дымом и гарью пожарищ, свистом пуль и воем минометных мин. Оставив «полуторки» с припасами неподалеку от стен Сталинградского тракторного завода, лейтенант Ракитин выдвинулся

вперед на трех броневиках.

Поразительно и страшно преобразилась эта часть города. Дома зияли выбитыми и закопченными глазницами окон, многие здания Соцгородка для рабочих лежали в руинах. На обрушенных стенах плясало пламя, его тушили добровольные пожарные бригады. Достаточно было выйти за проходную, чтобы встретиться с врагом. Но даже в этих жутких условиях Сталинградский тракторный продолжал работать, уже фактически на передовой.

Из ворот танкового завода с грацией динозавров выползала «готовая продукция» – за рычагами «тридцатьчетверок», у прицелов пушек были рабочие, народное ополчение. Такие же работяги-ополченцы, вооруженные винтовками и снятыми с поврежденных танков пулеметами, шли к ближнему рубежу обороны. Были цеха и бригады – стали батальоны и роты.

«Точно так же, как и в осажденном Донецке летом 2014-го!» – подумал Виктор Ракитин.

Всюду царила «организованная неразбериха» прифронтового района. Тяжело груженные телеги и «полуторки» везли боеприпасы, ревели и клацали стальными траками гусениц «тридцатьчетверки». Обратно в тыл везли раненых – в бурях от крови и пыли бинтах. И тела убитых.

Чуть дальше, в низинке за полуразрушенными домами, солдаты столпились у полевой кухни в ожидании своей порции. Как говорится, «война войной, а обед по расписанию». Возле той самой насосной станции, где меньше месяца назад Ракитин схлестнулся с диверсантами-отравителями, была организована выдача питьевой воды. Несмотря на жестокие бомбежки и обстрелы немецкой артиллерии, водопровод, насосы и фильтры пока еще исправно работали, поставляя волжскую водицу.

– Где находится штаб подразделений 10-й дивизии НКВД?.. – лейтенант Госбезопасности спросил дорогу у одного из солдат.

– Поворачивай направо и поезжай дальше. Увидишь полуразрушенный двухэтажный дом. Там, в подвале – штаб обороны.

– Спасибо, служивый!

Не без труда, но лейтенант Ракитин все же нашел нужное здание. Броневики остановились рядом, водители отогнали машины под прикрытие полуразрушенных, осыпавшихся стен.

– Здравия желаю! Лейтенант Ракитин с мотоманевренной группой прибыл в ваше распоряжение.

– Очень хорошо. Бронетехника хоть какая-нибудь есть? Выдвигайтесь на позиции. А для начала перенесите на свою тактическую карту линию

боевого соприкосновения, – ответил Виктору осунувшийся офицер с петлицами подполковника.

* * *

До передовой тут было всего-то метров триста. Броневики Ракитина встали за линией полуразрушенных окопов. Тех самых, которые с таким трудом рыли жители Сталинграда. Пополнение солдаты на оборонительном рубеже приняли с воодушевлением. Посыпались солёные армейские шутки, кто-то уже нашел своего давнего сослуживца, завязались разговоры. Виктор, несмотря на солидный боевой опыт, не уставал удивляться стойкости русского солдата. Каких-нибудь полчаса-час назад здесь вставала на дыбы земля от разрывов немецких бомб и снарядов, грохотали выстрелы, свистели пули. Но только лишь появилось временное затишье в этом аду, подошли свежие силы, как снова нашлось место оптимизму. Мы вместе, а значит – выстоим!

– Как тут обстановка? – спросил лейтенант Ракитин у капитана, замкомандира батальона стрелкового полка НКВД.

– Хреновая, лейтенант, здесь обстановка. Пошли на НП, введу тебя в курс дела, пока гитлеровская сволота снова не поперла, – капитан Госбезопасности торопливо докурил папиросу, бросил окурочок на дно окопа и придавил носком сапога.

Замаскированный наблюдательный пункт располагался на пригорке. Отсюда открывался хороший обзор на оборонительные позиции и подходы к ним. Пространство перед нашими окопами было сплошь усеяно трупами в серых мундирах. Тела гитлеровцев висели на колючей проволоке полевых укреплений, валялись в воронках от бомб и снарядов или просто на земле, где застигли их пули красноармейцев. Чуть дальше чадно коптели угловатые немецкие танки, дымились бронированные коробки разбитых полугусеничных бронетранспортеров.

Немало было и наших погибших. Не только солдат, но и милиционеров, простых рабочих завода, женщин и совсем еще юнцов. Гибель каждого была трагедией, и вместе все капли русской – советской – крови сливались в одну огромную реку горечи и страданий.

– Мы уже отбили две атаки, но фашисты сейчас перегруппировывают войска, готовятся к новому штурму.

– Моя задача?

– А что у тебя есть, лейтенант?

– Три легких броневики с пулеметами, сто тридцать штыков – усиленная рота. По два боекомплекта на человека. Еще – взвод тяжелого вооружения – дюжина противотанковых ружей.

– Занимай указанный сектор обороны. Замаскируй противотанковые ружья на флангах – это наш главный козырь. Для броневиков оборудуй запасные позиции, чтобы они могли постоянно маневрировать. Не то «фрицы» их быстро засекут и «накроют».

– Уже занимаюсь этим.

– Поторопись, времени на перегруппировку у нас не так уж много...

– Товарищ капитан, прибыл корректировщик от артиллеристов, просит пройти на НП, – доложил часовой у входа.

– Пусть проходит.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Товарищ лейтенант...

Виктор обернулся к вошедшему и принял его сперва за мальчишку. Он не сразу заметил непокорные пряди, которые выбивались из-под форменной пилотки. Перед Ракитиным стояла юная девушка, совсем еще девочка. Ей, наверное, еще не было и двадцати.

Не меньше был удивлен и капитан, вместе с которым Виктор пришел на наблюдательный пункт.

– Здравия желаю...

– Я – лейтенант Стрельцова Ксения, 1077-й зенитно-артиллерийский полк, – представилась девушка. – Нужен полевой телефон и желательно – рация для связи с зенитными батареями.

– Понял, все есть. Лейтенант Ракитин, можете идти.

– Есть, – откозырял Виктор.

Придерживая болтающийся на боку пистолет-пулемет ППС-42, он бежал по извилистому ходу сообщения обратно на позиции. Здесь уже стараниями Лешки Хрящева была организована оборона. Старшина распорядился подновить разбитые после обстрелов окопы и стрелковые ячейки. Бойцы замаскировали огневые позиции. Чуть поодаль в капонирах стояли три броневики, готовые открыть огонь.

– Все готово, командир.

– К бою. Долго ждать не придется...

* * *

Лейтенант Ракитин оказался прав. С небес обрушился знакомый за два года войны вой немецких пикировщиков. Проклятые бомбардировщики

«Юнкерс-87», ставшие символом гитлеровского «Блицкрига», рушились с высоты, сбрасывая смертоносный груз на головы защитников Сталинграда. Дымные фонтаны взрывов взвились над русскими окопами. Воздух со свистом вспороли горячие зазубренные осколки, чтобы остыть в русской крови...

Но навстречу «экспертам» Люфтваффе, бомбившим Гернику и Мадрид, Варшаву и Лондон, Москву и Ленинград, ударили огненные плети трассирующих снарядов советских автоматических пушек. Зенитными орудиями управляли совсем еще девчонки, но у каждой из них был свой, личный счет к фашистам! Стиснув зубы, вчерашние советские школьницы ловили в паутину зенитных прицелов ненавистные силуэты с паучьими крестами на крыльях и полосовали грозное небо Сталинграда огненными трассами. За то, что слишком рано стали взрослыми, за то, что вместо нарядных летних платьев – строгие гимнастерки и форменные юбки, а на ногах не туфельки, а военные сапоги. За то, что в свои девятнадцать эти девочки навидались смертей на полвека вперед, за первые седые пряди в волосах.

Несколько гитлеровских бомбардировщиков, объятые пламенем, рухнули на землю. Остальные же немецкие летчики, видя, какой ураганный зенитный огонь ведется с русских позиций, торопливо сбросили бомбы на своих же – немецких солдат и поспешно ретировались.

Немцы усилили огонь артиллерии. Кустистые разрывы 150-миллиметровых гаубичных снарядов встали над советскими позициями. Но русские солдаты славились не только безудержной храбростью, но и воинской смекалкой, военной хитростью. Поэтому рядом с замаскированными основными позициями были устроены и ложные окопы, огневые точки и ходы сообщения. Пушки и пулеметы изображали обычные деревянные палки, небрежно прикрытые пучками высохшей травы и маскировочными сетями. Вот именно по этим ложным позициям и пришелся первый огневой вал.

Вермахт действовал точно, как швейцарские часы – вслед за бомбежкой и артподготовкой вперед пошли угловатые немецкие танки. А вслед за ними – пехота в ненавистных серых мундирах.

«Панцеры» с коротких остановок вели беглый огонь по нашему переднему краю. Дымно-огненные фонтаны взрывов танковых пушек немцев с каждой минутой становились все кучнее, приближались к русским окопам.

Но девочки – вчерашние школьницы – перевели стволы своих зениток в горизонтальное положение. Теперь 37-миллиметровые автоматические

пушки превратились в грозную противотанковую силу. Но девичьи расчеты орудий не торопились открывать огонь. Они решили бить наверняка! Очень непросто сохранять хладнокровие, когда по выжженной солнцем степи на тебя прет стальная лавина танков! Тут и у бывалых солдат коленки трясутся, кстати – это вполне нормально. Кто видел вблизи атакующий танк – запомнит это на всю жизнь! А девчонки у орудийных панорам – ничего, держались хладнокровно и спокойно.

Сотни метров приволжской земли исчезали под стальными траками угловатых бронированных коробок Панцерваффе, уходили последние секунды, отделяющие жизнь от смерти.

Полные девичьи губы, созданные для поцелуев и любви, шептали сейчас совсем не романтические слова:

– Азимут двадцать градусов, дистанция до цели девятьсот метров... Ориентир – склоненное дерево, левее три...

– Веду его.

– Огонь – только по моей команде!.. – капитан-артиллерист возрастом чуть больше двадцати, пышные светло-каштановые волосы выбиваются из-под стальной каски. Карие глаза под тонкими, черными вразлет бровями скрыты биноклем.

– Поняла, командир.

– Восемьсот метров...

– Шестьсот метров...

Тонкие девичьи пальцы обхватили рукоятки штурвалов вертикальной и горизонтальной наводки, вслед плавным движениям медленно поворачиваются тонкие стволы замаскированных скорострельных пушек. Вот рядом с позицией ахнул очередной разрыв танкового снаряда, но тонкие девичьи пальцы даже не дрогнули, а прищуренные глаза все так же с прищуром всматриваются в прицелы.

– Пятьсот пятьдесят...

– По фашистской сволочи – огонь!!!

Огненные плети очередей скорострельных пушек смертоносными отбойными молотками ударили по крупповской броне! Время «Тигров» и «Пантер» еще не пришло, а потому и 37-миллиметровые снаряды могли нанести серьезные повреждения немецким танкам. Особенно если автоматические пушки лупят очередями, создавая перед позициями настоящий огненный вал. Вот немецкий танк «Panzerkampfwagen-III» с короткой пушкой-«окурком» замер, получив сразу с десятков попаданий. Бронебойные и осколочно-фугасные 37-миллиметровые снаряды разбили гусеницы и повредили ведущие катки. Несколько мощных ударов

пришлось и по башне. Гитлеровские танкисты в панике распахнули люки и попытались покинуть подбитую машину. Но тут уж из окопов ударили советские пехотинцы! Раскаленный ливень свинца смел фигуры в черной униформе с розовыми петлицами Панцерваффе с дымящейся продырявленной брони.

Лейтенант Ракитин отложил в сторону бинокль и взялся за пистолет-пулемет. Верный «Судаев» залился злобным треском коротких разящих очередей. С флангов его поддерживали залиvistым пулеметным стрекотом «Дегтяри», отрывисто ударили «Мосинки» и «СВТ-шки».

Гитлеровские цепи, идущие за танками, сильно поредели. От меткого попадания полыхнул один полугусеничный бронетранспортер, затем второй. «Расстелил гусеницу» еще один немецкий танк, другой «панцер» получил 14,5-миллиметровый «подарок» от бронебойщиков в борт. Продолжали бить зенитные автоматические пушки, лупили прямой наводкой немногочисленные, но оттого не менее опасные «сорокапятки». На место убитых солдат на позиции становились живые. Перехватывали оружие из сведенных смертной судорогой пальцев. Разбита прицельная панорама орудия – наводились через канал ствола. Закончились снаряды – выходили один на один с ревущим и лязгающим сталью бронированным монстром, держа связку гранат или бутылку с зажигательной смесью.

* * *

В один из самых напряженных моментов боя гитлеровские автоматчики при поддержке новейших на тот момент пулеметов MG-42 прорвались во фланг советских позиций и пошли прямо на зенитные пушки. И тут ударили замаскированные до поры «самодельные броневики» лейтенанта Ракитина! Спаренные «Максимы» в защищенных стальными листами кузовах вскипели водой в охлаждающих кожухах, выплевывая потоки свинцовой смерти.

Немецкие пулеметчики залегли и открыли ответный огонь, стремясь поразить защищенные броневики. Но продуманное бронирование, листы высококачественной стали, размещенные под углом, сводили попадания к рикошетам. Трофейные броневики на базе немецких же грузовиков «Опель-Блитц» буквально искрились попаданиями, но пока что ни одного пробития не было!

А вот пулеметчики в кузовах опустошали патронные ленты по полтысячи свинцовых смертей каждая в темпе шестисот выстрелов в

минуту. Три десятка «фрицев» – целый взвод, буквально покروшили в капусту!

– Передай приказ – водителям броневиков сменить позиции! Отойти на запасные рубежи! – проорал на ухо вестовому лейтенант Ракитин. Он знал, что если грузовики не сменяют позиции, то немцы их накроют – будь здоров! – Выполнять немедленно.

– Есть, командир! – вестовой, где согнутый в три погибели, а где и вовсе на четвереньках скрылся за поворотом извилистого хода сообщения. Хочешь выжить – прижимайся к родной земле, она защитит.

Виктор Ракитин сменил опустевший «рожок» в пистолете-пулемете и снова открыл огонь короткими, кинжальными очередями. Его пули каждый раз находили цель, прореживая цепи гитлеровской пехоты. С такой же хладнокровной отвагой сражались и остальные его солдаты Госбезопасности.

Броневики сменили позиции как раз вовремя – очередной удар гаубичной артиллерии немцев пришелся точно по их недавнему месторасположению. Но оба трофейных «Опеля-Блитц» и БА-20 уже косили оккупантов немного в другом месте, не давая прорваться к позициям девушек-зенитчиц.

Рядом с лейтенантом Ракитиным занял позицию немолодой уже рабочий-ополченец. По виду – производственный мастер или бригадир. Выросший в городе-труженике – Донецке, Ракитин уважал таких людей, именно на них, как говорят, белый свет держится. Попусту рабочий патроны не тратил, бил из своей винтовки расчетливо. Выстрел – и фриц повалился. Еще один и еще. Обойма верной «Мосинки» на пять патронов расстреляна полностью. Рабочий завожился, перезаряжая винтовку, приподнял голову. И тут же упал, прошитый очередью немецкого пулеметчика. Он стал одним из десятков и сотен тысяч неизвестных солдат...

По брустверу окопа пробежали фонтанчики пулевых попаданий. Виктор чертыхнулся, на зубах скрипнул песок, и пригнулся, меняя в очередной раз опустевший магазин пистолета-пулемета. Прямо на его позиции медленно полз немецкий полугусеничный броневик. Пулеметчик за щитком непрерывно поливал свинцом наши окопы. Коротко вскрикнул и упал один из солдат, выронив винтовку. Виктор сжал в руке гранату и выдернул чеку. Увесистая, почти килограммовая жестянка со смертью полетела в немецкий броневик. Взрыв полыхнул между правым передним колесом и гусеничной лентой. Вытянутый, похожий на гроб броневик остановился. Похоже, и его механик-водитель, и стрелок за пулеметом

были оглушены ударной волной.

Но лейтенант Ракитин старался не отдаваться на волю случая и предположений. А потому швырнул в уже «обездвиженный» немецкий броневик еще и бутылку с зажигательной смесью. Стекло разбилось, и жидкое пламя затекло через смотровые щели внутрь корпуса. Если до этого там и оставался кто-то живой, то теперь таких там уже не было.

Но гитлеровцы не ослабевали натиск. Вслед за первым эшелонам шел в атаку и следующий. Угловатые танки и приземистые самоходки вели огонь с ходу или с коротких остановок. В этот раз бронетехника с крестами на бортах не торопилась идти вперед. Оставаясь на дистанции 400–600 метров, бронированные твари продолжали обстрел передовой линии окопов из пушек и пулеметов.

Вперед пошла гитлеровская пехота. Снова застрекотали «косторезы» – скорострельные пулеметы MG-42, заливая советские окопы раскаленным свинцом. Гулко били немецкие карабины Kar-98K, трескали пистолеты-пулеметы MP-40. Гитлеровцы действовали умело и слаженно. Под прикрытием огня бронетехники они подобрались к нашим окопам, ведя непрерывную стрельбу.

Пока немногочисленные зенитные пушки и «сорокапятки» пытались достать немецкие танки и самоходки, пехота в серых мундирах пошла на штурм оборонительного рубежа. Яростный огонь пулеметов MG-42 прижал нашу пехоту к земле, не позволяя и головы высунуть.

* * *

К ногам Виктора Ракитина упала граната-«колотушка» на длинной ручке. Виктор, не раздумывая, схватил ее и швырнул обратно – где-то за бруствером раздался глухой хлопок взрыва. Смерть в очередной раз прошла мимо, но думать об этом было некогда. В бою выбор обстоятельств, которые могут привести к гибели, чересчур велик. Потому опытному бойцу нужно постараться выжить и уничтожить побольше врагов. Выстоять, чтобы победить! Но только вот сейчас защитникам Сталинграда на этом огненном рубеже до победы было далеко, как никогда.

Под прикрытием сосредоточенного пулеметного огня и разрывов снарядов немецких танков гитлеровцы ползком подобрались к нашим окопам. Граната, которая прилетела к ногам Виктора, была одной из первых. Оккупанты забрасывали «колотушками» наших бойцов, а потом врывались в окопы. Лейтенант Ракитин увернулся от удара штыком, солнце

блеснуло на острие, когда он своим автоматом отбил выпад гитлеровца. И тут же сам ударил стальным прикладом пистолета-пулемета. Попал под дых – прямо в солнечное сплетение. Немец согнулся в три погибели, и Виктор от души добавил прикладом по затылку. А потом добил короткой, в три патрона, очередью. Развернувшись, прошил свинцом грудь еще одного немецкого пехотинца, который замахнулся на Ракитина саперной лопаткой.

В окопах кипела и хрипела яростная рукопашная схватка. В тесноте окопов времени перезарядить оружия не было. Расстрелял обойму – начал крошить черепа прикладом! Бились насмерть прикладами винтовок и пистолетов-пулеметов, изогнутыми патронными «рожками» от ППС-42, ножами, саперными лопатками. Стреляли в упор из пистолетов, а потом еще и доколачивали рукоятками. Советские солдаты даже били гитлеровцев фугасными противотанковыми гранатами! Увесистая «Танюша», весом около килограмма, использовалась как дубинка.

Гитлеровцы рассчитывали на свою выучку и численное превосходство, но жестоко ошиблись. Советские пограничники, которых было большинство в войсках НКВД по охране тыла фронта, отлично владели приемами рукопашного боя! Вот рослый «фриц» замахнулся винтовкой на щуплого с виду парня с черным от пороховой копоти и пыли лицом. И тут же уже сам оккупант летит на дно окопа вместе со своим оружием! Пограничник взял врага на болевой прием, повалил и тут же добил, коротким, но сильным ударом приклада размозжив затылок. Другой пограничник увернулся от сверкнувшего всего в нескольких миллиметрах от груди эсэсовского клинка. Тут же перехватил руку с кинжалом и переброшил противника через себя. Мощный «футбольный» удар довершил дело, проломив оккупанту висок.

Вместе с выучкой и великолепными навыками рукопашного боя погранищикам Войск Госбезопасности помогала выстоять и победить еще и ярость, которая копилась с каждым километром, который они прошли от Государственной границы вглубь родной страны. В яростном июне 1941 года воины в зеленых фуражках стояли насмерть, гранатами и легким стрелковым оружием отражая натиск механизированных подразделений Вермахта. Потом, уже год спустя, выжившие и закалившиеся в тех боях пограничники составили «ядро» Войск НКВД по охране тыла. А сейчас, на этом рубеже, пограничники Госбезопасности выплескивали всю ту ненависть к врагу, что скопилась в их сердцах за два военных года. Ярость благородная, что клокочет в груди, – страшная сила!

Внезапно среди немецких танков и самоходок полыхнули мощные дымно-огненные разрывы снарядов. А потом пришел и знакомый

протяжный вой. Ракеты «Катюш» летели, обгоняя звук. То били с Волги бронекатера флотилии, оснащенные реактивными установками залпового огня. Сверкающая огненная дуга протянулась от поверхности великой русской реки до берега, занятого неприятелем. «Сталинские органы», как называли сами фашисты наши «Катюши», пели гитлеровским оккупантам отходную!

С другого берега Волги ударили могучие дальнобойные гаубицы, мешая с землей гитлеровских оккупантов. Русская земля у великой русской реки встала на дыбы, сбрасывая с себя гитлеровскую нечисть. Канонада советских орудий и реактивных «Катюш» длилась недолго, последствия артобстрела для фашистов оказались катастрофическими. Горели танки с крестами на свороченных набок башнях. На одной из перевернутых самоходок крутились ведущие катки, бессмысленно перематывая гусеничные ленты. Вокруг были разбросаны изломанные тела гитлеровцев, даже по большей части не целые, а кусками: оторванные руки, ноги, головы, выпотрошенные трупы с кишками наружу или разорванной под коркой спекшейся крови грудной клеткой. На некоторых мертвецах тлея серая форма, их лица в посмертном оскале обуглились и паялись в небо пустыми окровавленными глазницами.

Для уцелевших немецких солдат советские окопы стали западней. Без поддержки танков отступать по голой степи было смертельным безумием. А в окопах их буквально рвали на куски рассвирепевшие воины НКВД, простые ополченцы и пехотинцы. Вражеская кровь обильно текла и быстро впитывалась в пересушенную, сожженную солнцем и артобстрелами волжскую землю.

А сзади уже накатывал могучий рев «тридцатьчетверок». Советские танки шли прямо из заводских ворот Сталинградского тракторного, за рычагами и в башнях сидели экипажи из рабочих. Механикам-водителям были известны все тайные тропы, ложбинки и овраги. Наводчики и командиры с полувзгляда опознавали необходимые ориентиры. Как говорится, «дома и стены помогают»! Мощные и маневренные боевые машины с ходу врубались в боевые порядки гитлеровцев, вышвыривая их из окопов. А вслед за советскими танками поднялась в яростную, неудержимую атаку и пехота!

Часть мощи «тридцатьчетверки», которая прогромыхла совсем рядом, казалось, влилась в жилы лейтенанта Ракитина. Эти танки с узнаваемым, родным, силуэтом были свои – они защищали, несли гибель врагу! В 1941 и 1942 годах такое бывало нечасто... Больше советские пехотинцы видели немецкие танки, которые несли смерть и разрушение. И многие

защитники Родины видели эти бронированные чудовища в последний раз в своей короткой жизни...

Но – не сегодня! Стальной вихрь на гусеницах ударил по гитлеровцам из 76-миллиметровых пушек, башенных и курсовых пулеметов. Несколько уцелевших после артналета «панцеров» были подбиты прицельным огнем «тридцатьчетверок». Вслед за танками шла советская пехота, люди рвались вперед сквозь огненные вихри раскаленного свинца и металла. Вместе со всеми в атаке – Виктор Ракитин. Прячась за броней, короткими перебежками он приближался теперь уже к немецким окопам. Дальность для пистолета-пулемета Судаева была все еще велика, потому Виктор не стал зря расходовать патроны. Вот ворвется он в окопы!..

Гитлеровцы в панике отступали, они не ожидали такой яростной контратаки советских воинов. Ситуация в бою переменилась мгновенно, и теперь уже красноармейцы пошли вперед. Немцы пытались огрызаться, наладить оборону. У них оставалось некоторое количество противотанковых пушек на позициях. И теперь немецкие артиллеристы открыли огонь по советским танкам. Но 37-миллиметровые пушчонки ничего не могли поделать против советской брони, расположенной под рациональными углами наклона. Только искры рикошетов рассыпались по стальным «телам» танков. Позицию более серьезных 75-миллиметровых противотанковых орудий Pak-40 советские танкисты засекли всего после пары залпов. Правда, пришлось заплатить за это тремя подбитыми танками...

Но остальные «тридцатьчетверки» обрушили на немецких артиллеристов ураган огня. Для подавления полевых позиций и огневых точек 76-миллиметровые снаряды советских танковых пушек были гораздо эффективнее немецких – и по фугасному, и по осколочному действию.

Вокруг падали сраженные наповал советские солдаты, взрывы немецких снарядов расшвыривали тела. Но контратака все равно продолжалась! Казалось, нет такой силы, чтобы остановить наступательный порыв красноармейцев.

* * *

Виктор ворвался в немецкие окопы одним из первых. Теперь ситуация переменилась с точностью до наоборот всего за каких-нибудь полчаса. Теперь уже он сам швырнул увесистую ребристую «лимонку» в немецкий окоп. Подождал глухого хлопка близкого взрыва, от которого уже привычно

заложило уши, и кувыркнулся вперед. Первым встречным немцем оказался пулеметчик. Его машина смерти была установлена на станке, снимать ее было некогда. Гитлеровец вскинул длинноствольный «Парабеллум», целясь в лейтенанта Ракитина. Но все же Виктор оказался быстрее – очередь из пистолета-пулемета Судаева прошла гитлеровцу грудь. Тот упал на колени, все еще сжимая пистолет, и рухнул ничком на дно окопа.

Виктор перешагнул через поверженного врага и снова дал пару очередей вдоль немецкой позиции. В ответ рядом ударили фонтанчики пулевых попаданий. Виктор успел дернуться назад, прячась за изгибом хода сообщения. Ах ты ж сука! Получи! – лейтенант вывинтил предохранительный колпачок в торце длинной рукоятки «колотушки», дернул за шнурок запала и швырнул гранату. Метрах в десяти грохнуло, выстрелы стихли. Высунув из-за укрытия ствол автомата, Виктор высадил остаток «рожка», сменил магазин и побежал вперед. За поворотом лежали вповалку тела гитлеровцев. Кого не достали осколки гранаты – добила пуля пистолета-пулемета. Так вам и надо, сволочи!

Вперед выскочил какой-то красноармеец с винтовкой наперевес и тут же упал, скошенный выстрелами гитлеровцев. А позади лейтенанта Ракитина скопилась группа из восьми бойцов. Виктор не видел, его ли это подчиненные или нет. В неразберихе боя не видно, кто пошел в атаку: кто был жив, тот и поднялся в бой. Также на закопченной, грязной униформе не видно было и знаков различия. Здесь, в бою, все решала инициатива, опыт и навыки.

– Гранаты – к бою! – прохрипел пересохшей от адреналина и пороховой гари глоткой лейтенант Ракитин. – Пулеметчик, прикрывай!

Вперед по немецкому окопу полетели гранаты, раздались взрывы. Пулеметчик ударил из «Дегтяря» длинными очередями. Советские солдаты под прикрытием рванулись вперед. Виктор скопил из пистолета-пулемета Судаева еще двоих «фрицев». Закончились патроны. Ракитин отсоединил «рожок», но в этот момент из проема блиндажа выскочил немец с саперной лопаткой, острая отточенная кромка блеснула на солнце. Виктор, не раздумывая, швырнул в лицо «фрицу» увесистый металлический «рожок». Тот пошатнулся и залился кровью. Ракитин успел выхватить из кобуры «Наган» и дважды выстрелил от пояса практически в упор, не целясь. Обе пули попали в живот немецкому солдату. Тот охнул и осел на дно окопа, схватившись за рану. Виктор добил его выстрелом в голову.

Бой на северном рубеже Сталинграда и контратака советских войск закончились победой – гитлеровцы были отброшены где на три, а где и на пять километров. Был полностью разбит штаб одного из немецких батальонов, захвачены пленные офицеры Вермахта и ценные секретные документы. Немало погибло и наших воинов. В братских могилах покоились и девочки-зенитчицы, которые встали на пути немецких танков и самолетов Люфтваффе...

В дальнейшем в северной части Сталинграда оперировала так называемая «Группа Горохова». Это воинское объединение подчинялось непосредственно штабу фронта и включало в себя самые разные подразделения. Но ««ядром» «гороховцев» являлись 124-я и 149-я стрелковые бригады. С 28 августа 1942 года и по 6 января 1943-го Группа Горохова действовала против превосходящих сил гитлеровцев в районе треугольника, образованного Сталинградским тракторным заводом, а также поселками Латошинка и Орловка. Часто подразделения Сергея Федоровича Горохова бились в полном окружении, но позиций своих не сдавали. Рубеж обороны был укреплен бронированными огневыми точками – «тридцатьчетверками» со снятыми двигателями и ходовой частью. Машины вкопали на высотках, откуда можно было вести эффективный прицельный огонь. В состав Группы Горохова входил и 282-й полк НКВД – бойцы Госбезопасности дрались отчаянно, смело и умело. Также «гороховцев» поддерживали советские танкисты, благо – завод был рядом, и бронекатера Волжской военной флотилии.

А опергруппа лейтенанта Ракитина вернулась в распоряжение Центральной комендатуры Сталинграда. Правда, уже не в полном составе. Шестеро убитых и одиннадцать раненых, из них трое – тяжелые... Таков итог того жуткого боя на северных подступах к Сталинграду. Виктор пошел к себе в кабинет – выполнять самую страшную часть своей повседневной службы – писать похоронки...

Глава 5

Воздушный террор

День 23 августа 1942 года стал самой скорбной датой в истории героической обороны Сталинграда. К вечеру, в 16 часов 18 минут, небо над приволжским городом-крепостью потемнело от гитлеровских бомбардировщиков. Стервятники Четвертого воздушного флота Вольфрама фон Рихтгофена волнами накатывали на Сталинград в оглушительном реве сотен и сотен моторов. Небо почернело от паучьих крестов на крыльях «Хейнкелей-111», «Юнкерсов-88» и «Лаптежников» – пикирующих «Юнкерсов-87». Те, кто находился тогда в Сталинграде и остался жив, никогда не забудут этот ужас!

Крылатые каратели взлетали с аэродромов станиц Морозовская и Тацинская – Тазі и Мого, как их называли немцы, с аэродромов Гумрак и Питомник. Даже с аэродромов под Орлом и Брянском поднимались в тот день бомбардировщики с черными крестами, чтобы обрушить свой смертоносный груз на Сталинград. Армады бомбардировщиков прикрывали «Мессершмитты-109». Всего в тот день гитлеровские стервятники выполнили около 2000 вылетов, массированные бомбардировки продолжались еще три дня. С 28 августа по 14 сентября на Сталинград было сброшено 50 тысяч бомб весом от 50 до 1000 килограммов. На каждый квадратный километр сталинградской земли приходилось до 5 тысяч бомб и осколков крупного калибра. Ни один город мира не выдерживал такого огненного шквала, как Сталинград!

* * *

За три дня до этой страшной бомбардировки лейтенант Ракитин зашел в кабинет к старшему майору Воронину. Комендант Сталинграда махнул рукой на его доклад, садись, мол, а сам продолжал разговаривать с кем-то по телефону.

– Я вас понял. Приказываю принять все меры, чтобы не допустить прорыва танковых соединений врага!

Он внимательно выслушал ответ и положил телефонную трубку на рычаг.

– Что у тебя, лейтенант?

– Разрешите выдвинуться с моей маневренной группой поближе к северному рубежу обороны. Возможна выброска диверсантов. Гитлеровцы – хитрые твари!

– Рисковать группой запрещаю! Можешь выдвинуть туда один из своих броневику.

– Есть!

Лейтенант Ракитин вернулся в расположение маневренной группы и приказал готовиться к выдвижению в заданный район. Бойцы проверяли оружие, механик-водитель «самодельного» броневика копался в моторе.

– Старшина Хрящев, остаешься за старшего в мое отсутствие, – распорядился Виктор.

– Есть, командир, – Алексей был явно недоволен, что не он возглавляет экипаж броневика. – Витя, ты будь там поосторожнее, а то я тебя знаю!.. Вечно на рожон лезешь.

– Ладно, не бурчи, Лешка! – хлопнул друга по плечу Виктор.

Придерживая пистолет-пулемет на ремне, лейтенант Ракитин забрался в кузов бронированного трофейного «Опеля-Блитц», поближе к рации. Водитель завел мотор, и полноприводный броневичок резво выскочил за ворота комендатуры.

Подскакивая на ухабах и выбоинах дороги, разбитой гусеницами «тридцатьчетверок» и другой техникой, «Опель-Блитц» ехал к месту недавних боев. Сейчас было относительное затишье, только вдали стрекотали пулеметы да слышались отдаленные гулкие разрывы снарядов.

Откуда-то с неба пришло навязчивое жужжание, оно было слышно даже сквозь рев работающего мотора бронированного грузовика. Виктор хлопнул ладонью по крыше кабины.

– А ну, стой!

Командир достал бинокль и повел оптикой по небосводу. Да, так и есть! В окулярах четко был виден характерный крылатый силуэт с двумя моторами, которые переходили в вытянутые балки и соединялись хвостовым оперением. «Рама» – немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189» кружил над Сталинградом.

Тотчас же из-за ближайшего пригорка ударила 85-миллиметровая полуавтоматическая зенитка. Возле «Фокке-Вульфа-189» вспухли облачка разрывов. «Воздушный соглядатай» с паучьими крестами на крыльях заложил крутой вираж, уходя из-под зенитного обстрела, да, видать – поздно. В бинокль Виктор четко увидел, как окутался дымом правый мотор немецкого самолета-разведчика. Со снижением самолет пошел куда-то в

сторону берега Волги.

– Быстро за ним! Поднажми, Ваня, с меня – «наркомовские» сто грамм вечером!

Водитель внял столь щедрому предложению командира и выжал из мотора бронированного грузовика все, что называется, «до железки»! Они мчались вслед за хорошо видимым дымным шлейфом, даже когда подбитый стервятник скрылся за грядой пологих холмов.

Подоспели вовремя. Подбитый «Фокке-Вульф-189» распластался на песке у самой кромки воды. Люди – обычные мирные жители – уже выволокли из кабины летчика, штурмана и стрелка-радиста. Над немецкими летчиками хотели устроить самосуд. Виктору пришлось пальнуть из автомата в воздух, чтобы утихомирить толпу.

– Спокойно, граждане! Я из комендатуры, мы забираем пленных для допроса.

– Какой, нахрен, допрос?! В Волге их утопить – и вся недолга!

– У меня приказ, и я его выполняю. Разойдись! – лейтенант Ракитин оставался непреклонным. – Обыскать самолет, все найденные документы, карты местности, приборы, а особенно – фотоаппараты, тащите в машину.

– Есть! – откозырял один из пограничников.

У немецких летчиков отобрали оружие и документы, связали и поволокли к бронированному грузовику. Туда же отправились и найденные в самолете бумаги, а особенно – фотоаппараты для аэрофотосъемки. Виктор договорился с подоспевшим к месту аварии нарядом милиции об охране сбитого самолета. Старший наряда свою задачу понял и, выставив вперед дырчатый кожух ППШ, стал отгонять толпу от «Фокке-Вульфа-189».

– Едем обратно, – приказал Ракитин. Он передал документы одному из бойцов, знающему немецкий язык. – Паша, переведи, примерно, что это за документы.

– Сейчас, товарищ командир, – бывший студент-филолог отложил в сторону пистолет-пулемет и погрузился в изучение бумаг с имперскими орлами и готическим шрифтом. Читать было трудно, поскольку бронированный грузовик все время подскакивал на ухабах. – Так-так... Ага... Это боевое распоряжение о разведке районов Сталинграда для предстоящего бомбового удара... Точно – вот, «бомбардирен»... В общем, товарищ лейтенант, в самом ближайшем времени Люфтваффе намеревается нанести ряд массированных бомбардировочных ударов по городу. А разведчикам предписано выявлять координаты самых важных целей: заводов, фабрик, складов, электроподстанций, насосных станций,

скоплений нашей бронетехники и живой силы.

– Быстро! Едем к Чуянову в Городской комитет обороны. Сейчас по рации свяжусь с Центральной комендатурой города, пусть туда же отправляется и старший майор Госбезопасности Воронин. – Виктор нацепил наушники и поднес к губам микрофон: – Дело особой важности!

Внутренне лейтенант Ракитин ликовал. Конечно же – отнюдь не из-за предстоящей бомбежки Сталинграда. Просто, как любой студент-историк, которым «попаданец» Виктор Ракитин и являлся на самом деле, он знал о предстоящем налете немецкой авиации на Сталинград 23 августа 1942 года. Но вот только как об этом доложить вышестоящему командованию?.. Начнешь умничать – чего доброго, и самого к стенке поставят!

Та самая проклятая «дилемма попаданца» – знать о многих судьбоносных событиях, которые должны произойти, но быть не в состоянии что-либо изменить!..

Теперь же у Виктора на руках были серьезные доказательства – приказы командования Люфтваффе, карты местности, на которых были отмечены Сталинградский тракторный, завод «Баррикады», элеватор, Стал ГРЭС, верфи и другие важные промышленные объекты. Более того, лейтенант Ракитин был уверен, что и на кадрах аэрофотосъемки находятся те же самые предприятия.

Конечно, на многочисленных совещаниях Виктор постоянно, что называется, «задалбывал» начальство усилением мер пожарной безопасности, мобилизацией сил гражданской обороны, приводя примеры Москвы и блокадного Ленинграда. Соответственно, и начальство, хоть и с неохотой, поскольку и так хватало насущных проблем при обороне Сталинграда, но все же реагировало. Так были развернуты дополнительные посты воздушного наблюдения, оповещения и связи – ВНОС, выделены дополнительные зенитные батареи орудий различных калибров. На заводах Сталинграда в кратчайшие сроки были построены два бронепоезда ПВО с автоматическими пушками и крупнокалиберными пулеметами. Бронепоезда курсировали прямо в черте города по рельсам, проложенным между огромными заводами.

Пожарные и добровольцы из отрядов гражданской обороны учились тушить немецкие «бомбы-зажигалки» и бороться с огнем больших пожаров. Кроме боеприпасов и оружия с левого берега Волги доставлялись еще и мотопомпы, пожарные рукава, водяные и пенные стволы, автомобили и личный состав «огнеборцев». На берегу великой русской реки развернуты несколько временных насосных станций, проложены дублирующие «нитки» водопровода. Мирных жителей или старались

эвакуировать, или подготавливали для них бомбоубежища в подвалах жилых домов, проводили инструктажи и учебные тревоги.

В общем-то, начальники всех рангов соглашались с вертлявым лейтенантом Госбезопасности. Поговаривали, что Ракитину благоволит сам главный майор Госбезопасности Воронин. Виктор об этих слухах, конечно же, знал, но никого не переубеждал, а, наоборот, пользовался. С такой «протекцией» и снабжение его мотоманевренной группы было лучше, да и старшие командиры старались прислушиваться к мнению лейтенанта Госбезопасности.

Теперь немецкие документы и полетные карты со сбитого самолета-разведчика легли на стол председателя Городского комитета обороны Сталинграда Алексея Семеновича Чуянова. Военный комендант города, старший майор Воронин поглядел на Виктора и только хмыкнул. Все прекрасно понимали, что сбываются самые мрачные прогнозы этого странноватого лейтенанта Ракитина.

– Объявить готовность зенитных средств, перебросить на северный участок обороны непосредственно в районе Тракторного завода резерв противотанковых орудий. Провести дополнительное минирование местности на танкоопасных направлениях, – Чуянов быстро сориентировался в обстановке. – Объявить также готовность по линии МПВО, всем пожарным и отрядам добровольцев быть готовыми к борьбе с огнем. Развернуть дополнительные насосные установки. С нуля часов сегодняшнего дня организовать дополнительные рейсы речных судов, паромов и других плавсредств для дополнительной эвакуации мирных жителей из районов предполагаемой бомбежки. Особенно – из «Заполотновского» и частного сектора, там почти все дома – деревянные, полыхнут, как скирды соломы!..

– Есть, товарищ председатель ГКО!

– Виктор, ты со своей маневренной группой пока остаешься в оперативном резерве, – приказал старший майор Воронин.

– Александр Иванович, разрешите высказать соображения на этот счет...

– Давай, Виктор Николаевич, говори. Ты заварил эту кашу – теперь нам всем хлебать полной ложкой!.. – В голосе военного коменданта Сталинграда было поровну и готовности действовать решительно, и озабоченности от понимания всей серьезности момента.

– Товарищ старший майор, вполне возможно, что гитлеровцы под прикрытием массированной бомбардировки и атаки танков со стороны Тракторозаводского района могут еще и прорваться с запада мелкими

диверсионными группами. В этом случае «Заполотновский» район, который находится за железной дорогой, станет для них удобным плацдармом. Разрешите держать это направление всеми силами, которые подчинены непосредственно мне.

– Разрешаю, Витя, – действуй! А я распоряжусь и проконтролирую, чтобы приказ Алексея Семеновича Чуянова был выполнен точно и в срок. Ведь местная противовоздушная оборона находится и под моим непосредственным руководством. Подразделения МПВО уже находятся в повышенной боевой готовности.

Местная противовоздушная оборона являлась предшественником и прообразом современной системы Гражданской обороны и отчасти – Министерства по чрезвычайным ситуациям. На штатной основе в состав всех управлений республиканских НКВД и региональных Управлений НКВД обязательно входил Штаб МПВО, выполнявший задачи по защите мирного населения и ликвидации последствий вражеских авиаударов по гражданским объектам и, прежде всего, жилым кварталам.

– Все, товарищи, приступаем к операции. В штаб армии лично генерал-лейтенанту Василию Ивановичу Чуйкову я доложу сам, – подытожил Алексей Чуянов.

* * *

Утром 23 августа 1942 года 14-й танковый корпус генерала фон Виттерсгейма прорвал советскую оборону на северном направлении. Враг прорвался к Волге на участке поселков Латошинка и Рынок. Немецкие танки оказались всего в трех километрах от Сталинградского тракторного завода.

Навстречу бронированной нечисти с крестами на башнях из ворот завода-богатыря вырвалось шестьдесят «тридцатьчетверок» – буквально только со сборочного конвейера, за рычагами и в башнях, у прицелов танковых орудий – экипажи из рабочих! Два стальных потока встретились в оглушительном реве моторов, лязге стальных гусениц и грохоте взрывов танковых снарядов. На стороне защитников Сталинграда было отличное знание местности и решимость, отступить им было некуда – за спиной родные, отцовские хаты. Встречный танковый бой был страшен! «Тридцатьчетверки» превосходили немецкие «Панцеры-III» и «Панцеры-IV» основных модификаций. Но в Шестой армии Паулюса были и совершенно новые модели танков – «Panzerkampfwagen-IV», оснащенные

длинноствольной 75-миллиметровой пушкой. Вот они-то и были самыми опасными противниками советских Т-34. Такими же 75-миллиметровыми длинноствольными пушками были вооружены и немецкие самоходки «Sturmgeschütz-III». Приземистые и незаметные за пригорками да в овражках, словно змеи жалили немецкие самоходки советские «тридцатьчетверки» острыми клыками бронебойных снарядов. Но и советские танкисты дрались отчаянно, нередко шли на таран на уже подбитых машинах! И сминалась крупновская броня, рвался внутри боекомплект, но даже мертвыми были страшны советские танкисты гитлеровским оккупантам!

На высотках расположились расчеты автоматических зенитных пушек – те самые девчонки, что сменили выпускные платья год назад на армейские гимнастерки и строгие, защитного цвета юбки, а изящные туфельки – на армейские сапоги. Но сейчас они не стреляли, приказ был наблюдать, а огонь открывать только при непосредственной угрозе немецких танков. Сейчас сражались и умирали другие – их парни, знакомые со Сталинградского тракторного завода, с которыми совсем недавно, всего пару месяцев назад танцевали вальс в заводском Доме культуры, дарили первые робкие поцелуи под луной... По щекам девушек текли слезы бессильной ярости, а тонкие пальцы сжимали штурвалы горизонтальной и вертикальной наводки автоматических пушек.

Изначально приказ был абсолютно другим – вести огонь прямой наводкой по танкам 169-й панцердивизии противника на северной окраине города. Девушкам как раз-таки было запрещено стрелять по самолетам, чтобы больше снарядов досталось танкам. Но потом, когда стволы орудий уже были наведены и изящные девичьи ножки уже были готовы вдавить спусковые педали скорострельных артустановок, пришел другой – абсолютно противоположный приказ: «По вражеским танкам огня не открывать»!

По ним «работали» спешно подошедшие и развернутые на позициях «сорокапятки» и более мощные – 76-миллиметровые противотанковые пушки. Отчаянно смело сражались экипажи «тридцатьчетверок».

* * *

Но в 16 часов 18 минут прозвучала команда «Воздух»! Тонкие стволы скорострельных зенитных орудий поднялись на линию визирования. У бусселей и дальномеров застыли номера расчетов. На лотки заряжания

поданы обоймы с отблескивающими латуню снарядами. Выданы параметры целей – «по фашистским стервятникам – огонь»!

Огненные трассы вспарывают хмурое вечернее небо над Сталинградом. Немецкие бомбардировщики шли на город группами по тридцать-сорок машин. Именно по этим группам прицельно били зенитные орудия. Полуавтоматические 85-миллиметровые и 76-миллиметровые зенитки выбивали стервятников Вольфрама фон Рихтгофена, командующего Четвертым Воздушным флотом Люфтваффе, на больших высотах. А скорострельные малокалиберные пушки и пулеметы ДШК смахивали с небес «Лаптежников» и «Хейнкели-111», которые уже заходили в атаку. Либо – «достреливали» уже подбитые заградительным огнем самолеты с ненавистными паучьими крестами на крыльях.

Изначально противовоздушная оборона Сталинграда насчитывала 566 орудий и 470 зенитных пулеметов. Но потом к защитникам неба над волжским городом-крепостью подошло еще подкрепление. Зенитные расчеты обладали высокой боевой эффективностью – сказывались постоянные учения, фронтовая закалка и немалый боевой опыт.

Важную лепту внесли в противодействие немецким бомбардировщикам и краснозвездные «ястребки». Их было относительно немного, но легкокрылые «Яки», верткие «Ишачки», как называли истребители Поликарпова И-16, выбивали гитлеровских стервятников влет! Советские воздушные бойцы были мастерами неравных сражений в воздухе, мастерски владели крутыми маневрами высшего пилотажа, приемами воздушного боя и тактикой. Особенно отличались своим воздушным мастерством летчики знаменитого 9-го Гвардейского истребительного авиаполка. Командиром «полка асов» был известный воздушный боец Лев Шестаков. Именно он впервые использовал тактику эшелонирования пар истребителей по высоте. Это была та самая тактика, которую блестяще использовал и принял на Кубани Александр Покрышкин.

Особенно эффективными против немецких бомбардировщиков оказались тяжелые истребители Ла ГГ-3, вооруженные скорострельной 20-миллиметровой пушкой и парой крупнокалиберных, 12,7-миллиметровых пулеметов Березина. Общий залп такого мощного арсенала сразу же превращал «Хейнкель-111» или «Юнкерс-88» в пылающий факел. А ответный огонь воздушных стрелков фашистских бомбардировщиков не наносил особого вреда прочной деревянной, но негорючей конструкции советского истребителя.

Кроме того, в пылающем небе Сталинграда впервые в истории

Великой Отечественной войны сражались и летчики-штрафники ^[9]. По-разному сложились нелегкие фронтовые судьбы военных летчиков-штрафников, но, как и в пехоте, отступать им было некуда. На изношенных самолетах они шли в бой, лишённые офицерских званий. Мастера воздушного боя – они сражались за честь, за право снова вернуться в крылатый строй наравне со всеми. Те, кто выживал в яростных воздушных боях с превосходящими силами Люфтваффе, как правило, возвращались – с новыми наградами и званиями, шли на повышение и передавали свой уникальный боевой опыт. Ну, а те, кому не повезло, – устремлялись с небосвода пылающим огненным факелом... И это тоже была фронтовая судьба – смерть забирала всех, и со званиями, и без них.

Изначально в небе над Сталинградом было сбито 120 гитлеровских самолетов. Но потом количество уничтоженных стервятников дошло до 300 с лишним. Многие немецкие самолеты взрывались на своих же бомбах, расшвыривая во все стороны пылающие адским пламенем обломки. Судьба выпрыгнувших с парашютами немецких пилотов была незавидной. От гигантских пожаров в небо поднимались мощные восходящие потоки раскаленного воздуха. Они швыряли не только парашюты, но даже тяжелые «бомберы» трясло, как в лихорадке, в потоках турбулентности! А «временно выжившие» под куполами парашютов пилоты Люфтваффе приземлялись прямо в адский костер. И сгорали заживо. Или же попадали в руки истребительных отрядов НКВД, милиции или народного ополчения. В последнем случае это означало высшую меру с немедленным исполнением.

Серьезные потери заметно охладили пыл «экспертов» Люфтваффе. Но все равно – Сталинград пылал!

* * *

Горели не только здания, горели земля и Волга. Резервуары с нефтью были разрушены, но топливо из них откачали давным-давно. Но горели нефтеналивные баржи на реке и у причалов, пылали пароходы. Из огненной реки, в которую превратилась Волга, били по немецким самолетам зенитные пулеметы бронекатеров Волжской флотилии.

Разбушевавшаяся огненная стихия, казалось, поглотила все на своем пути. На улицах от пожаров стояла такая жара, что возгоралась одежда на людях, бежавших в укрытия. Гитлеровцы атакой отрезали у Мечетки главный водоподъемник, он был выведен из строя, и потому воды для тушения в основном сталинградском водопроводе не было.

Стервятники Вольфрама фон Рихгофена расчетливо сбрасывали на Сталинград сначала множество мелких зажигательных бомб, а потом – мощные осколочно-фугасные.

«Многое пришлось мне пережить в минувшую войну, но то, что предстало перед нами 23 августа в Сталинграде, поразило как тяжелый кошмар. Беспрерывно то там, то здесь взмывали вверх огнедымные султаны бомбовых взрывов. Огромные столбы пламени поднялись к небу в районе нефтехранилищ. Потoki горячей нефти и бензина устремились к Волге. Горела река, горели пароходы на Сталинградском рейде. Смердно чадил асфальт улиц и площадей. Как спички вспыхивали телеграфные столбы. Стоял невообразимый шум, надрывавший слух своей адской музыкой. Визг летящих с высоты бомб смешивался с гулом взрывов, скрежетом и лязгом рушившихся построек, треском бушевавшего огня. Стонали гибнущие люди, надрывно плакали и взывали к помощи женщины и дети», – вспоминал впоследствии Командующий Сталинградским фронтом Андрей Иванович Еременко.

Вот когдагодились резервные водяные насосы, дублирующие линии водопровода, мотопомпы и пожарные рукава! Пожарные и бригады добровольцев боролись с огнем всеми средствами. Пожарные рукава без усталости перекачивали тонны воды из Волги. Машины «огнеборцев» использовали и мотопомпы, и ручные насосы. Подключались к резервным линиям дублирующего водопровода. Хотя он был сделан в сжатые сроки, что называется, «на живую нитку», но это было все равно лучше, чем полное отсутствие воды.

Также в оперативном подчинении отделения Местной противовоздушной обороны Управления НКВД по Сталинградской области находился 31-й отдельный инженерно-противохимический батальон войск МПВО НКВД СССР. Его бойцы как раз и специализировались на локализации стихийных и техногенных катастроф. По сути, отдельный инженерно-противохимический батальон был прообразом современных спасательных подразделений МЧС. Бойцы специальными щипцами захватывали горящие адским, сине-белым пламенем небольшие зажигательные бомбы. При соприкосновении с крышами домов, с мостовыми улиц они воспламенялись. А советские бойцы-спасатели тушили их в ведрах с водой ли же в ящиках с песком. Главное было – не допустить соприкосновения «зажигалок» с деревянными, легковоспламеняющимися, частями зданий. А таких построек в Сталинграде, к сожалению, хватало. Особенно – в «Заполотновском» районе, на западе огромного промышленного центра... И в этом аду люди

продолжали бороться за свой город!

Гудение новых и новых армад «Хейнкелей» и «Юнкерсов» теперь растворилось и грохоте взрывов и реве огня. Посреди океана пламени, «донжоном» – центральной башней средневекового замка, возвышалась громада Элеватора. Символично, что главное хранилище хлеба этого благодатного волжского края стало оплотом обороны. Мощную железобетонную постройку превратили в то, что гораздо позже уже сами гитлеровцы в осажденном Берлине сорок пятого года назовут «Flakturm» – «Зенитная башня». На крыше сталинградского элеватора установили пару 85-миллиметровых полуавтоматических зенитных орудий. Для того чтобы поднять тяжелые пушки на верхотуру, пришлось их разобрать, доставить на крышу, а потом из различных деталей и узлов вновь собрать полуавтоматические зенитки. Эту батарею дополняли скорострельные малокалиберные пушки и крупнокалиберные пулеметы ДШК. В итоге над городом возвышался настоящий «огненный еж»!

Не один стервятник Люфтваффе смертельно «уколотся» о его раскаленные «колючки»!.. Огненные трассы полосовали хмурое вечернее небо, облака разрывов зенитных снарядов смешивались с низкими тучами.

Вечерние сумерки так и не наступили – Сталинград был подсвечен огнем пожарищ, полыхавших на его улицах.

Но гитлеровцы атаковали не только с воздуха. Вышколенные, с прусской военной дисциплиной, превращавшей людей в живых роботов, оккупанты вновь пошли в атаку на оборонительные позиции на севере Сталинграда.

* * *

Уже вечером, около 18 часов 23 августа вступил в бой Тракторозаводский истребительный батальон НКВД СССР. Под командованием лейтенанта милиции Костюченко находилось свыше 1200 «активных штыков», так писали тогда в официальных военных документах. Истребительный батальон поддерживали особый вооруженный отряд рабочих Сталинградского тракторного завода и экипажи танков. Они вступили в бой с крупной моторизованной колонной гитлеровцев, прорвавшейся к северной окраине Сталинградского тракторного завода. Все без исключения яростные атаки врага на этом участке были отбиты с большими потерями для гитлеровцев. Чуть позже ряды ополченцев-«тракторозаводцев» усилили собой переброшенные им на

подмогу две сотни «ястребков» из Дзержинского и Красноармейского районов.

Свои огненные рубежи обороны подчиненные лейтенанту милиции Костюченко затем стойко удерживали вплоть до третьего сентября 1942 года. Лейтенант милиции проявил оперативный и тактический талант, командуя подразделением, сравнимым с батальоном. Но это как раз было ему и по силам, и по должности. Ведь до февраля 1943 года специальные звания «лейтенант Госбезопасности» и «лейтенант милиции» условно соответствовали армейскому капитану.

* * *

Лейтенант Госбезопасности Ракитин тоже выжидал. Он знал, гитлеровцы что-то замышляют, вполне возможно, что под прикрытием массированной бомбежки они попытаются прорваться к Волге. Так и получилось.

Не успела еще осесть на израненную сталинградскую землю черная завеса пыли, дыма и копоти от бомбежки, как передовые немецкие части 71-й пехотной дивизии быстро прошли сожженную и разрушенную «Заполотновскую» часть Ерманского района и вышли к железнодорожным путям, которые разделяли деревянную застройку от кирпичных многоэтажных зданий центра Сталинграда. В состав 71-й пехотной дивизии Вермахта входило восемь пехотных и один саперный батальон, по триста-четыре «активных штыков». С севера их прикрывала 295-я пехотная дивизия Вермахта. Ее солдаты наступали по склонам Мамаева кургана, а один из полков, 518-й пехотный, наступал непосредственно в городе, на участке овраг Долгий – Площадь 9 Января.

Ситуация создалась критическая. Измотанные массированными бомбардировками, полуослепшие и оглохшие разрозненные советские части не могли оказать действенного сопротивления. Отчаянно сопротивлялись пограничники войск НКВД и отряды милиции.

Ударные группы 71-й пехотной дивизии Вермахта на бронетранспортерах и грузовиках, при поддержке приземистых и угловатых самоходок «Sturmgeschütz-III» вслед за разведывательным батальоном пересекли железнодорожные пути севернее Сталинградского вокзала. По пустым улицам, объезжая воронки и завалы, гитлеровцы рвались к Волге. Изредка то здесь, то там вспыхивали перестрелки с немногочисленными защитниками города, и движение на время замирало,

пока вызванные по радиации «Лаптежники» утюжили отмеченные сигнальными ракетами цели. Взаимодействие Вермахта и Люфтваффе было, как всегда, эффективным. Затем движение продолжалось, на своем разрушительном пути гитлеровцы оставляли пулеметные и артиллерийские расчеты, закрепляясь на важных перекрестках и простреливая широкие сталинградские улицы.

Именно по такой широкой и просторной улице неслись на полном ходу сквозь огонь и дым пожарищ броневики маневренной группы лейтенанта Ракитина. Виктор построил свои машины клином: впереди – бронеавтомобиль БА-20, а по бокам и чуть позади пара трофейных грузовиков «Опель-Блитц», обшитых импровизированной броней и с пулеметами в кузовах.

По обе стороны пылали полуразрушенные адской бомбежкой дома, пламя вырывалось из-под колес, грозя сжечь резину шин. Бойцы внутри повязали лица мокрыми тряпками, чтобы избавиться от удушающей гари и дыма. Под ногами начинал тлеть деревянный настил кузова грузовиков, его постоянно поливали водой. А броня раскалилась до такой степени, что от случайного прикосновения к ней оставались ожоги. Но все же маневренная броневая группа была полностью готова к бою! Отступить – некуда, позади Волга...

* * *

Колонну немецких грузовиков и два полугусеничных броневика «Ханомат» лейтенант Ракитин засек на параллельной улице. Приказал шоферу своего трофейного «Опель-Блитца» поддать газу. Решили устроить засаду на следующем перекрестке. Стрелки с пулеметом Дегтярева и несколькими самозарядными винтовками Токарева высадились на ходу и заняли позиции в развалинах домов. С собой у них было изрядное количество бутылок с зажигательной смесью и ручных гранат.

Среди солдат в засаде было и три расчета противотанковых ружей. В городских боях такое мощное средство усиления, как 14,5-миллиметровое ружье ПТРС, не раз выручало в сложной ситуации. Тяжелая пуля с каленым сердечником без труда пробивала кирпичную кладку, могла навсегда остановить легкий немецкий танк или такой вот полугусеничный бронетранспортер. Бронебойщики нередко вели прицельный огонь на подавление защищенных пулеметных гнезд противника. Причем с большей, чем обычно, дистанции. Даже попадание во вражеский пулемет

приводило к тяжким увечьям немецких солдат. Мощный удар – и запчасти «машингевера» вылетают прямо в лицо. А если фрицы прячутся за кирпичной стенкой – то лицо и руки, а также открытые части тела секут острые обломки кирпичей. На жаре и в антисанитарии такие раны нередко гноились, а это уже было весьма серьезно.

Виктор расставил три свои бронемашинны за завалами. И вот в гуле и треске пламени, в грохоте разрывов бомб и треске очередей слышался близкий рев моторов. Гитлеровцы приближались, но разглядеть что-либо в дыму пожарищ было невозможно, несмотря на то, что ночью было относительно светло – как в сумерки. Всему виной – зарево пожарищ.

На фоне этого зарева отчетливо выделялись только темные силуэты немецких броневиков и грузовых автомобилей с солдатами. Для пограничников – метких стрелков, этого было достаточно.

– По фашистской сволочи – огонь! – проорал приказ Виктор, на мгновение перекрывая командирским голосом все остальные звуки.

Ответом ему стал треск и грохот выстрелов. Пулеметы Максима в кузовах бронированных грузовиков ударили разом. К ним добавился огонь «Дегтярева-танкового» из броневика БА-20. Эта машинка по сравнению с бронированными громадами танков казалась совсем игрушечной, но в реальном бою важно не простое сравнение тактико-технических характеристик. В пылу сражения каждая мелочь, дающая перевес, играет исключительную роль. Очереди прошили тент на кузовах немецких грузовиков, изрешетили борта кузова и кабины. Из засады ударили пограничники НКВД, метким сосредоточенным огнем подавляя саму способность гитлеровцев к сопротивлению.

Захватчики и каратели рассчитывали на собственную боевую выучку, и она действительно была достаточно высока в Вермахте образца 1942 года. Но в этом бою гитлеровцы встретились не с наспех обученным и кое-как вооруженным ополчением, и даже не с линейными частями Красной Армии. Против «дойче зольдатн», покоровших пол-Европы, сейчас сражались не менее крутые профессионалы НКВД, закаленные еще в пламени приграничных сражений 1941 года. Воины в зеленых фуражках ни разу за всю Великую Отечественную войну не отступили без приказа! При том, что практически всегда они сражались с превосходящими силами врага. Теперешний бой не стал исключением.

Запылал подожженный бутылками с «коктейлем Молотова» головной броневик немцев. Второй «полугусеничный гроб» попытался сдать назад, сманеврировать, но спустя несколько минут боя замер и он от метких выстрелов из бронебойных ружей. Подбив «бронированный

полугусеничный гроб», расчеты противотанковых ружей открыли беглый огонь по грузовикам. Пятизарядные ПТРС, снаряжаемые отъемными пачками, были немного тяжелее и сложнее противотанковых ружей Дегтярева, но позволяли вести довольно плотный огонь без постоянной перезарядки после каждого выстрела.

Пограничники НКВД сражались не просто яростно – на бранном поле они действовали четко и слаженно, как единая команда. Стрелки с автоматическими винтовками СВТ-40 прикрывали пулеметчиков. Воины, вооруженные пистолетами-пулеметами Судаева, постоянно перебежали от укрытия к укрытию, поливая гитлеровцев короткими очередями. Опытные стрелки легко «отсекали» по два-три выстрела, а магазин на тридцать пять патронов давал достаточный запас боекомплекта. Когда кто-либо перезаряжал оружие, его боевые товарищи не давали противнику вести прицельный огонь, а в критических ситуациях еще и делились патронами.

При этом спешенные стрелки прикрывали пулеметчиков в бронированных кузовах трофейных грузовиков. «Максимы» заливались злобным стрекотом, кроша в кровавый винегрет гитлеровскую нечисть!

Темп стрельбы в восемьсот выстрелов в минуту и водяное охлаждение ствола с массивным кожухом оказались как нельзя кстати. Затворы плевались дымящейся латуной стреляных гильз. Их уже было так много, что пулеметчики стояли буквально по щиколотку в блестящих цилиндриках, диаметром 7,62 миллиметра. Машины смерти авторства американца Хайрема Максима методично исполняли свою работу.

Внезапность атаки, яростный напор, с которым атаковали советские пограничники, профессионализм воинов НКВД ошеломили гитлеровцев. А защитники Сталинграда только усиливали натиск! Перебегая от укрытия к укрытию, солдаты лейтенанта Ракитина продолжали вести прицельную стрельбу, забрасывать противника гранатами. Всего за четверть часа жестокого боя было уничтожено около сотни гитлеровцев, примерно столько же – рассеяно среди развалин. Оккупанты и каратели получили жестокую и смертельную взбучку от защитников Сталинграда. Солдаты лейтенанта Ракитина пленных не брали.

– Так, зачистить тут все, собрать трофейное оружие, боеприпасы и снаряжение. Выдвигаемся дальше, – приказал Виктор.

– Есть, командир.

– Товарищ лейтенант, вас вызывают по рации, – сообщил радист из «штабного» броневика «Опель-Блитц».

Виктор забрался в бронированный кузов, нацепил наушники и принял из рук радиста «лягушку» микрофона.

Командование приказывало возвращаться из «Заполотновского» района. Пользуясь неразберихой, механизированная разведка немцев, оказывается, промчалась на большой скорости мимо Привокзальной площади и достигла площади Павших Борцов. Передовые группы гитлеровцев чуть было не выехали к командному пункту 62-й армии на улице Пушкинской – а это практически в самом центре Сталинграда!

Огонь по врагу открыли сами штабисты и бойцы армейского заградительного отряда НКВД. Не вступая в бой, бронетранспортеры немецкого разведывательного батальона рванули дальше к Волге, к переправе номер два. Одна из бронемашин доехала аж до спуска на Астраханский мост через реку Царицу, где «благополучно» подорвалась на противотанковой мине.

– Возвращаемся, – хмуро бросил бойцам лейтенант Ракитин. – Приказ командования.

Но и на обратном пути воинам НКВД по охране тыла пришлось в очередной раз схлестнуться с гитлеровцами.

Три броневика маневренной группы вылетели из-за поворота полуразрушенной улицы, когда большой отряд немцев атаковал засевшую в подвале дома горстку защитников Сталинграда.

– Рус, сдавайс! Буль-буль у Вольга! – орали оккупанты.

Из узких окошек полуподвального помещения в ответ раздавались отрывистые винтовочные выстрелы и короткие очереди. Несколько врагов упали как подкошенные – защитники импровизированного ДОТа стреляли редко, но метко. Гитлеровцы ничего не могли поделать с горсткой советских храбрецов. Даже обстрел из пушки, которую немцы выкатили на прямую наводку, мало чем помог. Зажиточные купеческие дома в Сталинграде, бывшем Царицыне, строили основательно. Тогда на перекресток улиц выкатился немецкий огнеметный танк. Машина смерти под названием «Flammpanzer» выглядела маленьким и неказистым бронированным уродцем. Собственно, им она и являлась, поскольку конструкция была создана на базе легкого танка «Panzerkampfwagen-II». От базовой версии он отличался башней, вооруженной только пулеметом, и двумя небольшими башенками по бокам на надгусеничных полках – именно в них и монтировались огнеметы.

Две ревущие струи пламени вырвались под большим давлением из сопел, оставляя черный след копоти на камнях. Первый пробный выстрел получился гораздо выше подвального помещения, где держали оборону русские солдаты.

А второй выстрел немецкие изверги сделать уже не смогли. Солдаты

лейтенанта Ракитина подобрался к гитлеровцам с тыла. А те были настолько увлечены уничтожением маленького гарнизона красноармейцев, что даже и не заметили собственную гибель, стремительно надвигавшуюся на них из клубов дыма и сполохов пожара.

Видимо, они вообще приняли броневики группы лейтенанта Ракитина за собственное подкрепление.

Сам «Flammpanzer» полыхнул гигантским факелом от нескольких попаданий советских бронебойщиков. Гитлеровские каратели живьем сгорели внутри, сполна ощутив напоследок то, на что обрекали своих жертв.

Гигантский погребальный костер хорошо подсветил фигуры немцев, к тому же они замешкались поначалу, ошеломленные внезапностью и натиском советских воинов. Второго шанса Виктор врагам уже не дал. Автоматные и пулеметные очереди, хлопки самозарядных винтовок, взрывы гранат, крики раненых и умирающих, забористый русский мат слились в сплошную какофонию боя.

Перестрелка стихла, как всегда, внезапно. Навалилась непроницаемая, обволакивающая тишина. Лишь вдалеке, в районе Мамаева кургана, слышались звуки боя.

– Собрать трофейное оружие, боеприпасы и снаряжение, – привычно распорядился лейтенант Ракитин, меняя опустевший магазин в пистолете-пулемете. – Возьмите пару офицеров, нужны «языки», остальных «фрицев» – в расход.

– Есть, командир.

Один из солдат подобрался ко входу в подвал, где засели спасенные внезапным «кавалерийским наскоком» броневиков Ракитина советские солдаты.

– Эй, братья-славяне! Выходите, мы всех «фрицев» уже порешили.

В ответ из темного проема двери полоснула автоматная очередь. Пограничник мотоманевренной группы проворно юркнул за камни, выставив на всякий случай дырчатый ствол ППС-42.

– В душу – мать!.. – выругался пограничник и добавил несколько еще более витиеватых эпитетов, которых не найдешь в обычных словарях «великого и могучего» русского языка. – Товарищ лейтенант, и за что нам такое спасибо?!

– Бывает... – Виктор улыбнулся. – Федоров, тебя не зацепило?

– Никак нет, товарищ командир.

– Сейчас разберемся... Эй, братва! Выходите! Стрелять не надо, я – лейтенант НКВД, командир особой группы.

– Пароль?! – донеслось из подвала.

В системе военных комендатур Сталинграда вместе со специальными знаками опознавания в документах были введены еще и словесные суточные пароли. Делалось это для того, чтобы запутать возможных диверсантов противника.

– Осетр! Отзыв?

– Белуга! – В проеме подвальной двери показалась фигура в грязной, закопченной гимнастерке. В руках он держал пистолет-пулемет Шпагина. – Но мы не можем покинуть позицию без приказа.

– Представьтесь, – потребовал Виктор.

– Лейтенант Смирнов, третья рота 245-го стрелкового батальона, – ответил офицер с ППШ.

– Звание лейтенанта Госбезопасности приравнивается к общевойсковому званию капитана Красной Армии. Поэтому под мою ответственность – приказываю покинуть место дислокации и отходить вместе с нами в район железнодорожного вокзала.

– Мне нужен письменный приказ, – заупрямился лейтенант Смирнов.

– Вот дурья башка – нашел время бюрократию разводить! – искренне возмутился Виктор. Но, в принципе, он вполне понимал логику этого офицера, ведь за оставление позиции без приказа однозначно – расстрел! – Ладно, давай бумажку и карандаш – напишу тебе приказ...

Виктор на крыле собственного броневика, подложив планшетку, нацарапал химическим карандашом нечто похожее на письменное распоряжение. Протянул листок упрямому лейтенанту.

– Может, тебе еще и печать поставить – прикладом по лбу?!

– Нет, и так сойдет, – на почти черном, закопченном лице собеседника сверкнула белозубая улыбка.

– Собирай людей и все свои манатки, етить твою налево!!! По машинам, бя!!! Бюрократ хренов!..

«Кому скажешь – не поверят! В разбомбленном Сталинграде, буквально под носом у наступающих немцев расписочки пишу», – подумал Ракитин.

* * *

Сталинград был разбомблен гитлеровской авиацией, но дух его защитников не был сломлен, как рассчитывали безжалостные оккупанты. Решимость сражаться до последнего патрона, до последней капли крови

только окрепла. Многие сталинградцы в этот страшный день 23 августа 1942 года потеряли всех своих родных и близких. Выжившим в аду бомбардировки не оставалось ничего, кроме мести.

Но все же... Благодаря усилиям всего лишь крохотной песчинки в безжалостных и бездушных жерновах истории – благодаря лейтенанту Виктору Ракитину, «попаданцу», удалось существенно уменьшить и масштаб разрушений в городе, и количество погибших. Виктор, еще будучи студентом-историком, помнил, что от безжалостной бомбардировки всего за один августовский день погибло более сорока тысяч жителей Сталинграда. Было уничтожено примерно половина зданий, серьезно пострадали заводы и фабрики.

Но благодаря вмешательству Виктора Ракитина сейчас число жертв бомбардировки Люфтваффе удалось уменьшить почти что вдвое. Эффективными оказались также и все меры по борьбе с огнем. Именно поэтому большинство зданий в центре и на берегах Волги удалось спасти, отстоять от рукотворной огненной стихии. Части Красной Армии, подразделения НКВД и ополчение крепко-накрепко закрепились на рубежах вдоль железной дороги. Разрозненные группы гитлеровцев, которым все же удалось прорваться к Волге, обнаруживались и уничтожались истребительными батальонами НКВД, рабоче-крестьянской милиции и добровольцами-ополченцами.

В руках гитлеровцев оставались пригороды Сталинграда, а также «Заполотновский» район на западе и южная часть города. На севере стойко держался Сталинградский тракторный завод, ставший еще и своеобразной крепостью. Но выпуск «тридцатьчетверок» и другой военной техники не прекращался в дальнейшем даже под самыми лютыми артобстрелами и бомбежками немцев.

Зенитчики и летчики-истребители сбили над Сталинградом 23 августа 1942 года около трехсот самолетов Люфтваффе. Такие потери существенно снизили активность стервятников Геринга в последующие дни. Защитникам сталинградского неба приходилось тяжело, но все же они держались – дрались и сбивали самолеты с паучьими крестами снова и снова.

* * *

Но все же масштабы воздушного терроризма Люфтваффе были огромны! Около половины всех зданий было разрушено или повреждено.

Одной из последних разыгралась трагедия парохода «Иосиф Сталин», на котором эвакуировали мирных жителей на левый берег Волги. «Лаптежники» буквально расклевали гражданское, невооруженное судно, практически все, кто находился на его борту, погибли...

Чудовищные злодеяния гитлеровских стервятников переполнили чашу терпения не только людского, но и высшего правосудия. Ответственный за бомбардировку Сталинграда командующий Четвертым воздушным флотом Люфтваффе Вольфрам фон Рихтгофен впоследствии умер в страшных мучениях от рака мозга 12 июля 1945 года. Русский Бог достал его раньше, чем Нюрнбергский трибунал!..

Глава 6

Сбитый «эксперт» Люфтваффе

Обстановка в Сталинграде оставалась сложной. Понесся существенные потери в авиации, гитлеровские оккупанты подтянули артиллерию и обрушили на советский город-крепость яростный огонь. Обстрел следовал за обстрелом. Сверхтяжелые дальнобойные чудовища – гаубицы «Дора» и самоходные осадные мортиры «Карл», оставались под Ленинградом и Севастополем, обстреливая русские твердыни. Но и Сталинграду доставалось от мощных полевых гаубиц калибра 150 миллиметров. Тем более что город на Волге находился на открытой местности, среди бескрайней степи. А над одно – и двухэтажной застройкой еще старого Царицына возвышались громады новостроек Сталинграда. Так что «Г-образный дом», дома комплекса НКВД, Элеватор, так называемые «дома специалистов», здание Госбанка служили гитлеровским карателям отличными ориентирами для стрельбы по жилым массивам и промышленным районам Сталинграда. Тяжелые осколочно-фугасные снаряды фирмы «Крупп» с немецкой методичностью грохали, уничтожая советские дома, калеча и убивая советских людей.

Но не молчали и советские «боги войны» [\[10\]](#). На дистанциях в несколько десятков километров завязывались ожесточенные артиллерийские дуэли. На первый план выходило умение быстро и точно засечь цель и поразить ее ответным орудийным огнем. А потом – так же быстро поменять огневую позицию, уйти маневром от ответного поражения.

«Совсем как в осажденном в 2014 году Донецке!» – подумал Виктор Ракитин. Он помнил весну и лето четырнадцатого года, когда от попаданий тяжелых снарядов содрогались и окраины, и центр столицы самопровозглашенной Донецкой Народной Республики. Тогда противостояние свелось фактически к бесконечной череде артиллерийских дуэлей между защитниками ДНР и «жовто-блакитными» карателями. Очень скоро с помощью захваченных у бандеровской армии самоходок и «Градов», а иногда – и чего посерьезнее, ополченцы Донбасса достигли «огневого паритета» с «укровояками». А затем все чаще и чаще стали сами эффективно работать на подавление артиллерийских батарей под синими и желтыми флагами. Время от времени разведывательно-диверсионные

группы Республиканского спецназа совершали стремительные рейды и дерзкие вылазки, стараясь «пополнить» арсенал трофейного украинского оружия. У них это неплохо получалось.

* * *

В Сталинграде была совсем иная ситуация – Вторую мировую хоть и называют «войной моторов», но все же маневренность войск оставляла желать лучшего. А тяжелая полевая артиллерия даже у немцев оставалась преимущественно на конной тяге. Как ни странно, но вот как раз у Красной Армии было больше мощных орудийных тягачей. Могучие «Ворошиловцы» и трактора обеспечивали советские гаубицы необходимыми маневренными качествами. В огромных цехах Сталинградского тракторного они ремонтировались, рабочие «перебирали» дизеля и ходовую, ставили в строй поврежденных «железных богатырей». А на заводе «Баррикады» ремонтировались сами орудия. Вообще-то здесь производились 76-миллиметровые танковые пушки для «тридцатьчетверок» и тяжелых танков «Клим Ворошилов». Но – нужда заставила, и стали выполнять ремонт более тяжелых гаубичных артсистем.

В состав Волжской флотилии входили не только юркие и маневренные бронекатера с реактивными установками залпового огня, но и канонерские лодки с достаточно дальнобойными орудиями. Флотилия была создана в октябре 1941 года и насчитывала семь канонерских лодок, четырнадцать бронекатеров, тридцать три катерных тральщика и две плавучие зенитные батареи. Еще одна батарея волжских «моряков-речников» была на железнодорожном ходу. Изначально корабли флотилии базировались в Сталинграде, но в марте 1942 года они были переведены дальше – в Ульяновск. Канонерки выходили на позиции и долбили гитлеровцев тяжелыми залпами 100-миллиметровых орудий. Бронекатера били ракетами, речные «Катюши» уже не раз срывали своим массированным огнем контратаки гитлеровцев.

Но существовала еще одна угроза – вражеские диверсанты и собственные предатели. Лейтенант Ракитин с горечью вспоминал, что так было и в осажденном в 2014 году Донецке, когда предатели и диверсанты ставили радиомаячки на больницы, школы, важные здания в городе, чтобы по ним била «жовто-блакитная» артиллерия.

Почти также работали и вражеские корректировщики в Сталинграде, только сигнальная аппаратура у них была попроще, в основном, фонарики.

Но попадались и отдельные «экземпляры» с портативными, размером с пару папиросных пачек, передатчиками. Такому радиомаячку не нужно было ни мощной батареи питания, ни сложной системы настройки. Главное, отработать без перерыва полчаса, пока по координатам сигнала не отработает немецкий самолет-разведчик и корректировщик артиллерийского огня. Диверсантов было довольно много, практически все они прибыли в Сталинград еще задолго до начала боев за город под видом беженцев. А теперь резко активизировались.

* * *

К добротному одноэтажному дому на берегу Волги подъехала выдавшая виды затрапезная «полуторка» с закрытым тентом кузовом. Водитель выбрался из кабины, раскрыл капот и, выругавшись, взялся за ведро. Радиатор перегрелся в августовскую жару, но хорошо, что рядом был колодец. Солдат прицепил ведро на крюк длинной цепи и взялся за ворот. Никто и подумать не мог, что все это – всего лишь инсценировка.

Место, где скрывались корректировщики, было установлено «наружкой» НКВД, а теперь оставалось взять предателей и шпионов с поличным. В кузове «полуторки» под тентом прятались бойцы во главе с лейтенантом Ракитиным. Все они были экипированы, что называется, «по полной». Разгрузочные жилеты с магазинами к ППС-42 в карманах и подсумках, пистолеты в кобурах. Жилеты были «эксклюзивной» разработкой Виктора Ракитина, он по личной инициативе заказал подобное снаряжение для своих бойцов по собственным эскизам. Получилось несколько грубовато, но довольно надежно. И главное – гораздо удобнее обычных штатных подсумков.

Старший майор Госбезопасности Воронин приказал использовать в штурме дома с диверсантами свой главный козырь – маневренную группу Ракитина. В совершенно секретных документах НКВД, о существовании которых Виктор и не догадывался, она так и называлась. В кратчайшие сроки подопечные лейтенанта Ракитина доказали свою высочайшую боевую эффективность в сложнейших городских боях. Та спецподготовка, которую по своей инициативе проводил молодой лейтенант Госбезопасности, позволяла эффективно воевать в новых условиях, когда в городской застройке атаки можно было ожидать с любой стороны. То же самое относилось и к предложенной лейтенантом специализированной экипировке, в частности – к разгрузочным жилетам для бойцов спецгрупп

НКВД и армейской разведки.

На соседних деревьях затаились снайперы Госбезопасности в «лохматом» камуфляже и с еще одним изобретением бывшего студента-историка, невесть как «провалившегося» сквозь десятилетия. Бесшумный диверсионный револьвер-карабин системы Ракитина-Нагана был оружием компактным, надежным и точным. Длинный ствол, съемный плечевой упор и диоптрический прицел обеспечивали достаточно высокую точность на дальности двести-триста метров. А съемный глушитель делал стрельбу еще и скрытной.

Медленно текли томительные минуты ожидания. Единственное, о чем жалел сейчас Виктор, – это отсутствие оперативной радиосвязи. К его огромному сожалению, портативные рации с наушником-«горошиной» и тонкой дужкой микрофона остались где-то там, в Донецке «образца» 2014 года. А здесь верх технологий – громоздкие приемники-передатчики на радиолампах.

Возле армейского грузовика как бы невзначай остановилась пара солдат, простых пехотинцев. У одного на плече висела гармонь. Оба – на вид бывалые, на груди медали и отметки о ранениях. Одежда и обмундирование находятся, как бы это помягче выразиться, в состоянии на грани уставного. Настоящий кошмар для комендатуры.

– Приготовились, – сквозь зубы выдавил один из них, закуривая самокрутку. Это был агент службы наружного наблюдения НКВД.

В кузове «полуторки» отчетливо лязгнули затворы. Ожидание в эти мгновения перед боем стало совсем уж невыносимым.

– На штурм!

– Ну, братья-славяне, – вперед! Действуем аккуратно и быстро, – лейтенант Ракитин первым выпрыгнул из кузова и помчался с компактным пистолетом-пулеметом наперевес к дому. Возле двери моментально встали три бойца, еще по одному засели под окнами. Двери вылетели от нескольких мощных ударов увесистой кувалдой.

Тут же внутрь плавно и быстро «перетекли» трое бойцов во главе с командиром. Сейчас они напоминали огромного ежа, «ощетинившегося» воронеными иглами дырчатых стволов пистолетов-пулеметов. В тесноте помещений компактный ППС-42 был гораздо удобнее тяжелого «Шпагина».

Виктор шел во главе штурмовой группы, ему и попался первый из жильцов этого дома.

– Цель впереди! – тут же прокричал командир. Постоянное взаимодействие между бойцами в экстремальной ситуации может спасти

жизнь всем.

Неизвестный не стрелял в ответ и вообще не сопротивлялся. Поэтому лейтенант Ракитин его пожалел, только врезал разложенным плечевым упором компактного автомата врагу в челюсть.

– Чисто! Вперед!

Захват предателей-корректировщиков здорово напоминал те обстоятельства, при которых сам Виктор Ракитин попал в иные времена и иную реальность Великой Отечественной войны. Тогда тоже Виктор Ракитин в составе группы захвата МГБ ДНР ворвался в такой вот одноэтажный дом в Донецке. А потом ему прямо под ноги выкатилась граната РГД-5. Грянул взрыв, после которого спецназовец оказался в коме, а потом провалился сквозь десятилетия, очутившись в Сталино поздней осенью 1941 года. Как раз накануне сдачи столицы Донбасса гитлеровским оккупантам.

Но сейчас Виктор усилием воли заставил себя переключиться с отвлеченных рассуждений и воспоминаний на выполнение конкретной боевой задачи.

В его времени, в Донецке «образца» 2014 года, подобные штурмовые действия отрабатывались в «килл-хаузе» – специальном помещении, где отрабатывается штурм здания. Но здесь, среди развалин Сталинграда, недостатка в «килл-хаузах» не было. Лейтенант Ракитин гонял свою команду по этажам полуразрушенных зданий, обучая контролю лестничных клеток и пролетов, правильному входу в комнаты, движению по коридорам и контролю окружающего пространства. Он добивался идеальной слаженности действий и молниеносной реакции на быстро меняющуюся тактическую обстановку.

Работа в зданиях, в условиях ограниченного пространства для маневра имеет свою важную специфику. Огонь из пистолетов-пулеметов ведется на дистанцию всего два-три метра в движении из неудобных положений под разными ракурсами. Все – на скорость, на время. И тут очень важна слаженность работы в группе, взаимодействие, чувство локтя, умение быстро и четко сообщить напарникам об опасности.

Из соседней комнаты хлопнул пистолетный выстрел, посыпалась штукатурка. Лейтенант Ракитин отпрянул под защиту дверного косяка, присев как можно ниже и выставив перед собой ствол оружия. Краем глаза заметил шевеление в комнате справа и выкатившийся оттуда круглый предмет. Не отдавая себе отчета, на одних только рефлексх Виктор отфутболил овальное ребристое тело «лимонки».

– Граната справа! Ложись!

Тут же по ушам ударила тугая взрывная волна, за стенкой прилично рвануло. Потянуло кислятиной сгоревшей взрывчатки.

– Цель слева, одиночная! – Стрелок бьет в быстром темпе, два выстрела пистолета-пулемета сливаются в один. Из затвора вылетают горячие гильзы. К звукам стрельбы все привычны.

– Цель поражена! – переключка между бойцами шла постоянно.

Бойцы ворвались в горницу, здесь по ним практически в упор открыли огонь диверсанты. Но группа лейтенанта Ракитина состояла из опытных бойцов. Они тут же попрятались за массивной, еще купеческих времен, мебелью, отступили под прикрытие дверного косяка. Вражеские пули с глухим стуком впивались в мореное дерево.

– Группа мишеней справа! Работаю левую крайнюю! – снова выстрелы.

– Окно!

Один из вражеских корректировщиков выпрыгнул в окно. Но там его уже ждали оперативники НКВД. Сработали они, как всегда, четко и быстро. На противника набросились сразу два оперативника, заломали болевым приемом руку с «Вальтером», выбили оружие. Повалили на землю, оглушили сильным ударом и скрутили руки.

– Комната слева – чисто!

Штурм и захват вражеских корректировщиков занял всего две с половиной минуты. Виктор заглянул в разгромленную взрывом гранаты комнату. Там в луже крови лежал один из врагов. Рядом с телом в луже быстро густеющей крови валялся «Парабеллум». Первого, кого «уработал» прикладом лейтенант Ракитин, тоже уже скрутили сотрудники Госбезопасности.

Один из бойцов шипел сквозь зубы, зажимая ладонью левую руку.

– Что случилось? – над ним, придерживая компактный автомат, склонился командир. – Дайте индпакет, перевязать рану, быстро!

– Да ерунда, царапина...

Пуля из вражеского «Вальтера» калибра 7,65 миллиметра только оцарапала кожу, оставив на плече кровавый след. Тем не менее бойца Госбезопасности туго перебинтовали, именно на случай ранений в маневренной группе всегда на выездах находился опытный фельдшер с укладкой неотложных медицинских средств. А у каждого пограничника в обязательном порядке был с собой жгут и пара перевязочных пакетов. Это тоже было одним из нововведений лейтенанта Ракитина, и оно уже не раз оправдало себя в реальных боевых условиях.

Бойцы штурмовой группы, не торопясь, направились к выходу,

поддерживая раненого товарища. А в доме уже сверкали вспышками эксперты-криминалисты Следственного отдела НКВД, следователи проводили обыск. Привлекли даже инспекторов-кинологов со служебными собаками. Тут же из подвала и из тайников стали появляться весьма красноречивые улики: чистые и безукоризненные по форме бланки различных документов, удостоверений личности, пропусков. Компактные радиопередатчики-«маячки» и рация «Телефункен» для связи диверсантов с вражеским центром. Пистолеты и револьверы, ручные гранаты и даже два трофейных пистолета-пулемета МР-40. Виктор тяжело вздохнул: доберись предатели Родины до немецких автоматов – тяжело бы пришлось его штурмовой группе!

Возле «полуторки», кстати, вполне исправной, собрались и остальные бойцы. Снайперы на сегодняшнем задании так и не использовали свои высокоточные револьверы-карабины. Группа захвата сработала чисто. Солдаты курили, держа самокрутки подрагивающими от нервного напряжения пальцами. Адреналиновая накипь уходила вместе с незамысловатыми армейскими шутками и смехом.

* * *

На следующий день Виктора и остальных солдат центральной комендатуры Сталинграда подняли по тревоге. Бойцы привычно разбирали оружие и патроны, рассовывали магазины по карманам разгрузочных жилетов и подсумкам. Лейтенанта Ракитина вызвал сам старший майор Госбезопасности Воронин.

– Над пригородом Сталинграда – Сарептой – девчонки-зенитчицы сбили «Мессер». Самолет пошел на вынужденную, а пилот оказался какой-то важной фашистской шишкой. В общем, Витя, тебе поручено выяснить все на месте и препроводить этого гада живьем к нам в комендатуру. Для дальнейшей передачи в штаб фронта, – проинформировал подчиненного военный комендант Сталинграда. – Вопросы?

– Разрешите, товарищ старший майор... Я ведь не местный, сам из Сталино [\[11\]](#), с Донбасса...

– Ничего, дадим проводника из местных сотрудников, и поезжайте.

– Есть!

Лейтенант Ракитин взял два бронированных грузовика «Опель-Блитц» и покатил по маршруту, который указывал сотрудник местного Сталинградского управления НКВД. Когда лейтенант Ракитин объявил

такому же лейтенанту, только из местных, что они направляются в Сарепту, тот не на шутку удивился.

– А что мы там забыли, у гернгутеров?.. – поинтересовался сотрудник Госбезопасности.

– У кого? – переспросил озадаченный Виктор Ракитин. Он и слов-то таких не знал.

– Гернгутеры – это поволжские немцы-переселенцы, – пояснил местный чекист. – Они сначала были вообще, что твои коммунисты – частной собственности нет, все должны были трудиться на пользу общества и получать от него средства к жизни.

– О как! – удивился Ракитин.

– Ага! – кивнул местный офицер НКВД. Мне по долгу службы полагалось ими интересоваться. – Так вот, секта эта ведет свое начало не от лютеровской реформации, а от революционера Средневековья Яна Гуса, и поэтому у них празднуется день сожжения Гуса. Главным основанием их учения есть братская любовь. Труд считался делом необходимым для христианина; все дни в неделе, исключая воскресенья, гернгутер обязан был работать без усталости, всякие светские забавы возбранялись вступающему в братство: ни театров, ни танцев не позволялось. Даже чтение легкого содержания книг считалось неодобрительным делом.

– Чего-то слабо верится, что все так гладко... Они же, как есть – буржуи.

– А вот в этом ты абсолютно прав! Такой общественный порядок не мог удержаться долго. Совсем скоро осталась от него одна формальность. Хотя и жили в складчину, но все же многие из гернгутеров завели на собственный счет хозяйственные и ремесленные заведения и вели сами свою торговлю. Общество разлагалось не без важных злоупотреблений: бывали случаи, что члены братства, получившие от общества какое-нибудь поручение, вместо того чтобы трудиться для общественных выгод, стали обращать в свою пользу то, что должно было вноситься в общественный склад. Гернгутеры утратили прежнее доброе о себе мнение; их стали называть протестантскими иезуитами и ханжами. В наружном виде гернгутера и в речах его все, по-видимому, дышало благочестием, а тайные поступки его часто были вовсе не благочестивы.

– Да, коммунизм может быть построен только на крепкой идеологической и экономической базе, когда народ сам владеет средствами производства – заводами и фабриками, – согласился Виктор Ракитин.

– Это точно!

Два бронированных грузовика пылили куда-то в степь, уже скрылись

за холмами заводские трубы и постройки Сталинграда. И вот среди вольных приволжских степей открылась удивительная картина, будто бы лейтенант Ракитин попал сразу же в Западную Европу. Посреди голой и плоской, как стол, равнины открылся вдруг чисто немецкий городок. Красивый, благоустроенный, с улицами, обсаженными тополями, со сквером и фонтаном посреди него, с чистыми домами немецкой архитектуры и с европейским хозяйством огородов и полей. Конечно, за все время существования Сарепты она разрослась, по окраинам выросли вполне русские дома или глиняные беленые мазанки, но влияние немецкой готики чувствовалось особенно сильно в центре поселка, где напротив островерхой кирхи расположилось миниатюрное и какое-то игрушечное здание местной управы – наверное, бывшего муниципалитета.

Гитлеровцы Сарепту почти не бомбили, сосредоточившись на самом Сталинграде. Немногочисленные воронки на улицах были аккуратно засыпаны землей или щебнем.

Странно, но именно этот игрушечный вид и подчеркнутая аккуратность вызвали в лейтенанте Ракитине глухое раздражение. Всего в нескольких десятках километрах день и ночь идет смертельное противостояние с превосходящими силами гитлеровцев, гибнут, но держатся из последних сил солдаты, от мощных взрывов стонет земля. А тут – «европейская идиллия»! По лицам бойцов Госбезопасности было видно, что не только командира обуревают подобные чувства.

В местной комендатуре коллег из Сталинграда уже ждали. Сухопарый, сильно хромающий капитан с массивной тростью в руке приветствовал лейтенанта Ракитина.

– Леонид Степанцов, – представился капитан, пожимая руку. Ладонь у него была по-военному крепкая и жесткая. – Забирайте скорее этого «фрица», а то народ уже грозился над ним самосуд совершить. А то и комендатуру спалят вместе с заключенным!..

Виктору, да и всем остальным были понятны слова раненого капитана. После варварских авианалетов бомбардировщиков Люфтваффе на Сталинград местное население готово было разорвать гитлеровских летчиков на части. И рвало. В нескольких случаях комендантские патрули или местные отряды «ястребков» успевали только забрать изувеченные тела. Мало к кому советские граждане, сталинградцы, испытывали такую лютую, всепоглощающую ненависть, как к «пилотам Штук» – пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» и другой летающей нечисти.

Самый именитый «пилот «Штуки» – командир эскадрильи StG-2 Ханс-Ульрих Рудель вспоминал потом в своих мемуарах:

«Мы должны сбрасывать наши бомбы чрезвычайно аккуратно, потому что наши собственные солдаты находятся всего в нескольких метрах, в другом погребе или за обломками соседней стены.

Пролетая над западной частью города, вдали от линии фронта, удивляешься царящей здесь тишине и почти обычному движению по дорогам. Все, в том числе и гражданские, занимаются своими делами, как будто город находится далеко за линией фронта. Вся западная часть города сейчас находится в немецких руках, только в меньшей восточной части, на самом берегу Волги еще остались очаги русского сопротивления, и здесь идут яростные атаки. Часто русские зенитные орудия замолкают к обеду, возможно, потому, что они уже израсходовали все боеприпасы, которые им подвезли из-за реки прошлой ночью. На другом берегу Волги советские истребители взлетают с нескольких аэродромов и пытаются ослабить наши атаки на русскую часть Сталинграда. Они редко преследуют нас над нашими позициями и обычно поворачивают обратно, как только под ними уже нет их собственных войск. Наш аэродром находится рядом с городом, и когда мы летим в строю, то должны сделать один или два круга, чтобы набрать определенную высоту. Этого достаточно для советской воздушной разведки, чтобы предупредить зенитчиков.

После двух недель, во время которых я чувствую себя скорее в Гадесе, подземном царстве теней, чем на земле, я постепенно восстанавливаю силы. Между делом мы наведываемся в сектор севернее города, где линия фронта пересекает Дон. Несколько раз мы атакуем цели рядом с Бекетовом. Здесь зенитки ведут особенно сильный огонь, выполнить задание очень трудно. Согласно показаниям захваченных в плен русских, эти зенитные орудия обслуживаются исключительно женщинами. Когда мы собираемся на дневные вылеты в этот сектор, наши экипажи всегда говорят: «У нас сегодня свидание с этими девушками-зенитчицами». Это ни в коем случае не звучит пренебрежительно, по крайней мере, для тех, кто уже летал в этот сектор и знает, как точно они стреляют».

И вот 30 августа 1942 года севернее Сталинграда – над Сарептой те самые девчата-зенитчицы сшибли истребитель «Мессершмитт-109». А пилотом этого «Мессера» оказался целый граф Генрих фон Айнзидель! Он был известным асом Люфтваффе из эскадры JG 3 «Удет», а также именитой персоной «голубых кровей» – правнуком «железного канцлера» Отто фон Бисмарка.

Того самого, который заповедовал своим подданным никогда не воевать с Россией.

Но «попаданец» из столицы Донецкой Народной Республики начала XXI века помнил и еще одно изречение «железного канцлера»: *«Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно лишь найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное – дело времени»*. Виктор Ракитин на собственном жизненном и в том числе – боевом опыте убедился в правильности высказывания Отто фон Бисмарка. Так оно и получилось – всего четверть века прошло, а уже почти половина Украины ненавидит все русское, не осознавая, что губит сама себя...

Лейтенант тяжело вздохнул, отгоняя дурные мысли, и вместе со своими бойцами направился мимо распластанного на поле «Мессершмитта-109» к местной комендатуре.

Граф Генрих фон Айнзидель даже внешне был немного похож на своего именитого прадеда – круглое «породистое» лицо, высокий лоб с залысинами, даже усы были похожи. Несмотря на свой юный возраст, а было ему всего двадцать три года, держался Айнзидель с достоинством. Хоть на лбу под сетчатым «летним» шлемофоном и запеклась кровь – след от жесткой вынужденной посадки истребителя с убранными шасси.

– Шагай, граф, скоро дождешься своего именитого начальника – генерала Паулюса... – беззлобно сказал Виктор.

Местный начальник комендатуры передал лейтенанту Ракитину планшет с документами фон Айнзиделя, кобуру с пистолетом. Виктор обратил внимание на необычный «Парабеллум» с удлиненным стволом.

– Занятная вещица!

– Да, хороший пистолет, владелец через переводчика рассказал, что этот «Парабеллум» был изготовлен на заказ специально для него.

– Да уж, хорошо, наверное, жилось ему в Германии.

– Ну, тут ему подобного обхождения не гарантируем, несмотря на высокое происхождение! – рассмеялся начальник местной комендатуры.

* * *

Действительно, граф Генрих фон Айнзидель впоследствии был отправлен в офицерский лагерь под Москвой. Там он уже зимой 1943 года встретился все же с плененным в Сталинграде фельдмаршалом Паулюсом,

теперь уже бывшим командующим разгромленной и задушенной в сталинградском «котле» Шестой армией Вермахта.

Граф фон Айнзидель, как и многие пилоты Люфтваффе, никогда не был ярким приверженцем теории Гитлера о «высшей расе и чистоте крови». Он пошел на войну, потому что верил – Германия ведет на Восточном фронте войну с большевизмом. Как и все «эксперты» Люфтваффе, правнук Отто фон Бисмарка считал себя элитой и предпочитал «воевать в белых перчатках». К тому же, ему покровительствовал сам Гитлер. Служил Генрих фон Айнзидель в элитной 3-й истребительной эскадре, названной в честь знаменитого летчика-аса Первой мировой Эрнста Удета. В боях под Белградом и Парижем лейтенант фон Айнзидель сбил два десятка самолетов, а в 1942 году Гитлер отправил его на Восток, напутствовав: «Наведите порядок в небе над Сталинградом, граф. Я верю, что вы это сделаете».

Но случилось все иначе. Уже здесь, в небе Сталинграда, он начал осознавать всю неправильность этой войны со стороны Германии. Русские оказались стойкими и умелыми бойцами, воевали с такой отчаянной смелостью, что удивляли многих своих противников. А тактика воздушных таранов, которые смело применяли русские летчики в самых безысходных ситуациях в воздушных боях, просто шокировала пилотов Люфтваффе. И графа фон Айнзиделя – в том числе.

Все это, а потом еще и плен, заставило его пересмотреть свои взгляды. В 1944 году правнук Отто фон Бисмарка стал членом антифашистского комитета «Свободная Германия», а затем и членом редакции одноименной газеты.

Конечно же, такая знаковая новость практически сразу же попала в поле зрения Политуправления Сталинградского фронта. Скоро все агитационные листовки пестрели сообщениями и по-русски, и по-немецки о том, что правнук «железного канцлера» оказался в советском плену.

Такое сообщение, действительно, подняло боевой дух советских войск. Еще бы – целого немецкого графа, любимчика Гитлера, сбили простые девчонки, вчерашние советские школьницы!

Узнав о том, что один из его «любимчиков» перешел на сторону русских, Адольф Гитлер объявил щедрую награду за то, чтобы его вернули в Рейх живым или мертвым. Голову потомка Отто фон Бисмарка фюрер оценил в целых полмиллиона рейхсмарок. Это были несметные по тем временам деньги. Но судьба улыбнулась потомку Бисмарка – после войны он вернулся в Германию, где и дожил до преклонных лет.

Глава 7

Ночной рейд

Война в Сталинграде была необычной. Полотно железной дороги делило город пополам: ближе к Волге, в центре, днем шла почти что обычная жизнь. К бомбежкам Люфтваффе и артиллерийским обстрелам немецких гаубиц здесь уже привыкли. Так же, как привыкли жители Москвы зимой 1941 года или жители осажденного Ленинграда. Рубежи советских войск на Мамаевом кургане, у полуразрушенных, но продолжающих работать цехов Сталинградского тракторного на юге города и по полотну железной дороги гитлеровцы атаковали бесчисленное количество раз, но всегда откатывались с большими потерями.

Первый натиск был отбит при поддержке рабочего ополчения и войск НКВД. Оружие тогда взяли в руки все, кто мог его держать. Бригады рабочих-ополченцев уходили в бой прямо со сталинградских заводов... А к станкам вставали их жены и дети. Иногда для того, чтобы встретить врага, нужно было просто выйти на окраину предприятия.

Но уже совсем скоро с левого берега Волги, из глубины необъятного Советского Союза стало подходить подкрепление – свежие силы обученных, вымуштрованных пехотинцев, бронебойщиков, пушкарей-артиллеристов. Прибывали танковые экипажи, чтобы «оседлать» новенькие «тридцатьчетверки» производства Сталинградского тракторного завода.

Постоянно – под обстрелами гитлеровцев – возводились полевые укрепления, рыли сотни километров окопов, в развалинах домов встраивали замаскированные и защищенные огневые точки и снайперские позиции. На крышах уцелевших домов устроили свои позиции корректировщики и зенитчики. Причем расчеты автоматических пушек и крупнокалиберных пулеметов стреляли не только по самолетам с крестами на крыльях. Господствующее положение позволяло вести заградительный огонь по пехоте и бронетехнике гитлеровцев. К тому же – попадание из 25-миллиметровой скорострельной пушки или крупнокалиберного 12,7-миллиметрового пулемета ДШК в относительно тонкую крышу башни или в моторно-трансмиссионный отсек немецкого танка было весьма опасно. А с левого берега Волги защитников Сталинграда поддерживали огнем могучие гаубицы Резерва Главного командования. Теперь у защитников прибавилось уверенности – отстоим волжскую твердыню!

В ожесточенных боях за Сталинград пришлось отказаться от обычного порядка размещения командных пунктов и штабов всех уровней командования. Обычно устав требует, чтобы штаб дивизии находился в нескольких километрах от переднего края или, по крайней мере, в более глубоком тылу, чем штаб полка или батальона. Но в Сталинграде, например, штаб 62-й Армии в период уличных боев размещался рядом со штабами батальонов. От командного пункта армии до переднего края обороны часто было не более двухсот-четырёхсот метров. И то, что было совершенно неприемлемо в полевых условиях, в Сталинграде являлось необходимостью. Более того – такая структура командования сыграла немалую роль в воспитании железной стойкости защитников Сталинграда. Солдаты всегда видели старших командиров и даже генералов рядом с собой – в окопах в самые тяжелые моменты боя. Такое боевое братство было поистине нерушимо!

* * *

После обеда бойцы лейтенанта Ракитина стали собираться в дорогу. Спецгруппе предстояло провести ночной рейд в «Заполотновском» районе Сталинграда. «Навести шухеру у фрицев», как выражались сами пограничники. Такие вылазки специально подготовленных диверсантов были не редкостью, причем – с обеих сторон.

Виктор сосредоточенно рассовывал по карманам разгрузочного жилета запасные магазины к пистолету-пулемету. Проверил, легко ли выхватывается из низко висящей кобуры на бедре верный «Наган». Подтянул ремень, который крепил самодельную кобуру к ноге. Кобура была массивной, самодельной, поскольку вмещала револьвер с глушителем собственной, Ракитина, конструкции. В ночном бою бесшумный «Наган» превращался из вспомогательного оружия в основное. В подсумок на поясе легли четыре гранаты-«лимонки». Лейтенант подхватил пистолет-пулемет Судаева, вставил магазин на тридцать пять патронов и отвел назад затвор. Поставил оружие на предохранитель.

Рядом так же сосредоточенно готовились к рейду его боевые товарищи. Старшина Хрящев проверил массивный «Кольт». Этот американский пистолет он выменял у танкистов, которые воевали на легких американских «Стюартах». Автоматические пистолеты «Кольт» и даже массивные и убойные пистолеты-пулеметы Томпсона входили в комплект поставки американских самолетов и танков, которые

передавались в Советский Союз по программе «ленд-лиза». Алексею понравилась убойная мощь тяжелого американского пистолета. Еще бы – «сорок пятый калибр», целых 11,43 миллиметра против «трех линий» – 7,62 миллиметра у пистолета ТТ и у «Нагана»!

– А патроны для своей «игрушки» ты где возьмешь? – поинтересовался Виктор Ракитин.

Сам он брал на задания только «Наган» в качестве запасного оружия. Он полагался на стрелковую мудрость: «Лучший пистолет – это автомат». Впрочем, в бою всякое бывает, так что и надежный и проверенный револьвер лишним не будет.

– Нормально, командир. Я патроны на трофейные папиросы и чай выменял. Четыре пачки по полсотни штук. На первое время хватит! – похвастался старшина Хрящев.

Рядом радист проверял рацию, ему, как никому другому, приходилось нелегко. Тащить за плечами несколько килограммов сложной аппаратуры, да еще и оберегать ее от жестких толчков и ударов. «Разведгруппа жива, пока жив ее радист» – справедливость этого военного афоризма никто не ставил под сомнение. Его боевые товарищи берегли, как зеницу ока. Но у радиста всегда была одна граната – для себя и для рации...

К командиру и готовящимся к выходу солдатам подошел довольный механик-водитель бронированного грузовика.

– Все готово, товарищ лейтенант. Можно выдвигаться.

– Ну что, Егорыч, поставил наконец-то ДШК на свой «танк»?

– А как же, Виктор Николаевич! Теперь любого фашистского гада с пары километров достанем! – улыбнулся, блеснув стальной фиксой, старший сержант.

Недавно, как раз после памятной поездки в Сарепту за сбитым немецким асом – внучатым племянником Кайзера Вильгельма, командование решило поощрить маневренную группу лейтенанта Ракитина. Помимо снятия предыдущих взысканий, решили поспособствовать и вооружением. Нашли все-таки один крупнокалиберный пулемет Дегтярева – Шпагина, который так давно выпрашивал для усиления огневой мощи мотоманевренной группы ее командир. Правда, лейтенанту Ракитину пришлось переоформлять заявки на выдачу боекомплекта. Ведь теперь требовались 12,7-миллиметровые патроны. А у него и так в штатном расписании числились бронебойщики для усиления, для них нужно было на складах получать 14,5-миллиметровые боеприпасы для противотанковых ружей конструкции Симонова. Так что зампотыла, покряхтев, пожаловавшись на проблемы и поохав, пошел искать еще и

12,7-миллиметровые патроны. Он все же выдал полагающийся боекомплект, а лейтенант Ракитин вознаградил его «жидкой валютой». С людьми нужно по-человечески, именно для таких, не совсем законных целей у лейтенанта Ракитина всегда была припрятана фляжка.

Пулемет установили в кузов трофейного бронированного грузовика «Опель-Блитц» и уже успели пристрелять грозное оружие. Действительно возможности ДШК внушали уважение – теперь и на дальностях свыше километра можно было уверенно уничтожать пулеметные расчеты противника, а то и стенку по кирпичику разобрать одной очередью. Крупнокалиберный пулемет был установлен на универсальном станке, мог стрелять и по наземным, и по воздушным целям. А кроме того, Виктор понял, что с помощью грозного оружия можно вести огонь и по многоэтажным домам – угла возвышения вполне хватало.

На втором «самопальном» броневике тоже вместо «спарки» пулеметов «Максим» установили спаренные немецкие пулеметы MG-42. С трофейными патронами проблем не возникало – их было в избытке.

Оба броневика должны были выдвинуться на заранее определенные позиции уже после скрытного перехода диверсантов лейтенанта Ракитина на оккупированную гитлеровцами «Заполотновскую» часть Сталинграда. В решающий момент оба броневика должны были прикрыть отход группы мощным огнем.

– Стройся! Равняйся! Смирно! – лейтенант Ракитин оглядел бойцов НКВД. Этот разведывод был у них не первый, и – дай Бог, не последний. – Наша задача: выдвинуться в «Заполотновский район» и устроить там нападение на полевой штаб немецкого батальона. Армейская разведка предполагает, что штаб находится именно там, но нужно будет доразведать на месте и «навести там шухера». Вопросы? Вопросов нет.

* * *

Сталинград и ночью был освещен, почти как днем. Не стихали на улицах города перестрелки. Взывались в багровое, подсвеченное пожарами небо осветительные ракеты, заливая окрестности мертвенно-белым светом. Шарили по небу жадные лучи зенитных прожекторных батарей. Не стихали пожары в разных концах города. Трескотня пулеметных очередей, глухие взрывы были уже привычны для слуха опытных бойцов.

Вообще-то подобные рейды – это прерогатива армейской разведки. Но

из-за потерь к специальным заданиям командование привлекало просто наиболее подготовленных и опытных бойцов. А таковыми были именно воины в зеленых фуражках, а еще – бойцы различных подразделений НКВД и местной милиции. Последние вообще выполняли функции проводников, хотя в развалинах Сталинграда мог сейчас заблудиться и старожил.

Виктор Ракитин уходил со своей группой в такие рейды с мрачной решимостью. Здесь лейтенант, как и его сослуживцы, становился особо опасным хищником, которого вел инстинкт убийцы. Словно оборотни, они меняли сущность, приобретая уникальные качества, но отнюдь не теряя острого рассудка и быстроты мысли, которая опережала пули.

Пара головного дозора плавно присела, один из бойцов поднял кулак над головой – «внимание». Все остальные моментально рассредоточились. Виктор юркнул за груды битого кирпича, оставшегося от стены дома, и сдвинул за спину пистолет-пулемет Судаева на ремне. Достал из массивной кобуры «Наган» с глушителем. Проверил, легко ли выходит из ножен острая хищная финка. Остальные бойцы занимались тем же. Вперед выдвинулись стрелки с бесшумными диверсионными револьверами-карабинами. В каждой подгруппе – лейтенанта Ракитина и старшины Хрящева – был пулеметчик с «Дегтярем». На стволах пулеметов тоже были массивные трубки глушителей вместо привычных раструбов пламегасителей. При стрельбе они издавали не больше шума, чем швейная машинка ^[12]. Пулеметчики вскинули оружие.

Звериное чутье, основанное на дремлющих, но пробужденных спецтренировками инстинктах, позволило бойцам НКВД, в буквальном смысле, учуять противника.

К советской разведгруппе приближались «коллеги» из Вермахта или из Абвера. Полтора десятка головорезов, отлично подготовленных и вооруженных. Вне всякого сомнения – задачи у них были сходными с теми, которые поставило командование перед диверсионно-разведывательной группой лейтенанта Ракитина.

Виктор, затаившись, ждал. Такую тактику его ребята использовали не раз: дожидаться, пока противник не подойдет на расстояние, когда становятся видны в темноте белки глаз, а потом – разом ударить! Сначала – из бесшумных револьверов, а потом «временно оставшихся в живых» «уроботать» ножами, чтобы без лишнего шума...

В дрожащем неверном свете догорающей сигнальной ракеты Виктор разглядел не совсем обычное оружие в руках у некоторых немцев. Это были массивные пистолеты «Маузер» с пристегнутыми к рукояткам

деревянными кобурами. «Попаданец» Ракитин, будучи студентом-историком, мгновенно вспомнил, что автоматическими пистолетами «Маузер» модели «Schnellfeuer» вооружались некоторые специальные подразделения СС. И тут же лейтенант Госбезопасности прикинул, что его ребятам придется очень туго, если их засада не сработает. Ведь «Маузер К-96» модели «712» «Schnellfeuer» обладал скорострельностью 850 выстрелов в минуту при двадцатизарядном отъемном магазине. Да эсэсовцы их просто изрешетят!

* * *

Пистолет-карабин Маузера, кстати, был очень популярен среди искателей приключений, авантюристов и путешественников по африканским или азиатским джунглям. Известно, что именно с «Mauser C-96» молодой Уинстон Черчилль во время Суданской кампании сражался против превосходящих сил арабов. Во время битвы при Омдурмане в сентябре 1898 года дозор 21-го Гусарского полка во главе с 25-летним лейтенантом Черчиллем был окружен, но благодаря выдающейся скорострельности «Маузеров» англичане перебили всех противников. Схватка продемонстрировала несомненное преимущество полуавтоматического огнестрельного оружия перед мечами и копьями.

Позднее была выпущена еще одна модификация пистолета «Маузера», с несколько укороченным стволом. Оружие как раз и позиционировалось, как средство эффективной самозащиты путешественников. Новый пистолет получил название «Маузер-Боло» – по названию массивного ножа «Боло», который всегда под рукой путешественника. По аналогии и пистолет стал называться так же. Позднее большая партия «Маузеров» с укороченным стволом была закуплена для Советской России, и «Боло» стали переводить как сокращение от «большевик».

* * *

Однако отступать или менять планы было уже поздно. Виктор уже видел в темноте белки глаз подошедшего почти вплотную к его укрытию эсэсовца. Немец смотрел прямо на него – точнее, на ствол «Нагана». Выстрел прозвучал глухим хлопком, тише, чем пробка вылетает из бутылки шампанского. Ракитин целился в шею противника – туда и попал. Эсэсовец

захрипел, забулькал собственной кровью, предостерегающий окрик был заглушен навеки. Враг ничком ткнулся в землю.

Выстрел командира стал сигналом для всех бойцов НКВД – бесшумные «Наганы» били метко. Враги валились, как подкошенные. Но все же эсэсовцы не дрогнули, уцелевшие рассредоточились и ударили плотным огнем из автоматических пистолетов «Маузеров-Шнелльфойеров». Их поддерживали стрелки с автоматами МР-40. Двоих наших убило сразу же – немецкие пули просто нашпиговали замешкавшихся пограничников. А немцам и целиться-то особо не надо было – практически в упор, по темному силуэту, подсвеченному мерцанием сигнальных ракет, да еще и очередью...

Виктор почувствовал тупой удар в грудь и полетел на землю, все еще сжимая «Наган» в руке. Перед глазами лейтенанта Ракитина мелькнули огненные сполохи, небо опрокинулось непроглядной чернотой в глазах, и свет померк окончательно.

– Командира зацепило!

– Ранен?! Убит?!

Виктор очнулся долгую секунду спустя, оттого, что его тормозили за плечо. Грудь неимоверно саднила, Ракитин со стоном ощупал себя. Достал непослушными одеревеневшими пальцами из кармана разгрузочного жилета исковерканный стальной «рожок» от автомата. Вероятно, легкая пуля из автоматического пистолета «Маузер» ударила в запасной магазин в кармане на груди. Это и спасло лейтенанта Ракитина.

Тем временем над его почти что бездыханным телом продолжалась яростная огневая схватка накоротке. На стороне воинов НКВД была бесшумность и точность, эсэсовцы брали нахрапом – огневой мощью массивных автоматических пистолетов «Маузер-Шнелльфойер». Пограничники, расстреляв все семь патронов в барабане бесшумных «Наганов», бросались врукопашную. Но отнюдь не грудью под смертоносный свинец. Они были прекрасно подготовлены к рукопашной схватке, гораздо лучше, чем простые пехотинцы-красноармейцы. К тому же у каждого был еще и припрятан коронный финт, который не раз спасал жизнь.

Патроны были отнюдь не бесконечными и у эсэсовцев, в двадцатизарядных обоймах скорострельных автоматических пистолетах...

Вот уж тогда и пришлось сойтись лицом к лицу в хрипящей рукопашной. «Ты бей ножом, а лучше – бей рукой! Оно надежней, да оно и тише!»... – пел впоследствии Владимир Семенович Высоцкий, заставший войну еще ребенком, но удивительно точно прочувствовавший то

лихолетье. Вот именно так дрались в НКВД – и ножом, и кулаком. Захват – бросок, и добивающий удар. Тускло блестит лезвие финки, без замаха бьющее в горло «фрица». Булькает перерезанным горлом враг. Но и широкий клинок эсэсовского кинжала напивается вдоволь русской кровушки. «*Meine Ehre heißt Treue!*» – «Моя честь – моя верность!» – эсэсовский девиз идет готической вязью по стали клинка.

Готическое заклинание оказалось бессильно перед благородной яростью русских, умноженной на специфические боевые навыки стремительного и хлесткого рукопашного боя НКВД и филигранного владения оружием. Бойцы лейтенанта Ракитина работали только бесшумным оружием – «Наганами» с глушителями и ножами. Воспользоваться компактными автоматами ППС-42 просто не было возможности – рассчитывали ведь на совершенно иной «расклад»...

Но все же исход ночного боя решили два пулемета Дегтярева с глушителями. Под привычный стук, как у швейной машинки, они изрешетили оставшихся гитлеровцев. Бойцы НКВД в этот раз пленных не брали, кровь – за кровь боевых товарищей!

* * *

Виктор продолжал хватать ртом воздух, но фельдшер, который всегда выходил с группой на задания, уже сделал нужный укол. Силы постепенно возвращались, сознание уже не уплывало. Но вообще настроение было совсем мрачным. С самого начала разведывахода – потери. Четверо убитых, и еще столько же – ранены. Да еще и самого Ракитина зацепило. Только чудом пуля попала не в него самого, а отрикошетила от стального магазина к пистолету-пулемету. Фельдшер перевязал раненых, с тел убитых забрали оружие и патроны, поделили боеприпасы между живыми. Забрали и немного трофейного оружия, лейтенант Ракитин и несколько бойцов забрали себе трофейные пистолеты «Маузер-Шнелльфойер». Конечно, бойцы и так были навьючены боеприпасами, но у Виктора возникла интересная мысль испытать потом огневые возможности немецкого автоматического пистолета...

Виктор отправил раненых обратно, а сам остался. Он не мог допустить срыва боевого задания.

– Док, накопи меня какой-нибудь дрянью, чтобы я боли не чувствовал. А остальное – потом, после выполнения боевой задачи! – твердо отверг возражения фельдшера командир диверсионно-разведывательной группы. –

Подожди, я сейчас донесение напишу.

В тусклом свете электрического фонарика, под плащ-палаткой, лейтенант Ракитин набросал донесение, которое отправится в штаб вместе с ранеными.

Начальнику Сталинградского областного УНКВД Старшему майору Госбезопасности Воронину Александру Дмитриевичу

ДОНЕСЕНИЕ

Настоящим докладываю, что 03 сентября 1942 года при выдвижении диверсионно-разведывательной группы под моим командованием в занятый гитлеровцами «Заполотновский» район Сталинграда напоролись на встречное выдвижение разведгруппы противника. Мною было принято решение – атаковать. В ходе ночного боя на короткой дистанции, переходящего в рукопашную, противник был уничтожен. Судя по элементам вражеской экипировки, а также по нестандартным образцам оружия, в частности – автоматическим пистолетам «Mauser C-96» мод. «712» «Schnellfeuer» обр. 1932 г., мы столкнулись с одним из подразделений войск СС. Наши потери; четверо убиты, четверо ранены, один из бойцов тяжело. Отправив раненых в тыл, принял решение продолжать выполнение задания. Смерть фашистским оккупантам!

Л-т ГБ Ракитин В. Н.

* * *

Потеряв почти половину личного состава, разведчики продолжили продвижение по маршруту. Хотя, скорее всего, это можно было назвать дорогой в ад. Осторожно пробирались в развалинах, ныряли в воронки от авиабомб и снарядов. Диверсантам пришлось даже спускаться в полуразрушенную канализацию, а потом выбираться обратно. Спасало то, что сплошная линия фронта после бомбежки и постоянных контратак так и не остановилась, по развалинам можно было проникнуть во вражеский тыл. В огромном городе были так называемые «очаги» сопротивления, некоторые улицы и вовсе никем не контролировались. Этим обстоятельством и пользовались диверсионные группы и снайперы противоборствующих сторон.

Несколько раз мимо затаившихся разведчиков проходили пешие патрули гитлеровцев, с ревом проезжали броневики и танки. А один раз лейтенант Ракитин едва удержался, чтобы не вырезать экипаж немецкой штурмовой самоходки. Приземистый «Артштурм» стоял на перекрестке с

перебитой гусеницей, видимо, при резком повороте лопнул стальной «палец», скрепляющий траки гусеничной ленты. Пришлось оставить оккупантов в живых, чтобы не раскрывать группу – и так уже «нашумели», покрошив полностью диверсантов из СС.

Виктор несколько раз останавливался, ориентировался по карте, подсвечивая себе электрическим фонариком с красным светофильтром. Удобная вещица поставлялась в числе прочих по «ленд-лизу».

Вскоре они дошли до нужного перекрестка, где в подвалах полуразрушенного купеческого особняка расположился, по-видимому, штаб немецкого батальона. Во всяком случае, получасовое наблюдение показало, что туда подъезжали штабные автомобили с потушенными фарами, сновали туда-сюда офицеры. Особо глазастому пограничнику удалось даже разглядеть проволочную антенну радиостанции. По всему выходило, что тут у «фрицев» располагался замаскированный передовой командный пункт. Охранял полевой штаб замаскированный танк «Panzerkampfwagen-III». Конечно, против знаменитой советской «тридцатьчетверки» его короткоствольная 50-миллиметровая пушка, откровенно говоря, «не плясала», но против пехоты... Танк ведь всегда остается танком. «Панцер» был умело замаскирован в развалинах, да и сам штаб вычислить было очень трудно среди завалов и полуразрушенных сгоревших домов. Подходы к танку перекрывало укрепленное пулеметное гнездо. Подобраться туда было практически нереально. Немцы ведь дураками не были и воевать умели.

– Еремеев, Стрельченко – приготовьте гранаты. Ваша задача – скосырнуть танк. Сафонов, вместе с напарником расстреливаешь пулеметный расчет из бесшумных револьверов-карабинов. Подползете на дистанцию полтора метра и работайте. Спрятаться можно вон – у того сгоревшего остова грузовика.

– Понял, командир, сделаем в лучшем виде, – одними губами прошептал снайпер. Вместе с напарником они бесшумно, словно опасные змеи, заскользили по земле, плавно обтекая неровности и препятствия.

Все так же – ползком и остальная часть диверсионно-разведывательной группы НКВД тоже приближалась к противнику. Купеческий особняк, построенный еще до революции в Царицыне, был крепким. Прямое попадание разбило две стены каменного дома, но вот подвал остался полностью невредим. Гитлеровцы чувствовали себя там в безопасности.

– Устроим «фрицам» «веселую ночь»! В затяжной бой не ввязываться, ударили – быстро отошли. Подбираемся тихо, закидываем

гадов гранатами. Все понятно?

– Так точно.

– Со мной идут пятеро, Хрящев остается с прикрывающей группой.

– Есть, – в голосе старшины сквозило недовольство, но приказ есть приказ.

– А пока – заминируем пути отхода, расставим «растяжки». Леша, у тебя остаются два пулемета с глушителями, поставь их на флангах и встретить тех, кто будет нас преследовать.

– Будет сделано, командир.

* * *

В подвале разрушенного купеческого дома майор с витыми погонами при свете ярких карбидных ламп, напевая «Лили Марлен», вычерчивал на карте Сталинграда синие стрелы наступления к Волге. Ему грезилось, что эти синие стрелы приведут его к славе, Рыцарскому кресту и, быть может, к погонам полковника или даже – о, майн Готт, генерал-майора! Офицер был потомственным военным и вел свою родословную еще от прусского офицерского корпуса. Сталинград дал ему возможность проявить себя, и он не подведет Фатерлянд и свою белокурую Лотхен!

При воспоминании о жене, которая ждала его в маленьком баварском городке, у майора неприлично зачесалось в паху. «Шайзе! Нужно раздобыть керосина и потравить этих проклятых насекомых, которых я успел набратся здесь, в окопах!» – мысли майора свернули в совсем не героическую сторону. Но что поделать, дорога к славе, Рыцарскому кресту и погонам генерал-майора проложена сквозь окопную грязь и кровь...

За перегородкой стучал телетайп, пицала морзянка радистов. Штабные офицеры в чине от гауптмана [\[13\]](#) и ниже суетились, работали с документами и оперативными картами. На скамье развалился наряд автоматчиков, охранявших командный пункт.

Внезапно в дверной проем влетело несколько увесистых гранат. Советские фугасные гранаты РПГ-40 имели относительно тонкие жестяные стенки и внушительный заряд взрывчатки – 760 граммов тротила. В каменном подвале несколько гранат ахнуло так, что, если кого и не убило, то контузило однозначно! На это и был расчет.

Пятеро храбрецов ворвались на командный пункт гитлеровцев и открыли шквальный огонь по всем, кто еще пытался шевелиться. От треска пистолетов-пулеметов Судаева в руках лейтенанта Ракитина и его четверых

боевых товарищей заложило уши!

Четверо «фрицев» из караула погибли мгновенно, русские диверсанты еще дали по неподвижным телам пару очередей – на всякий случай. Штабных офицеров смел раскаленный поток свинца, никто из них даже и не понял, что произошло. Пули с визгом и искрами рикошетили от стен, били аппаратуру. От случайного попадания взорвался и разлетелся вдребезги, словно бомба, один из карбидных светильников.

– Осторожнее! Бить – только прицельно!

– Справа чисто! – боец НКВД на колене держал на мушке небольшой закуток.

– Документы берите! – Виктор машинально поменял опустевший магазин. Из ствола и из затвора пистолета-пулемета вился сизый дымок, остро пахло сгоревшим порохом.

Майор с витыми погонами, командир немецкого батальона, уткнулся окровавленной головой в штабную карту. Синие стрелы вероятного наступления на Волгу принесли крест потомственному прусскому офицеру, но не Рыцарский, а попроще – березовый.

Из-за перегородки вдруг ударили пистолетные выстрелы, видимо, кто-то из немецких радистов все же дотянулся до кобуры. Пистолетные пули веером полетели, с искрами рикошета от стен. Виктор кувыркнулся за какие-то ящики, остальные четверо бойцов тоже спрятались за укрытия, и уже оттуда ударили плотным огнем – на подавление.

– Прикройте меня! – Виктор приметил угол массивного стола и на полусогнутых рванулся к новому укрытию.

Сократив дистанцию, лейтенант Ракитин дал пару прицельных очередей. Пули с легкостью изрешетили тонкую дощатую перегородку, которая отделяла узел связи от остального помещения немецкого штаба, и тех, кто прятался за ней. Виктор осторожно выглянул из-за укрытия, держа компактный автомат наготове. За превращенной в решето перегородкой угадывалось слабое шевеление. Лейтенант Ракитин заглянул туда: среди залитых кровью, растерзанных пулями тел ворочался один из связистов с погонами оберлейтенанта. Как это ни странно, но на нем была чужая кровь, сам он не получил ни царапины! Бывают чудеса на войне...

Виктор, несмотря на свое «попаданческое» происхождение, был чужд сантиментам. Он ухватил окровавленного «фрица» за шиворот и поднял на ноги. Критически его оглядев, Виктор врезал немецкому офицеру в живот откидывающимся прикладом автомата. Тот с утробным бульканьем согнулся пополам.

– Ребята, вяжите этого! Наверное, это ихний связист или

шифровальщик.

– Сделаем, командир, – разведчики быстро стянули запястья за спиной пленного немецкого офицера, заткнули рот кляпом. Вместе с «языком» взяли много ценных документов.

– Радист! Передавай кодом в штаб: немецкий командный пункт уничтожен, захвачены ценные документы и «язык».

– Есть, командир, – радист уже нацепил наушники и взялся за телеграфный ключ. В ушах запищала, словно биение пульса, прерывистая морзянка.

– Все, братья-славяне, уходим!

Горящие осколки разбитых в перестрелке карбидных ламп понемногу разгорались. Всего лишь через пару минут здесь все выгорит дотла. Разведчики вместе с пленным выбрались наружу. Здесь лежали вповалку немецкие пулеметчики, перестрелянные снайперами с бесшумными револьверами-карабинами. Валялся с перерезанным горлом часовой у входа в разгромленный штаб. Чадно дымил замаскированный танк, вокруг него валялись перебитые члены экипажа. Диверсионно-разведывательная группа НКВД выполнила несвойственное ей задание чисто и быстро.

* * *

Вдалеке, через пару кварталов полуразрушенных зданий слышались глухие раскаты взрывов. Старшина Хрящев прислушался и довольно хмыкнул:

– Сработали мои «сюрпризы»!

– Молодец, Лешка! «Растяжки» поставил, как надо, – хлопнул по плечу друга Виктор Ракитин. Но тут же нахмурился: – Значит, нас все-таки ищут... Хотя я другого развития событий и не предполагал, «фрицы» ведь – отнюдь не дураки.

Разведгруппа прибавила шаг, руки крепче сжали оружие. Лейтенант Ракитин посмотрел на светящиеся стрелки наручных часов – скоро рассвет. Они были уже в паре кварталов от железнодорожного полотна, а там – заветная лазейка, разбитая бетонная труба ливневого стока, по которому можно уйти к своим. Виктор знал и еще парочку запасных лазеек, если основной путь отхода будет перекрыт.

Но вдруг разведчики услышали треск мотоциклов. Потом ветер донес до них обрывки гортанных отрывистых окриков. Гитлеровцы всполошились. Если сейчас переходить линию фронта, то немцы

догадаются об этом и обрушат на головы советских диверсантов НКВД шквал гаубичных снарядов и минометных мин. Когда речь идет об уничтожении разведгруппы противника, боеприпасов обычно не жалеют – слишком высоки ставки в этой смертельной игре в «кошки-мышки».

Вот тогда и пригодилась рация, которая была в разведгруппе лейтенанта Ракитина. Раньше ее не использовали, чтобы не раскрыть свое местоположение. А вот теперь – в самый раз!

– Забрасывай антенну и выходи кодом. Ситуация номер три!.. Просим поддержки у своих, – приказал лейтенант Ракитин.

– Есть, командир, – коротко ответил радист, берясь за ключ Морзе. Точки-тире полетели к адресату...

* * *

Бойцы НКВД заняли круговую оборону в развалинах и стали ждать. Теперь – кто успеет первым, фельджандармерия с автоматчиками или броневики Ракитина?..

– Командир, «фрицы»!.. – шепотом доложил один из пограничников.

– Не торопись, подпусти поближе... Огонь – только по моей команде.

В ответ защелкали затворы, пограничники выбирали удобные позиции, неторопливо и основательно брали на мушки приближающихся гитлеровцев, решая за них, кому из оккупантов умирать первому. Некоторые выложили рядом гранаты – когда дистанция сократится, можно достойно «встретить» гадов! Тем более что бойцы НКВД занимали господствующее положение в обороне.

Виктор плавно повел стволом автомата за «своим» «фрицем», не торопясь выбирая свободный ход спускового крючка...

Но тут позади разведгруппы НКВД раздался оглушительный отрывистый грохот. Гитлеровцы от попаданий буквально взрывались на глазах у удивленных бойцов Госбезопасности. Но вот секундное удивление прошло, а вместо него пришло понимание и одновременно – улыбки на лицах солдат. Действительно, оглушающий грозный «голос» крупнокалиберного пулемета ДШК ни с чем не спутаешь!

Тяжелые 12,7-миллиметровые пули рвали гитлеровцев на части, при попадании смертоносный кусок свинца массой пятьдесят два грамма проделывал в груди или животе кровавую дыру, очень часто – сквозную. При попадании в голову последняя разлеталась кровавыми ошметками. Ранение в руку или ногу – и конечность попросту вырывало с мясом.

Гитлеровцев скосило, словно колосья под серпом.

Тут же по уцелевшим немцам кинжальным огнем из пистолетов-пулеметов ударили и диверсанты лейтенанта Ракитина. Глухо застучали пулеметы Дегтярева с приборами бесшумной стрельбы. Виктор прицелился в гитлеровца, но увидел, как в груди оккупанта мгновенно образовалась кровавая дыра от 12,7-миллиметровой пули ДШК. Командир разведывательно-диверсионной группы перевел пистолет-пулемет на другого гитлеровца и нажал на спусковой крючок. Протрещала короткая очередь, и оккупант в серой форме упал на битый кирпич, рядом лязгнула металлом его винтовка. «Земля – стекловатой!» – припомнил донецкую поговорку «попаданец» из XXI века. Он сражался с бандеровскими фашистами в 2014 году, а теперь продолжил воевать уже с настоящими – немецкими, в Великой Отечественной войне. И намеревался делать свое ратное дело качественно и надежно – чтобы меньше гадов досталось его потомкам!

Из-за угла полуразбитого здания показалась вытянутая бронированная «морда» немецкого полугусеничного бронетранспортера. Над покатым лобовым листом пулеметчик бил длинными очередями. Но вот немецкий «гроб на колесах и на гусеницах» попал под огонь нашего ДШК. Короткие очереди советского крупнокалиберного пулемета напоминали металлорезку. В сторону отлетело левое переднее колесо и боковой капот – «он не знал, что бронирован». Разогнанные до скорости километра в секунду 52-граммовые пули проломили смотровые люки на лобовой плите броневики и приговорили экипаж к высшей мере – с немедленным исполнением. Немецкий полугусеничный броневик замер безжизненной грудой металла.

Под прикрытием огня крупнокалиберного пулемета ДШК, установленного в кузове бронированного грузовика, диверсионно-разведывательная группа отошла на свою территорию. Отход, точнее сумасшедший бег под пулеметным и минометным огнем гитлеровцев среди развалин и воронок, как ни странно, завершился удачно. Грудь ходила ходуном, легкие жгло огнем, сердце колотилось в ребра – но эвакуация к своим прошла успешно. У лейтенанта Ракитина, правда, почти отнялась и без того травмированная рука, но это всего лишь частности. Хотя в медсанбат его все же отправили. Но вот от дальнейшего перевода в госпиталь Виктор отказался. У него на этот счет были свои причины – вскоре, в середине сентября гитлеровцы должны были начать штурм Сталинграда.

Глава 8

Zum Angriff!

Ранним утром 13 сентября Сталинград вновь содрогнулся от взрывов немецких снарядов и минометных мин. Дымно-огненные фонтаны вздымались среди городской застройки в центре города, калеча и уродуя многоэтажные здания. Удару подвергся весь фронт советских войск от Мамаева кургана до Купоросного. Высоты на окраинах Сталинграда были заняты немецкими корректировщиками, город, практически весь вытянутый дугой вдоль реки, просматривался как на ладони. Гитлеровцы с немецкой четкостью корректировали огонь полевых 150-миллиметровых гаубиц и тяжелых минометов.

Люфтваффе группами до сорока самолетов бомбила районы Сталинграда, накрывая его практически сплошным «ковром» бомб. В небе завязались ожесточенные воздушные бои – краснозвездные «ястребки» отважно бросались на стервятников с черными крестами на крыльях. Завязывались головоломные схватки на виражах и вертикалях, рушились с пылающих небес горящие «Юнкерсы-88» и «Хейнкели-111», уходили в свое последнее пике ненавистные «Лаптежники».

Сосредоточенно били зенитки, небо над городом полосовали крупнокалиберные пулеметы ДШК. Но все же стервятники Вольфрама фон Рихгофена имели подавляющее численное превосходство...

Ровно в 7:00, с немецкой пунктуальностью, враг перешел в наступление на всем протяжении фронта. Отборные 295-я и 71-я пехотные дивизии 6-й Армии Паулюса, усиленные самоходками «Sturmgeschütz-III» из 244-го и 245-го батальонов штурмовых орудий, со стороны разъезда Разгуляевка и Опытной станции вышли к городским окраинам западнее центра Сталинграда – в район высоты 112.5 и Авиагородка.

На рубеже обороны в Дубовой балке, траншеях и блиндажах полевого укрепрайона гитлеровцев встретили воины 42-й Отдельной стрелковой бригады НКВД. Находясь в полуокружении, они отчаянно сопротивлялись еще четверо долгих огненных суток. И только израсходовав практически все боеприпасы, воины Госбезопасности по приказу стали отходить по простреливаемой немцами долине Царицы к берегу Волги.

С юго-запада к Ворошиловскому району Сталинграда южнее реки Царицы подходили части 4-й Танковой армии Гота в составе 24-й и 14-й

танковых, 94-й пехотной и 29-й моторизированной дивизии. Гитлеровцы рассчитывали отрезать советскую 62-ю Армию Чуйкова от 64-й Армии Шумилова на участке: пригород Минина – Купоросный – недостроенный Парк культуры и отдыха на границе Кировского и Ворошиловского районов.

Впоследствии этот участок Сталинградского фронта станет ареной упорных и ожесточенных боев. Армия Шумилова будет то наступать, то откатываться на исходные рубежи, стремясь пробиться на север.

Поначалу перевес был целиком и полностью на стороне гитлеровцев – только против 269-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД было сосредоточено до восьми батальонов пехоты и около полусотни немецких танков. Противопоставить гитлеровцам воины Госбезопасности могли только мужество, исключительную стойкость и выучку.

Но у командования Сталинградским фронтом оставались еще значительные резервы, которыми можно было маневрировать, закрывая бреши в обороне и нанося противнику существенный урон. Одним из таких подразделений оперативного резерва была мотоманевренная группа лейтенанта Ракитина. Сейчас они находились в оперативном подчинении коменданта Сталинграда. Старший майор Госбезопасности Воронов оставил группу лейтенанта Ракитина на самый крайний случай.

Такой случай наступил на следующий день, ближе к обеду.

* * *

За целый день наступления 13 сентября 1942 года гитлеровцам так и не удалось существенно продвинуться вглубь Сталинграда, несмотря на их подавляющее численное преимущество. Раннее утро 14 сентября началось с еще более ожесточенной артподготовки и бомбежки авиацией Люфтваффе.

После этого гитлеровцы снова перешли в атаку. Крупные силы пехоты и танков штурмовали позиции защитников города, но снова натолкнулись на упорное сопротивление советских войск. За ночь командование успело сманеврировать резервами и усилило наиболее опасные направления прорыва.

Нелегко приходилось воинам Госбезопасности. На некоторых участках Сталинградского фронта именно они составили «ядро» обороняющихся сил. Основные подразделения 10-й дивизии НКВД занимали оборону западнее и юго-западнее Сталинграда, прикрыв эти направления от

внезапного прорыва врага в город. Кроме того, в северной части Сталинграда находился сводный батальон. А еще 16 августа 1942 года в состав дивизии вошел 282-й стрелковый полк внутренних войск НКВД из 12-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, который срочно был переброшен из Саратова. Этот свежий полк был направлен в помощь сводному батальону в северную часть Сталинграда.

С левого берега Волги 10-ю дивизию НКВД поддерживало несколько дивизионов Резерва Главного Командования. Могучие орудия по данным корректировщиков наносили мощные и точные артиллерийские удары.

Солдаты мотоманевренной группы напряженно вслушивались в тяжкие раскаты рукотворного грома. Все были в сборе, и все были наготове. В кузова броневиков погружены дополнительные цинки с патронами, ящики с гранатами. Не забыл командир запасы воды и сухпай – кто знает, сколько придется действовать в отрыве от основных сил?.. Пулеметные установки на трофейных грузовиках были расчехлены. Бойцы негромко переговаривались, курили.

– лейтенант Ракитин – к старшему майору Воронину!

– Есть!

– Сегодня в 14:00 два батальона автоматчиков противника с тремя танками вышли в тыл 269-го стрелкового полка 10-й дивизии НКВД и заняли вершину высоты 102,0 – Мамаев курган. Гитлеровцы закрепились на новых позициях, подтянули минометы и открыли огонь по поселку завода «Красный Октябрь». Чтобы вернуть высоту, командование выделило роту автоматчиков 269-го стрелкового полка младшего лейтенанта Любезного и 416-й стрелковый полк 112-й стрелковой дивизии с двумя танками.

– Любезный, ну и фамилия!.. – несмотря на серьезность ситуации, рассмеялся Ракитин.

– Виктор, твоя мотоманевренная группа как раз и придается этому самому лейтенанту. Прикроешь их крупнокалиберным пулеметом, и вообще – огнем и маневром! Задача ясна?

– Так точно.

– Уточни у начштаба тактическую обстановку и обязательно нанеси себе на оперативную карту, чтобы была в планшете.

– Разрешите выполнять?..

– Иди, Витя, и постарайся вернуться живым...

Три броневика мотоманевренной группы лейтенанта Ракитина выдвинулись вслед за двумя танками, приданными 416-му стрелковому полку. «Тридцатьчетверки» и прикрывающие их автоматчики лейтенанта Любезного были ядром атакующих сил. Ракитин следовал чуть позади танков, прикрывая пехоту огнем пулеметов. Его ребята тоже шли за броневиками. Стальные борта закрывали их от вражеских пуль. Сведения в штабе оказались неточными – прорвалось не два, а три батальона гитлеровцев при поддержке роты из пяти танков «Panzerkampfwagen-III».

Виктор Ракитин впервые увидел вблизи настоящий танковый бой наших «тридцатьчетверок» с гитлеровскими «панцерами».

На вооружении самой эффективной – Шестой армии Паулюса были не только проверенные «тройки», но и совершенно новые модели танков – «Panzerkampfwagen-IV», вооруженные длинноствольными 75-миллиметровыми орудиями. Вот они-то и были самыми опасными противниками советских Т-34. Такими же длинноствольными пушками были вооружены и немецкие штурмовые самоходки «Sturmgeschütz-III». Приземистые и незаметные, особенно в хаосе городского боя, они прятались за завалами и атаковали внезапно.

Но все же сейчас перевес оказался на стороне советских танкистов. Виктор бежал вперед вместе со своими ребятами, прячась за «тридцатьчетверкой». Такой способ передвижения был тем еще «экстримом»: мало того, что пули рикошетили от покато́й брони Т-34 и летели во все стороны (на то они и дуры!), так еще и сами бронированные носороги могли легко и непринужденно задавить своих же пехотинцев. Носороги, потому как обзорность у танка – просто никакая. Тем более, опять же – никаких тебе оптических панорамных приборов, как на боевых машинах XX и XXI веков. Только мутные триплексы с весьма незначительным полем обзора да смотровые щели. Как можно было воевать в таких условиях, «попаданец» Ракитин и вовсе не понимал. А оттого его уважение к танкистам, да и ко всем остальным советским солдатам, было просто неизмеримым! Испытав на собственной шкуре все тяготы и лишения самых страшных годов войны – 1941–1942-го, Виктор, в своем «прошлом/будущем» студент-историк, многое для себя понял, осознал и переосмыслил по-новому.

Когда грохнуло орудие «тридцатьчетверки», Виктор рефлекторно упал в ближайшую воронку. Уже в падении, словно в замедленной съемке, он увидел вспышку попадания на броне приземистой немецкой самоходки. В зарослях кустарника ее низкий силуэт не сразу-то и разглядишь!.. А вот наводчик советского танка разглядел – теперь штурмовая самоходка

«Sturmgeschütz-III» дымила, уткнув в землю страшное 75-миллиметровое орудие с длинным стволом и набалдашником дульного тормоза.

Виктор упал – это его и спасло. Ответный выстрел немецкого танка поднял фонтан разрыва рядом с «тридцатьчетверкой». Осколки не причинили вреда «бронированной шкуре», но рикошетом срезали, как серпом, нескольких бойцов, бегущих за танком.

Но тут выстрелила вторая «тридцатьчетверка», и загорелся уже немецкий танк – «средний-легкий» «Panzerkampfwagen-III». Почему его башнер стрелял осколочно-фугасным, а не бронебойным, Виктор так и не понял. Да и черт с ним! А вот посеченных насмерть осколками ребят уже не вернешь...

Виктор думал, что от пережитых встрясок он потеряет сознание, – но нет. Он с потрясающей ясностью фиксировал все моменты боя. Сам стрелял, менял опустевшие магазины в пистолете-пулемете, видел, как падают сраженные насмерть гитлеровцы. Бросал гранаты, падая ничком на сухую, пропахшую порохом землю. Землю своей огромной Родины, обильно политой кровью советских солдат. Сейчас эта кровь очень быстро впитывалась.

Бой был жестоким, но уже к шести часам вечера высота была очищена от гитлеровцев. На склонах догорали немецкие танки. Обе наши «тридцатьчетверки» уцелели – чудом или благодаря боевому опыту или мастерству экипажей, не важно. Оборону на высоте 102,0 – Мамаевом кургане – занимал 416-й полк вместе с подразделениями чекистов.

После жестокого встречного боя с опасным и тренированным противником – лишь минуты покоя. Нужно было снова долбить ссохшуюся до бетонной крепости землю, устраивая траншеи, огневые точки, блиндажи, извилистые ходы сообщения. Чуть поодаль вырыли одну на всех братскую могилу. Дали ружейный салют.

Его зарыли в шар земной, А был он лишь солдат, Всего, друзья, солдат простой, Без званий и наград. Ему как мавзолей земля – На миллион веков, И Млечные Пути пылят Вокруг него с боков. На рыжих скатах тучи спят, Метелицы метут, Грома тяжелые гремят, Ветра разбег берут. Давным-давно окончен бой... Руками всех друзей Положен парень в шар земной, Как будто в мавзолей...

Припомнил еще не написанные строки поэта Сергея Орлова «попаданец» Виктор Ракитин. Орлов напишет эти строки только в 1944 году. Для фронтовика два года – это целая вечность...

Лейтенант Ракитин на Мамаевом кургане не остался. По рации пришел приказ передислоцироваться к зданию железнодорожного вокзала Сталинград-1 на помощь солдатам 1-го батальона 42-го Гвардейского стрелкового полка 13-й Гвардейской стрелковой дивизии.

Оперативная обстановка в Сталинграде менялась буквально по часам, если не по минутам. Гитлеровцам мощной контратакой при поддержке штурмовых орудий удалось выбить из вокзала сильно поредевший заградотряд НКВД. Опытные бойцы сражались как обычная строевая часть и из последних сил удерживали этот важный узел обороны. «Но даже храбрейшие из храбрых не могут сражаться выше своих сил», – гласит древнегреческая пословица. Увы, но это так. Горстка израненных смельчаков, у которых оставались последние патроны, не смогла сдержать натиск превосходящих сил гитлеровцев.

Задачу отбить железнодорожный вокзал выполняли как раз гвардейцы первого батальона. В ночной темноте они обошли захваченные немцами «Дома специалистов». А потом по улицам Халтурина и Банковской пошли прямо в центр города. На широкой улице Островского гвардейцы попали под огонь немецкого пулеметного расчета. Позиция у гитлеровцев находилась около универмага на площади Павших Борцов.

Комбат, старший лейтенант Червяков глухо выматерился сквозь зубы. Тут «гансы» из своей чертовой молотилки всех положат! Полуразрушенное пятиэтажное здание универмага на углу улицы Островского выглядело настоящей крепостью. Кроме пулеметчиков, капитально устроившихся на нижнем этаже, в окнах выше стреляли немецкие пехотинцы. Они держали улицу под непрерывным огнем – головы поднять нельзя было. В призрачном сером сумраке на фоне языков пламени на улице можно было разглядеть тела смельчаков, которые попытались подобраться к немецкому пулемету и забросать «фрицев» гранатами...

Внезапно по немецкой пулеметной точке прошла огненная плеть крупнокалиберных патронов. Гитлеровцев переломанными куклами разбросало рядом с искореженным куском металла, бывшим еще секунду назад смертоносной «пилой Гитлера» – так называли пулемет MG-42.

На улицу Островского, проломив баррикаду массивными бамперами, буквально влетели два угловатых бронированных грузовика. Из кузова одного из них почти в упор по верхним этажам ударили короткие кинжальные очереди крупнокалиберного пулемета ДШК. Из другого броневика ударила «спарка» из двух пулеметов обычного, винтовочного калибра. Получилось неплохо – 12,7-миллиметровые пули крошили кирпичные стены, а за ними плотной «огненной метлой» выметали фашистскую нечисть стрелки из второй машины.

В свете пожарищ было видно, как под прикрытием неведомых броневиков в бой пошли солдаты, прибывшие на этих странных машинах.

– Вперед! За мной! – закричал лейтенант Ракитин, ведя в атаку своих ребят. – За Родину – за Сталина!

Бойцы мотоманевренной группы НКВД понесли серьезные потери в предыдущем бою, на склонах Мамаева кургана, но каждый из них стоил двух, а то и трех обычных солдат!

Они вихрем ворвались в полуразрушенное здание универмага – в ход пошли гранаты, которыми «вычищали» комнаты от гитлеровской нечисти. Компактные пистолеты-пулеметы Судаева идеально подходили для боя в стесненных условиях. А лейтенант Ракитин специально тренировал своих бойцов тактике штурма помещений. Пехоту противника выбили из здания универмага, освободив находящийся в подвале госпиталь 272-го полка НКВД. Виктор сначала не поверил своим глазам – наверху только недавно хозяйничали гитлеровцы, а в подвале были наши раненые и медперсонал! Что ж, на войне и не такое бывает... [\[14\]](#)

Путь к железнодорожному вокзалу Сталинград-1 был открыт.

* * *

Перед началом штурма вокзала состоялся импровизированный военный совет. На лейтенанта Ракитина возлагалась радиосвязь и координация с подошедшими тремя тяжелыми танками «Клим Ворошилов-1» из 133-й танковой бригады.

Было решено атаковать двумя группами: рота автоматчиков и тяжелые КВ-1 «дадут прикурить» гитлеровцам с юга. А со стороны улицы Гоголя при поддержке пулеметного огня двух броневиков ударит мотоманевренная группа лейтенанта Ракитина. После чего в бой вступят оставшиеся две роты первого гвардейского батальона и полностью «зачистят» вокзал от гитлеровцев.

– Сигнал к атаке – выстрел танка. Лейтенант Ракитин по радиосвязи скоординирует.

– Не робей, братья-славяне, все будет в лучшем виде!

И – понеслась! Казалось, совсем рядом грохнул выстрел танковой пушки «Клима Ворошилова». После чего ночь была разорвана в клочья вспышками выстрелов, огненными трассами пулеметных очередей, грохотом взрывов и залиvistым треском пистолетов-пулеметов, в который то и дело вплетались звонкие хлопки выстрелов винтовок.

Виктор Ракитин присоединился к своим ребятам и снова – стрелял, пригибался, падал, врывался в темные комнаты, подсвеченные огненными сполохами. Стрелял, перезаряжал оружие. Швырял гранаты. Видел, как падают скошенные пулями враги. Один раз и ему под ноги прилетела немецкая «колотушка» на длинной ручке. Не задумываясь, Виктор тут же швырнул гранату обратно – в выбитый взрывом проем в стене. Она грохнула внутри под вопли раненых гитлеровцев.

Черные силуэты гитлеровцев на фоне зыбкого пламени казались Виктору сюрреалистичными фигурами чертей в аду. Но осознание этой «лирики» пришло уже после боя – жестокой схватке накоротке, в которой советские солдаты, благодаря мужеству и воинскому мастерству, одержали верх над гитлеровцами.

Здание вокзала Сталинград-1 было полностью «зачищено» от немцев уже к утру 15 сентября. В бою на Привокзальной площади старший лейтенант Червяков был ранен, командование батальоном принял его заместитель, старший лейтенант Федосеев. Раненого комбата отправили на носилках к Волге. А солдаты принялись обустраивать новые позиции.

* * *

Роты, усиленные расчетами противотанковых ружей, заняли оборону в выгоревшей дотла каменной «коробке» железнодорожного вокзала. А также и в зданиях рядом – в трехэтажке завода по изготовлению гвоздей «Красная застава» и так называемом «Доме коммунальщиков».

Лейтенант Ракитин разместил своих бойцов в «гвоздильном заводе», усиливая третью роту гвардии лейтенанта Василия Колеганова. Виктор организовал круговую оборону. Позиции стрелков усиливали пулеметчики и расчеты противотанковых ружей. В развалинах неподалеку были замаскированы оба бронированных грузовика с пулеметами. Это был огневой резерв. Их позиции были выбраны так, чтобы огнем перекрывать

Привокзальную площадь.

Крепкое и основательно сложенное каменное здание гвоздильного завода «Красная застава» находилось в начале улицы Гоголя, перегороженной баррикадой. Оно торцом выходило как раз на Привокзальную площадь.

– Ну, что, братья-славяне, будем вместе оборону держать? – поинтересовался Виктор.

– Придется драться в окружении, а патронов не так уж и много, – хмуро ответил лейтенант Василий Колеганов.

– Окружения не существует! Слыхал? Нас так учили – от солдата и до командира. В Сталинграде только так воевать и нужно – тут что ни дом, то крепость! У нас существует только круговая оборона, – ответил Виктор. Это было абсолютной правдой. В тяжелейших условиях уличных боев одно большое сражение распадалось на отдельные локализованные, но оттого не менее жестокие схватки. – Вон, части Горохова и Болвинова уже, почитай, больше месяца держатся. А ведь их гитлеровцы почти полностью отрезали от основных сил. А патронами я поделюсь. У нас в грузовиках – небольшой склад!

– Ух ты! Вот за это – от души спасибо! – сразу посветлел лицом гвардии лейтенант Колеганов.

– Нужно укрепить и, по возможности, заминировать подступы к заводу. Чтобы фрицы кровью умылись!

– Сделаем. Поставим растяжки, гранатами мы запаслись. Если что, бутылки с зажигательной смесью тоже найдутся.

– О, махнем не глядя на патроны! – улыбнулся лейтенант Ракитин.

Солдаты тем временем обустраивали позиции, установили связь с вышестоящим командованием. Штаб батальона разместился недалеко – в развалинах универмага на площади Павших Борцов, а медики из госпиталя перешли на командный пункт 272-го полка НКВД, в здание пожарной части.

– У нас есть совсем немного времени относительного затишья, «гансы» скоро опомнятся и начнут шмалять из всего, что у них есть, по вокзалу. Он им нужен так же, как и нам, – заметил гвардии лейтенант Колеганов.

– Это точно, – кивнул Виктор.

Обстановка оставалась крайне напряженной. В считанных километрах к западу от центра Сталинграда был слышен грохот боя, немецкая авиация бомбила позиции морской пехоты из 42-й стрелковой бригады на склонах балки Дубовая. В пойме реки Царица была слышна перестрелка, там держали оборону стрелковые части НКВД. А южнее – пехота и бронетехника 24-й танковой дивизии Вермахта уже вышла к железнодорожной станции Садовая. Немецкие войска полукругом охватывали защитников Сталинграда, оттесняя их к берегу Волги.

Также в ночь на 14 сентября части 62-й Армии пытались отбить занятый гитлеровцами Авиагородок, или, как он правильно назывался, комплекс зданий Сталинградского военно-авиационного училища. В этом ночном бою обстоятельства для советских войск сложились крайне неудачно. Были убиты командир атакующего батальона 272-го полка НКВД Дмитрий Ступин и старший политрук Владимир Партугимов. Командиры сводного полка 399-й стрелковой дивизии и шестой танковой бригады труслили и бросили свои подразделения в самый ответственный и напряженный момент ночного боя. Оставшись без управления и координации, обе эти части были разгромлены гитлеровцами. Впоследствии дезертиры, бросившие людей на поле боя, были расстреляны.

Любопытно, что на советских картах комплекс зданий Авиагородка «в целях секретности» не был обозначен. Это и сыграло свою роковую роль в рассогласованности действий советских подразделений во время штурма. А вот на немецких оперативных картах все здания Сталинградского военно-авиационного училища были отлично прорисованы во всех подробностях. Ведь в его строительстве еще до войны участвовали специалисты из Германии...

Сам Командующий 62-й армией Сталинградского фронта генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков вспоминал: *«14-го числа я расстрелял командира и комиссара полка одного, через некоторое время расстрелял двух командиров бригад с комиссарами. Сразу все опешили. Доводим об этом до сведения всех бойцов, а командиров в особенности... Уйди я за Волгу, меня расстреляли бы на той стороне и вправе были это сделать. Обстановка диктовала, так и нужно было делать».*

* * *

Так что важный железнодорожный узел Сталинград-1 советским

войскам удержать нужно было любой ценой! Заняв центральный вокзал и площадь и держа под перекрестным огнем прямую Коммунистическую улицу, советские воины отрезали батальон Гинделянга, занимавший «Дома специалистов» на набережной. Люфтваффе даже пришлось организовать небольшой «воздушный мост» и снабжать окруженный батальон гитлеровцев, сбрасывая грузы с самолетов. При этом несколько немецких «транспортников» было сбито советскими зенитками. Так что враг и тут заплатил немалую цену.

Уже несколько раз защитники центрального вокзала Сталинграда открывали внезапный огонь по немецким частям, которые пытались перегруппироваться и пересекали Коммунистическую улицу. Лейтенант Ракитин, пользуясь радиостанцией на своем бронированном грузовике, передавал координаты немцев на левый берег Волги – гаубичным артполкам Резерва Главного Командования. А ребята-пушкари свое дело знали! Не одну сотню фашистских оккупантов они превратили в обгорелый фарш, не один десяток бронетранспортеров и военных грузовиков сожгли!

Эти победы воодушевили защитников железнодорожного вокзала. Гораздо большее воодушевление у них вызвало приземление на парашютах нескольких грузовых контейнеров прямо на оборонительных позициях. Трофейные боеприпасы передали пулеметчикам – на одном из бронированных грузовиков лейтенанта Ракитина как раз была установлена «спарка» немецких скорострельных пулеметов MG-42. Остальные патроны и гранаты разобрали между собой бойцы. Неизвестно, сколько еще придется удерживать стратегически важные позиции почти в полном отрыве от основных сил...

А еще в ящиках оказались банки со свиной тушенкой и сардинами, галеты, шоколад, чай, кофе и сахар. И даже – шнапс! Ну, куда же без него... Причем бутылки после довольно жесткой посадки остались целыми.

– Хорошее же снабжение у «фрицев»! – сказал старшина Хрящев, запивая добрым глотком шнапса прямо из горлышка кусок свиной тушенки с фасолью.

– Точно! – улыбнувшись, кивнул Виктор, поддевая сардинку в масле ножом и выкладывая ее на манер бутерброда на армейскую галету. Под спиртное такие «бутерброды» шли превосходно. – Эх, оливок не хватает!..

Доев «немецкое угощение», Виктор взял бинокль и автомат и поднялся на наблюдательный пункт. Отсюда, с третьего этажа заводского здания, Привокзальная площадь отлично просматривалась. Виктор повел биноклем, взгляд невольно зацепился за фонтан. Хоровод гипсовых детей производил жуткое впечатление посреди изуродованных зданий центра

Сталинграда. Ракитин, будучи студентом-историком в своем мире Донецка образца 2014 года, конечно же, видел эту печально знаменитую фотографию фотокорреспондента ТАСС Эммануила Евзерихина: «23 августа 1942 года. После массированного налета гитлеровской авиации». Картина танцующих скульптур детей посреди руин Сталинграда облетела первые полосы газет всего мира и стала скорбным символом зверств гитлеровцев.

* * *

– Что-то «фрицы» приумолкли... – с сомнением высказался лейтенант Ракитин.

– А они твоего пулемета ДШК отведали с броневика – и теперь уж умолкли навеки! – рассмеялся гвардии лейтенант Колеганов.

Действительно, широкая улица Коммунистическая была сплошь усеяна трупами гитлеровцев. Тела лежали вповалку, как мусор на городской свалке, а рядом – оторванные руки и ноги, и даже головы. Груда тел в серой униформе с имперскими орлами Вермахта на кителях лежала в лужах подсыхающей крови, распространяя удушливый смрад, смешанный с кислым запахом сгоревшего пороха и взрывчатки. Над чудовищной гекатомбой вились рои серых и зеленых мясных мух – еды им было вволю.

– Ну ничего, сейчас мы «фрицев» расшевелим, – заявил замполит гвардейской роты. Он завозился с радиоаппаратурой, накинул клеммы на аккумулятор и щелкнул тумблером.

Мерные удары метронома, усиленные аппаратурой, разнеслись над пустынной Привокзальной площадью. После седьмого удара прозвучала записанная по-немецки фраза: *«Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат»*. Затем метроном снова отсчитал семь секунд, и сообщение повторялось. Так продолжалось по десять-двадцать раз, а потом над немецкими позициями звучала мелодия танго.

Жестокий финт, но действенный. На этот раз хватило всего четырех повторений, чтобы у гитлеровцев, что называется, «сорвало крышу»! Психологический прием «Таймер – танго» сработал безукоризненно и сейчас. Атака началась со шквального минометного огня. Стреляли шестиствольные «скрипачи» – так прозвали наши солдаты реактивные минометы Вермахта «Nebelwerfer-42». При стрельбе они издавали характерный воющий звук, за что и получили такое название у красноармейцев. Но защитники вокзала своевременно попрытались в

укрытия. А наблюдатели умудрились еще и засечь позиции шестиствольных «скрипачей» и передали находящимся за волгой артиллеристам. Те ответили мощным ударом гаубиц Резерва Главного Командования.

Но остановить «е...нувшихся умом» гитлеровских вояк было не так-то просто. Они выползли, словно тараканы в серой униформе – буквально из всех щелей, развалин, подвалов! И ринулись в самоубийственную атаку.

– Зомби-апокалипсис какой-то, б...дь! – лейтенант Ракитин прицелился из компактного автомата. – Пулеметчики – огонь!

Но все остальные солдаты восприняли только вторую часть фразы «попаданца». Зато исполнили ее быстро и четко. Привокзальную площадь снова залило раскаленным свинцом и кровью.

* * *

Но вскоре в отдалении послышался еле различимый за звуками непрекращающихся городских боев гул. Эта угроза была куда как опаснее.

– Тревога! Воздух! – Виктор кубарем скатился с третьего этажа и приказал радисту: – Вызывай наши броневики, пулеметчикам – отражение воздушного нападения!

– Есть!

Ахнули первые взрывы бомб. Самолеты с паучьими крестами на крыльях вились над железнодорожным вокзалом, как воронье. Сбросив смертоносную ношу, «Юнкерсы-87» проносились над самыми головами защитников Сталинграда, поливая их огнем крыльевых пулеметов. А на выходе из пикирования все на земле расстреливали хвостовые стрелки-радисты.

Виктор вместе со всеми защитниками железнодорожного вокзала судорожно вжимался в горячее каменное крошево, шепча проклятья стервятникам. Он ощущал каждой клеточкой своего тела абсолютную беспомощность перед атаками с воздуха. При каждом взрыве бомбы «попаданец из Донбасса» еще сильнее вжимался в свое ненадежное укрытие, вспоминая, что точно так же спасался от обстрелов и беспощадных бомбардировок украинской авиации в 2014 году. Сейчас на крыльях пикировщиков были черные кресты, а тогда на бортах боевых вертолетов «Крокодил» – сине-желтые трезубцы. Однако суть была одна – стервятники, кем бы они ни были, уничтожали все живое.

Но навстречу заходящим на малой высоте, с бреющего полета,

ненавистным «Юнкерсам-87» развернулись стволы пулеметов. Небо изорвали на сверкающие лоскуты огненные очереди раскаленного свинца. Вот пулеметчик за тяжелым ДШК выбрал упреждение, вынес паутину коллиматорного прицела чуть вперед и вбок. И нажал на гашетку. Крупнокалиберные, 12,7-миллиметровые пули хлестнули по левой плоскости «Лаптежника», одна из нескольких десятков, бронебойно-зажигательная продырявила топливный бак. Стервятник Люфтваффе исчез в огненном вихре взрыва.

Другой бомбардировщик спикировал на здание вокзала, неся под брюхом двести пятьдесят килограммов тротила, заключенного в оболочку из сталистого чугуна. Но поперек его курса спрессованный скоростью воздух рассекли спаренные плети пулеметных очередей. Пилот не смог перетянуть ручку управления, и «Лаптежник» рухнул за полотном железной дороги. Чудовищный взрыв разметал своих же пехотинцев и превратил в горящую грудку металла немецкий грузовик.

Защитники сталинского вокзала вжали головы, прячась от мощной ударной волны.

Потеряв с ходу сбитыми два самолета, стервятники Вольфрама фон Рихтгофена поостереглись бомбить район вокзала. А если и сбрасывали свой смертоносный груз, то только с больших высот и не прицельно. Честно говоря, такая «бомбежка» приносила вреда больше немецкой пехоте, чем советским воинам – защитникам вокзала Сталинград-1.

* * *

А вот немецкая артиллерия «доставала» гораздо больше. Под прикрытием заградительного огня несколько раз гитлеровцы пытались прорваться через площадь к зданию сталинского вокзала. Но всякий раз оккупантов встречал огненный вал защитников – гвардейцев и воинов НКВД. Установленный на бронированном грузовике тяжелый пулемет ДШК теперь бил не по самолетам, а по наступающей пехоте. Крупнокалиберная «коса смерти» выкашивала ряды гитлеровцев чудовищным свинцовым серпом. Мощные 12,7-миллиметровые пули раненых не оставляли.

Когда по широкой Коммунистической улице в очередной раз пошли немецкие штурмовые самоходки и танки, по ним ударили три тяжелых «Клима Ворошилова», которые оставались в засаде в районе вокзала. Советские танкисты имели абсолютное превосходство по огневой мощи и

броню.

Защитники железнодорожного вокзала держались, несмотря на яростные атаки гитлеровцев. Ожесточенные уличные бои за Сталинград научили ценить время. Стоило защитникам города продержаться несколько лишних минут в невыносимых условиях, когда, казалось, напряжение достигло предела человеческих сил, – и это уже решало исход жестокого боя в нашу пользу. Упорным, на грани невозможного сопротивлением и немыслимой стойкостью и смелостью советские солдаты изматывали гитлеровцев. Очень часто даже не минуты, а секунды играли решающую роль!

* * *

Начало смеркаться, обстрелы и яростный натиск гитлеровцев заметно поутих. И лейтенант Ракитин стал собираться на задание. Его бойцы привычно и сноровисто набивали магазины к пистолетам-пулеметам патронами из припасенных в грузовиках цинков. Рассовывали гаранты и ножи. Снайперы вновь достали из кобур длинноствольные револьверы-карабины с глушителями.

– Ты куда собрался, лейтенант? – поинтересовался командир третьей роты гвардейского батальона.

– Наша разведка засекла активность немецкой артиллерии в «Заполотновском» районе. К утру они развернутся и начнут нас долбать, что называется, по полной. Вот я и решил их «пощипать» маленько, – ответил Виктор Ракитин, натирая смешанной с ваксой пылью лицо и руки. Белыми оставались только белки глаз и зубы. Форменный негр!

– Да, мысль дельная. А где они артиллерию-то разворачивают?

– На улице Свирской, как раз в Дзержинском районе.

– Ну, ни пуха тебе, лейтенант!..

– К черту!

* * *

Батарея 105-миллиметровых орудий была развернута с немецкой педантичностью. Расчеты обустраивали позиции в огородах частного сектора, рыли капониры для складов снарядов. В развалинах и уцелевших подвалах домов обустраивали укрытия на случай контрбатарейного

обстрела. Советская артиллерия Резерва Главного Командования с левого берега Волги была мощно и прицельно. Русские «боги войны» заставили себя уважать!..

Внезапно сразу несколько часовых на позициях немецких гаубиц упали замертво. Звуков выстрелов никто не слышал. Потом из темноты материализовались стремительные тени, в руках у них были «Наганы» с глушителями. Но когда поднялась тревога, бойцы НКВД встретили врага плотным сосредоточенным огнем пистолетов-пулеметов Судаева. Советские разведчики действовали стремительно. Пока одна группа под командованием лейтенанта Ракитина завязала ближний огневой бой, вторая команда под началом старшины Хрящева занималась тем, что уродовала немецкие 105-миллиметровые гаубицы. Для этого было не много нужно – в раскрытый затвор орудия вкладывалась немецкая граната-«колотушка», а потом солдат дергал шнурок терочного запала на торце рукоятки. Негромкий хлопок, и самая важная часть гаубицы – замок превращался в кусок искореженного металла. Поменять изуродованные затворы орудий, да еще и в полевых условиях, было практически невозможно. Сложные «цейссовские» прицелы разбивали прикладами автоматов. Так же поступили и с буссолью. Без этих сложных приборов наведения уже и сами орудия оказались бесполезны.

Виктор в очередной раз вскинул пистолет-пулемет Судаева и дал короткую очередь по молодому офицеру. Видимо, это и был командир немецкой гаубичной батареи.

* * *

Действительно, молодой обер-лейтенант Виганд Вюстер командовал этим артиллерийским подразделением. Он выжил и получил отпуск по ранению. Но все же Виганд Вюстер вскоре вернется уже в окруженный советскими войсками город на Волге. В конце января 1943 года обер-лейтенант попадет плен, выживет в советских лагерях для военнопленных. А после войны напишет мемуары «В аду Сталинграда». Ту самую книгу, которую когда-то, спустя более чем полвека – в 2014 году, прочтет молодой студент-историк из Донецка. Тот самый «попаванец» Виктор Ракитин.

Интересно, что бы сказал по поводу такого пространственно-временного парадокса великий Альберт Эйнштейн?..

Глава 9

Затишье перед бурей

– Живой, чертяка! – старший майор Госбезопасности Воронин крепко обнял Виктора Ракитина.

– Вроде бы да... – растерянно ответил Виктор, – лейтенант после почти недели непрерывных боев выглядел как огородное пугало. Гимнастерка изодрана до неузнаваемости, на голове намотаны грязные бинты с потеками засохшей крови – зацепило в рукопашной вскользь... – Товарищ командир, задание выполнено. Центральный железнодорожный вокзал наш. Гитлеровцам на этом направлении пробиться не удалось.

– Молодцы! Какие молодцы! Всех, и живых, и погибших, представим к наградам. А пока – отдыхайте, набирайтесь сил.

Для лейтенанта Ракитина последние несколько суток слились в один кроваво-огненный кошмар. Гитлеровцы атаковали со страшным натиском. Обгоревшая, полуразбитая коробка здания железнодорожного вокзала Сталинград-1 переходила из рук в руки пятнадцать раз! Но все равно осталась за советскими воинами.

Хотя сам Виктор, будучи «попаданцем» и студентом-историком, к тому же помнил в «своей реальности», что немцам все же удалось выбить наши части из разбитого здания вокзала. Но здесь и сейчас защитники Сталинграда выстояли!

Центральный железнодорожный вокзал находился на острие главного удара гитлеровцев. Но вся широкая улица Коммунистическая была завалена трупами в серой униформе «фельдграу». Словно баррикады застыли обгорелые остовы приземистых немецких штурмовых орудий, угловатых танков, вытянутых полугусеничных бронетранспортеров. Три советских бронированных монстра «Клим Ворошилов-1» из 133-й танковой бригады переколотили почти половину танкового полка Вермахта!

А немецкую пехоту покروшили с фланга пулеметы бронированных грузовиков мотоманевренной группы лейтенанта Ракитина. Особенно «постарался» крупнокалиберный ДШК. Услыхав рев этой скорострельной машины смерти, уцелевшие пехотинцы Вермахта в панике бежали – тульское оружие сломало легендарную прусскую стойкость.

Ожесточенные уличные бои, доходящие порой до яростных рукопашных схваток, шли уже буквально по всему Сталинграду. Но уже 15

и 16 сентября советские войска нанесли мощный контрудар. В этом ударе центральный железнодорожный вокзал Сталинград-1 использовался, как своеобразный плацдарм. От него и «гвоздильного завода» атака советских войск смела гитлеровцев в центре города и на набережной Волги. Мамаев курган тоже остался за нами, теперь артиллерийские корректировщики на склонах господствующей высоты смогли точно наводить удары краснорзвездных бомбардировщиков и штурмовиков, мощных гаубиц и реактивных «Катюш» с левого берега великой русской реки.

Но все же Дзержинский, или, как его называли военные, «Заполотновский», район за полотном железной дороги оставался в руках гитлеровцев. К концу сентября активность боевых действий заметно упала, по сравнению с августом и сентябрем, но война все равно тлела на изувеченных улицах полуразрушенного города Сталина.

* * *

Между тем осень прочно вступила в свои права. Дождей здесь было немного, сказывался сухой, резко континентальный климат. Но похолодало довольно резко. Злой колючий ветер тоже не давал покоя.

Бойцы мотоманевренной группы лейтенанта Ракитина не бедствовали. Они устроились в подвале старого и крепкого купеческого особняка, построенного еще когда Сталинград назывался Царицыном. В сам дом попал немецкий снаряд, обрушив и крышу, и стены, а вот довольно просторный и глубокий подвал устоял. Солдаты приладили дверь, сколоченную из снарядных ящиков, внутри снесли кой-какую уцелевшую мебель из окрестных разбитых домов, сколотили из тех же снарядных ящиков и подручных материалов двухъярусные дощатые нары. Фронтвой народ вообще во все времена отличался способностью быстро обустраиваться на новом месте.

Виктор вспомнил о том дне, когда он вместе с оставшимися людьми вырвался из адской огненной круговерти. Тогда старший майор Воронин, его непосредственное начальство, распорядился – все рапорта потом, сначала – баня! Опытный командир, он понимал, что людей надо беречь.

Ее устроили на берегу Волги в таком же подвале разбитого дома. Натоплено здесь было – будь здоров! Какое же это было наслаждение: соскрести с себя грязь и пороховую гарь, попариться, похлестать себя и сослуживцев бережно заготовленными березовыми вениками! Радость солдатская – хоть на миг забыть о жестокой войне...

После бани солдатам выдали новое обмундирование, чистое белье. Комплект одежды дополняли серые и колючие канадские свитера грубой вязки. Уже существенно похолодало, так что помощь союзников пришлось как нельзя кстати.

Распаренные бойцы вернулись к себе в подвал, который они прозвали «Ночлежкой одиноких чекистов». А там и время обеда подошло. Котелок дымящихся щей с мясом, на второе – наваристая гречневая каша с американской «ленд-лизовской» тушенкой, копченое сало, лук, черный хлеб. Кстати, лук и чеснок, как и нарезанный ломтями черный хлеб, повара выдавали без ограничений. Лук и чеснок были естественным средством профилактики от простуды, которая грозила с наступлением холодов. Также каждому полагалось по сто граммов спирта и стакан чая с кусковым сахаром.

Раз в несколько дней всем, без исключения, военным выдавали витаминные таблетки и противный, но необходимый рыбий жир. Нужно было восполнять энергию, которая почти ежедневно тратилась в боях. Этот процесс был поставлен на строгую научную основу. Не зря в Красной Армии был самый высокий процент возвращенных в строй бойцов.

Даже в самый разгар боев советское командование не забывало о снабжении войск. Пакет не урезали, каждый день кормили горячим, вовремя меняли одежду и белье красноармейцам, устраивали банные дни. И это все – в страшной мясорубке Сталинградской битвы! Можно только представить, каких трудов это стоило службе тыла. А служба кашевара так вообще – тяжелее, чем у многих. Еще до зари нужно встать, наколоть дров для полевой кухни, приготовить завтрак на целую роту или батальон, помыть и почистить огромные казаны, а там уже и время к обеду подходит, и снова – дрова и готовка, а потом все убрать-помыть, а потом – еще и ужин приготовить. И всем все по нормам выдать!.. А чуть какая оплошность – военная прокуратура тут как тут: нарушаем-обвешиваем, по штрафной роте соскучились, сукины дети?! Словом, и в службе тыла тоже – не мед.

* * *

В один из дней, когда лейтенант Ракитин занимался с пополнением, объявили общее построение. Вперед перед рядами бойцов НКВД вышла женщина средних лет с петлицами майора медицинской службы.

– Товарищи красноармейцы! Сейчас вы все организованно пройдете на полковой медпункт, где вам будут сделаны прививки. Это нестрашно, если

кто боится уколов – не переживайте. Процедура выглядит, как обычная царапина.

Виктор, стоя в строю, улыбнулся краешком губ. Он прекрасно знал, что многие мужественные бойцы готовы скорее броситься с гранатой под вражеский танк или схлестнуться с эсэсовцами в рукопашной схватке, чем идти на прием к врачу, переносить уколы или того хуже – вырвать больной зуб. Ничего так не пугает закаленного в боях воина, как вид белого халата и сверкающего никеля и хрома медицинских инструментов.

Докторша-майор не обманула, процедура действительно выглядела довольно безобидно. Медсестра в марлевой полумаске и перчатках протерла предплечье Виктора ваткой со спиртом, а потом царапнула по коже медицинской иглой и прикрыла царапину легкой бинтовой повязкой с ватным тампоном.

– Все, можете идти. Ранку не мочить сутки, спиртное не употреблять, а то возможны осложнения. Будет легкое покраснение, но вскоре все пройдет.

Так «царапали» почти что всех солдат, а другим делали укол шприцами. Большинство солдат вопросов не задавало, все были приучены выполнять приказы, тем более, фронтовой народ медработников побаивался. Стерильно-чистые, в белых халатах и марлевых повязках, врачи и медсестры в развалинах Сталинграда казались чуть ли не инопланетянами.

Вопросов никто не задавал, но массовые прививки среди защитников Сталинграда продолжались. По-научному «царапанье» называется скарификация, такой метод как раз позволяет привить огромное количество людей за очень короткий срок. Проще, чем делать каждому укол.

Многие думали, что массовые прививки – от чумы. Сталинград расположен в степи, где водится множество грызунов. А на них блохи – переносчики страшной болезни, выкосившей в Средние века пол-Европы. Очень многие знали о чуме, но практически никто не знал о другой заразной болезни – туляремии.

И совсем уж единицы в Ставке Верховного Главнокомандования знали, что контрудар по флангам немецкой группировки в Сталинграде задерживается почти на три недели из-за микроскопических, не различимых глазом вредоносных бактерий. Именно микроорганизмы застопорили ход самой мощной – советской военной машины! Тысячи танков и самолетов, сотни тысяч солдат и офицеров ждали приказа Верховного Главнокомандующего.

А сам товарищ Сталин ждал рекомендаций от человека в белом халате

– начальника противочумной службы Бориса Михайловича Пастухова.

Туляремия – это инфекция, которая тоже, как и чума, передается человеку от грызунов – крыс, мышей. Причем естественная восприимчивость людей к туляремии очень высока, заболевает минимум две трети тех, кто контактировал с заразой.

Из-за войны в излучинах Волги и Дона урожай ржи, пшеницы и других злаков не убрали, поэтому мыши расплодились просто в невероятных количествах. Как только ударят холода, то вся эта «орава серой мелочи» кинется в тепло: в окопы, блиндажи, дома, в сараи, в стога сена и соломы.

А это значит, что Шестую армию Паулюса ждет эпидемия туляремии. Чем «хороша» для Красной Армии туляремия?

От нее практически невозможно умереть, но у болезни есть два устойчивых симптома – высокая, до сорока градусов, температура и очень большая слабость. Заболевший туляремией солдат Вермахта и винтовку-то не поднимет! Опять же, наложившись на постоянный стресс от боев, общую ослабленность организма, туляремия может и доконать.

К тому же, жители лесов, немцы о степной заразе туляремии не знали почти ничего. Союзники Гитлера – румыны и итальянцы вообще этой проблемой никогда не занимались.

А вот в Советском Союзе в отличие от наших противников туляремией занимались достаточно серьезно, были созданы различные вакцины от этой болезни. Как раз вакцина Эльберта отличалась тем, что прививку можно делать простым «царапаньем». Поэтому с такой процедурой справится любой санинструктор в боевом подразделении, не говоря уже о военфельдшере.

Советские микробиологи дали следующую рекомендацию – надо начать наступление не во второй половине октября, а через две недели после начала холодов. И тогда немцев, румын и итальянцев можно будет собирать по окопам, как мешки с соломой, – настолько они будут ослаблены!

Мудрый товарищ Сталин прислушался к советам передовых советских ученых... Глава СССР помнил эпидемию сыпного тифа, которая разразилась во время Гражданской войны. Даже лозунг тогда был: «Либо социализм победит вошь, либо вошь победит социализм!» А создатели советских вакцин после войны получили Сталинские премии.

А вот мемуары уцелевших после сталинградской мясорубки немецких офицеров очень часто описывали военно-полевые госпитали, забитые больными с высокой температурой и резкой слабостью. Правда, немецкие

медики считали, что это какое-то атипичное течение пневмонии, между прочим – с высокой смертностью. Так что победа ковалась не только в окопах Сталинграда, но и в тиши медицинских научных лабораторий.

* * *

Еще через пару дней, когда царапина на руке уже не беспокоила, отоспавшийся и отъевшийся лейтенант Ракитин стал готовиться к боевому выходу. Для новобранцев в его подразделении это тоже было первым испытанием. После потерь, понесенных на вокзале, в группу Ракитина пришла почти половина нового состава. Народ был тертый, с боевым опытом и наградами. Но даже для них были в новинку и методы боевой работы, и снаряжение, которое в большинстве случаев разрабатывал сам Виктор на основе своего «опыта попаданца». Одни разгрузочные жилеты чего стоили!

Кроме того, уже здесь, в Сталинграде, Виктор умудрился разработать и даже сделать в ремонтно-эвакуационном батальоне за спирт глушители для пистолетов-пулеметов Судаева. Длинные и толстые цилиндры навинчивались на ствол пистолета-пулемета, муфта входила в зазор между дырчатым кожухом ствола и дульным срезом и фиксировалась резьбой непосредственно на самом стволе. В основании глушителя было сделано несколько радиальных рядов отверстий, чтобы уменьшить скорость пуля калибра 7,62 миллиметра до дозвуковой.

Такое конструкторское решение Виктор Ракитин принял на основании своей уникальной «памяти попаданца». Он знал, что есть модификация известного немецкого пистолета-пулемета «Хеклер-Кох» MP-5SD. Это бесшумная модель образца 1974 года с несъемным глушителем. Чтобы уменьшить скорость стандартной пули и не использовать специальные «дозвуковые» боеприпасы, в этом пистолете-пулемете частично перфорирован ствол. За счет этого происходит сброс избытка пороховых газов.

Новый глушитель собственной конструкции обеспечивал неплохую скрытность при стрельбе, хотя лязг движущегося затвора был слышен метров за двадцать. Но все же исчезал характерный громкий хлопок выстрела.

Бойцы диверсионной группы НКВД должны были проникнуть по подземным линиям канализации в один из полуразрушенных многоэтажных домов в занятом гитлеровцами «Заполотновском»

Дзержинском районе и полностью «зачистить» его. Вот такое было «затишье перед бурей»!

* * *

Под сапогами хлюпала вода, холодный ветер норовил забраться под теплый канадский свитер. Виктор осторожно ступал в полутьме разрушенной канализации, вдыхая отнюдь не благовония. Хорошо еще, что сейчас – уже поздняя осень, а не жаркое лето! Иначе без противогазов сюда вообще было бы не сунуться.

Пограничник в передовом дозоре поднял кулак над головой, его напарник сразу же ушел в сторону, присев за большим каменным обломком. Виктор тоже поднял кулак над головой, а потом плавно двинулся вперед, держа пистолет-пулемет наготове. Дальше по сводчатому коридору, примерно в полусотне метрах слышалась резкая немецкая речь.

Лейтенант Ракитин указал на нескольких бойцов и махнул рукой. Вперед выдвинулись стрелки с бесшумными револьверами-карабинами, остальные рассыпались, затаившись в полутьме тоннелей. Виктор выдвинулся с передовой группой, держа оружие наготове. Осторожно выглянул из-за угла. Бойцы НКВД затаились, готовые немедленно и стремительно атаковать.

Мимо протопало четверо «фрицев», подсвечивая себе путь электрическими фонариками. Звуки шагов подкованных стальными подковками сапог еще долго раздавались в сводчатых коридорах.

– Вперед! – шепотом скомандовал лейтенант Ракитин. – Порядок движения тот же.

Вскоре диверсанты уже были под нужным им домом. Двое бойцов поползли на разведку. Вернулись они примерно через четверть часа. За это время остальные пограничники распаковали свои вещмешки и достали обмотанные тряпками, чтоб не разбились, бутылки с зажигательной смесью и гранаты. Наряду с компактными пистолетами-пулеметами ППС-42 это оружие было особенно эффективно при штурме в стесненных условиях «зачистки» в жилых домах. Виктор, правда, посетовал, что не удалось достать хотя бы пару ранцевых огнеметов. Струя пламени по эффективности могла уступить только термобарическим зарядам, но до их изобретения в СССР оставалось еще более полувека.

Разведчики детально рассказали, что им удалось узнать. В двухэтажном здании сейчас квартировало около сотни гитлеровцев. В

подвале за дощатой перегородкой была установлена рация – Виктор нахмурился, это было плохо. Немцы могли вызвать подкрепление. Что скрывалось за еще одной перегородкой, разведчики не разглядели. Но Ракитин весьма здраво предположил, что там спит командир. Какой-нибудь обер-лейтенант или фельдфебель. На первом этаже окна были заложены кирпичами и мешками с песком, за ними установлены пулеметы. На второй этаж пограничники не поднимались, но, вероятно, там тоже были устроены огневые точки или лежки снайперов.

– Атакуем! Первыми начинают стрелки с бесшумными револьверами-карабинами. Несколько человек на подстраховке. Яша, сможешь разобраться с рацией? – обратился лейтенант к связисту диверсионной группы.

– Если это стандартный армейский «Телефункен», то думаю, что смогу.

– Штурм!

* * *

Едва различимая тень в сером маскхалате неслышно скользнула позади зевающего немецкого часового. Два негромких хлопка раздалось из пролома у дальней стены подвала. Часовой бесформенной мешковатой грудой стал оседать, но тут от стены отлепилась тень и подхватила тело, которое уже били предсмертные судороги. Диверсант подхватил винтовку часового, чтобы она ненароком не звякнула о камень.

Двое других пограничников проникли за дощатую перегородку, где стояла рация. За столом была видна склоненная голова в наушниках, надетых на серую пилотку. Выстрел в спину из бесшумного револьвера-карабина, и немецкий радист упал прямо в подставленные крепкие руки. Диверсанты аккуратно уложили мертвеца под стеночку. А его место занял Яша-радист, нахлобучив для маскировки серую немецкую пилотку. И наушники. Крови на радиоаппаратуре не было, тупоконечная пуля из «Нагана» засела в теле немца.

Здесь, в подвале, стояли дощатые нары и сколоченный из снарядных ящичков стол. На нем лежала стопка книг, несколько чистых листов, в гильзе от снаряда – несколько карандашей. На стенах – фашистские агитационные плакаты. В углу исходила жаром печка-«буржуйка», возле нее сложена небольшая поленница дров, а в чурбачок воткнут топор. Остальные солдаты Вермахта спали, укрывшись серыми армейскими одеялами.

Виктор вскинул пистолет-пулемет и дал длинную очередь по спящим гитлеровцам – им уже не суждено было проснуться! Пограничники присоединились к своему командиру и буквально искрошили длинными очередями оккупантов. Кто-то успел проснуться и очумело тянулся к стоящим в пирамиде винтовкам. Но злой свинец настигал и их.

Виктор краем глаза уловил шевеление за второй дощатой перегородкой и, не раздумывая, направил туда ствол пистолета-пулемета. Верный и надежный «Судаев» глухо «закашлялся» парой коротких очередей. Во все стороны полетели щепки, деревянную перегородку прошило навывлет. Ракитин ринулся вперед и осторожно, выставив компактный автомат перед собой, заглянул за ширму. Там на кровати распростерся молодой человек с «Парабеллумом» в закостеневшей ладони. На стуле рядом с кроватью лежала портупея с пустой кобурой, а на спинке висел мундир с погонями обер-лейтенанта.

Самое главное, что скрытые глушителями звуки стрельбы хоть и были достаточно сильно слышны в просторном подвале, но за пределы помещения не вышли. Виктор вновь оказался прав – его уникальный «опыт попаданца» вновь не подвел.

Бойцы НКВД осторожно выбрались из подвала. Возле двух пулеметов перед заложенными мешками и обломками кирпичей окнами дежурило всего три немца – всех их расстреляли, как в тире.

Лишнего шума не возникло, но лейтенант Ракитин понимал – у них на все про все остаются считанные минуты. Лоб покрылся испариной нервного напряжения.

Часовых, маячивших снаружи, решили пока не «убирать», просто стрелки взяли их на прицел.

Виктор и еще пятеро пограничников поднялись по лестнице на второй этаж. Там горел карбидный фонарь на столике прямо возле перил, а на стуле, привалившись спиной к стене, дремал часовой. Лестничная клетка не имела окон, и поэтому свет фонаря не демаскировал немецкие позиции. Выстрел из бесшумного револьвера в упор, и сон врага стал вечным. А винтовка так и осталась стоять, прислоненная к стене.

Из проема двери выглянул немец, его глаза расширились, когда он в свете яркой карбидной лампы увидел страшных русских. Так он и умер со смешанным выражением удивления и ужаса на лице.

Дальше медлить было нельзя.

– Гранатами – огонь! – прокричал лейтенант Ракитин и, подавая пример, швырнул бутылку с «коктейлем Молотова» в дверной проем.

Комната мгновенно озарилась ярким вихрящимся пламенем. И тут же

повсюду разразился ад! Диверсанты НКВД швыряли бутылки с горючей смесью и гранаты, били очередями по мечущимся, обезумевшим от ужаса немцам. Только лишь немногие гитлеровцы пытались оказать организованное сопротивление. Но и они гибли от точных очередей пограничников. Второй этаж уже полыхал полностью. Виктор перезарядил пистолет-пулемет и кубарем скатился по лестнице. Вслед за ним – и четверо его бойцов.

Внизу вовсю «развлекался» старшина Хрящев. Его бойцы забросали бутылками и гранатами гитлеровцев и поливали уцелевших очередями из «Судаевых». Негромкие кашляющие звуки глушителей тонули в жуткой какофонии взрывов, воплей смертельно раненных или заживо сгорающих врагов.

– Эй, Лешка, осторожнее! Нас не постреляй...

– А, это ты, командир!..

Старшина Хрящев обернулся, на его чумазое, искаженное в оскале боевого безумия лицо было страшно смотреть. Виктор практически в упор расстрелял невесть откуда выскочившего гитлеровца и обратился к старшине:

– Как у тебя?..

– Славку в упор располосовали, сволочи!.. Олег ранен, но дотянет... Фельдшер его уже в подвал оттащил.

– Отходим! – Виктор дал несколько длинных очередей по мечущимся, словно черти в аду, силуэтам гитлеровцев. Сменил опустевший магазин и снова открыл огонь.

Пограничники отошли в подвал. Над головой Виктора свистнули пули и отрикошетили от стен. Но это был неприцельный огонь. Все так же организованно диверсанты НКВД отошли к пролomu, ведущему в подземные коммуникации под городом. Радист Яша с сожалением расстрелял немецкую рацию. Утащить ее с собой не представлялось возможным.

– Лешка, поставь «растяжки».

– Сделаю, командир. Мы тут нашли пару ящичков толовых шашек, сровняем дом с землей, чтоб гитлеровским сволочам зимовать негде было. Мы так прошлой зимой под Москвой делали!.. – ответил старшина.

– Действуй, – лейтенант Ракитин обратился к фельдшеру: – Как раненый, дотянет?

– Да, я ему вколол чего надо, только вот придется мне тащить его на себе. Но лямки для переноса у меня есть, дотащу.

– Давай, Николаевич, мы вас прикроем!

Старшина Алексей Хрящев тем временем подготовил для гитлеровцев роскошный «сюрприз». Действительно, один полный и один уже наполовину опустошенный ящик толовых шашек был роскошным подарком. Старшина связал еще несколько найденных «колотушек», а в качестве детонатора привязал по паре «лимонок». От кольца предохранительной чеки каждой из гранат тянулись тонкие и прочные нити, смертоносной паутиной перекрывающие пролом в стене.

– Вот – произведение искусства! – похвастался Хрящев.

– Лешка, да ты просто художник! – по достоинству оценил работу старшины Виктор.

Действительно, старшина был со взрывчаткой на «ты». Он как-то рассказывал, что до войны работал на каком-то военном химзаводе.

* * *

Когда отошли на приличное расстояние, позади грохнул мощный взрыв. Земля под ногами диверсантов НКВД покачнулась, со сводчатого потолка галереи городской канализации посыпалась мелкая щебенка и сухая земля.

– Мой подарочек сработал! – широко улыбнулся перемазанный сажей Лешка Хрящев.

– Молодец, старшина! – хлопнул друга по плечу Виктор. И добавил, понизив голос: – Подтянись! Шире шаг.

За очередным поворотом диверсионная группа НКВД нос к носу столкнулась с патрулем гитлеровцев. Врагов было четверо. В замкнутом пространстве канализационных тоннелей оглушительно загремели выстрелы. Взвизгнули, рикошета от бетонных стен, пули.

Первыми бой приняли двое пограничников передового дозора. На короткой дистанции все решала плотность огня. Коротко вскрикнул раненый чекист, но его противник уже был исполосован очередью раскаленного свинца.

Виктор, не раздумывая, упал на колено, одновременно вскидывая пистолет-пулемет, и выстрелил. Верный «Судаев» не подвел – раздалась серия приглушенных кашляющих звуков, лязгнул, выплевывая стреляные гильзы, затвор. Одного из гитлеровцев откинуло на стену, он сполз по ней, оставляя темный, почти черный след.

Огневой контакт длился считанные секунды. За это время бойцы НКВД буквально искрошили гитлеровцев кинжальным огнем компактных

пистолетов-пулеметов, не дав противнику даже толком изготавиться к стрельбе. Молниеносная скорость реакции и буквально вбитые в подсознание стрелковые рефлексy помогли советским воинам Госбезопасности выжить в скоростной и яростной перестрелке. Виктор припомнил знаменитую пословицу генералиссимуса Александра Суворова: «Тяжело в ученье – легко в бою».

* * *

– Так, на этот раз задача будет такая: не допустить гитлеровцев по подземным коммуникациям в наши тылы, – пояснял лейтенант Ракитин перед выходом на боевое задание. – То есть, прямо противоположное тому, что мы вытворяли двумя днями ранее в занятом гитлеровцами жилым доме в «Заполотновском» районе. Кстати, по донесениям нашей разведки, двухэтажное здание полностью превращено в руины стараниями старшины Хрящева. За что объявляю ему благодарность от себя лично и от лица командования.

– Служу Советскому Союзу, – расплылся в улыбке Алексей Хрящев.

– Теперь о деле, – посерьезнел Ракитин. На стол легла схема подземных коммуникаций. – Перекроем подходы здесь и здесь. Минировать не будем, чтобы на свои же «растяжки» не напороться в темноте. Это место подземной канализации вы знаете неплохо. Здесь пролегает достаточно широкая подземная галерея. А мы займем позиции по обе стороны – здесь и здесь. Особенно предупреждаю, стрелять только в одном направлении, никому вперед не выпираться, чтобы не попасть под собственный огонь. Подствольные фонари не включать, пока бьем гитлеровцев сообща, чтобы не раскрывать себя. Как только бой распадется на отдельные схватки – вот тогда пожалуйста. Проверьте батареи, чтобы они не сели в самый неподходящий момент. Действуем осторожно и четко, как я вас на учениях гонял. Вопросы?

– Вопросов нет, командир.

В этом бою Виктор решил применить еще одно изобретение, продиктованное уникальной «памятью попаданца», – подствольные фонари на компактных пистолетах-пулеметах Судаева.

К сожалению, мировая радиоэлектроника сороковых годов, в принципе, не могла создать компактные, легкие и надежные приборы ночного видения. Хотя первыми тепловизионную аппаратуру еще в Первую мировую войну использовали все же немцы. Это знаковое событие

произошло в ночь с 22 на 23 августа 1914 года, когда немцы в бельгийском Остенде с помощью тепlopеленгаторов обнаружили английские броненосные крейсера и миноносцы адмирала Кристиана. Так началась эпоха боевого ночного видения. В 1921 году на базе сернистого талия был создан принципиально новый фотоэлемент, улавливающий тепловое излучение. А в 1927 году немецкий физик Черни презентовал эвапорограф, прототип современного тепловизора. Самым настоящим прорывом стало появление в 1934 году первого электронно-оптического преобразователя, конструкция которого была предложена голландцем Холстом в лаборатории города Эйндховена. Спустя два года русский эмигрант Зворыкин предложил электронно-оптический преобразователь с электростатической фокусировкой электронов. Это устройство стало первым коммерческим проектом в области ночного видения, который был реализован в компании «Radio Corporation of America». Такую сенсационную новость в марте 1936 года сообщил журнал «Popular Science» в статье «Черный телескоп видит в темноте». Но только в конце 1943 года в танковых частях Вермахта появился первый прибор ночного видения для механиков-водителей танка «Пантера». А на поле боя танк сопровождал бронетранспортер с инфракрасным прожектором диаметром 150 сантиметров, который подсвечивал цели.

В СССР тоже разрабатывались различные системы ночного видения. Например, комплексы «Дудка» и «Шип» с двумя инфракрасными осветителями позволяли скрытно, с выключенными фарами, совершать внезапные ночные марш-броски танковым колоннам. В авиации к концу Великой Отечественной войны использовались бинокли «Гамма-ВЭИ», которые позволяли выполнять «слепые посадки» в темноте. В декабре 1943 года, западнее Смоленска, они прошли войсковые испытания, при этом инфракрасный маяк с самолета был виден на расстоянии до сорока километров. В наших войсках даже были инфракрасные стрелковые прицелы Ц-3 для пистолетов-пулеметов Шпагина! С их помощью можно было прицельно стрелять в темноте на расстоянии до 150 метров.

Но это были совершенно секретные разработки, о которых обычный лейтенант Госбезопасности не мог знать в принципе. Поэтому Виктору Ракитину приходилось использовать то, что было под рукой, – достаточно мощные, хоть и несколько громоздкие американские электрические фонари. С помощью простейшего кронштейна они крепились под стволом и позволяли вести прицельную стрельбу в темноте. Конечно, были проблемы с поставкой достаточного количества аккумуляторных батарей, но все же тактический выигрыш был весьма значительным.

– Если вопросов нет, тогда выдвигаемся! Проверить оружие и снаряжение, дослать патрон в патронник, – ответом лейтенанту Ракитину стал лязг затворов.

* * *

Едва слышный плеск воды и осторожные шаги возвестили приближение немецкой диверсионной группы. Лейтенант Ракитин весь обратился в слух, ладони, держащие пистолет-пулемет Судаева с глушителем, вспотели от нервного напряжения. Рядом затаились его ребята – опытейшие пограничники, воины подразделения НКВД по охране тыла фронта. За камнями прятался расчет пулемета Дегтярева – огневой резерв. Вот в этом и был смысл использования заградительных отрядов НКВД. Чекисты и пограничники не в спины своим же солдатам стреляли а, в первую очередь, – заграждали пути проникновения в тыл гитлеровских диверсантов и шпионов.

Из большой, чуть ниже роста среднего человека бетонной трубы показались согбенные фигуры. Виктор заметил одну из них, отличающуюся странной горбатостью. «Огнеметчик»! – пронеслась мысль.

Лейтенант Ракитин плавно поднял пистолет-пулемет и упер приклад в плечо. Диоптрический целик был выставлен на сто метров, но в тоннелях канализации было темно, поэтому Виктор прицелился по стволу. И нажал на спусковой крючок. Автомат в руках дернулся и «закашлял» короткой очередью. Ракитин целился в огнеметчика, но перед ним вдруг выскочил гитлеровец с пистолетом-пулеметом МР-40, и очередь попала в него.

Сразу же начали стрелять и остальные пограничники, стремясь огненным валом опрокинуть противника, сломить волю к сопротивлению. Но с ходу захватить инициативу в бою не получилось. Гитлеровцы оказались теми еще волками – тертыми и опытными бойцами, они быстро рассредоточились, ведя ответный огонь.

Тесноту подземных тоннелей заполнил оглушительный грохот выстрелов и истошный визг рикошетищих от камней пуль. Бабахнули так, что заложило уши, несколько гранат. Полыхнул огромный факел немецкого огнемета, подсвечивая место яростной схватки. Остальные гитлеровцы воспользовались огненной струей, как целеуказанием, и сосредоточили огонь на советских пограничниках. Вовсю били раскаленным свинцом пистолеты-пулеметы МР-40, в тесноте подземелья они были очень эффективны, сочетая компактность и высокую огневую мощь. Впрочем, так

же, как и советские автоматы ППС-42. Заливались треском в руках гитлеровцев массивные пистолеты «Маузер К-96» модели «712» «Schnellfeuer». Они обладали потрясающей скорострельностью – 850 выстрелов в минуту, буквально заливали раскаленным свинцом все вокруг. Но и у такого оружия были свои существенные недостатки – массивный отъемный магазин на двадцать патронов «вылетал» за считанные секунды! Свободный затвор пистолета ходил ходуном, автоматика оружия работала на пределе, потому и случались осечки, перекосы патрона или задержки при стрельбе. В таком случае прекрасный скорострельный «Маузер» превращался в руках стрелка просто в кусок металла.

Кроме того, на пистолетах-пулеметах Судаева и на «Наганах» воинов НКВД были установлены глушители, они не давали засветки дульного пламени и не слепили глаза стрелкам в полутьме подземных лабиринтов сталинградской канализации. Пограничники расчетливо и метко били по гитлеровцам, не забывая переговариваться, взаимодействуя и прикрывая друг друга в бою.

- Прикрой меня!
- Прикрываю!
- Я – пустой, перезаряжаюсь.
- Справа «фриц», кидай гранату.
- Серега, уйди влево, ты мне сектор перекрыл.
- Ухожу!

После первого огневого натиска бой разбился на несколько индивидуальных схваток. Теперь решающее значение приобрели индивидуальные навыки стрелковой подготовки. А в войсках НКВД она традиционно была на высоте!

Вот теперь и пригодились Виктору приемы стрельбы навскидку, на слух, из неудобных положений. В эти сжатые секунды в раскаленной свинцовой круговерти звериное чутье, обостренная до предела интуиция и намертво вбитые в мозг боевые рефлексy полностью завладели сознанием Ракитина. При этом он не был «живым автоматом», а четко осознавал, что происходит, мгновенно принимал решения и командовал своим подразделением даже в такой стрессовой ситуации.

– По вспышкам бей! – бойцы НКВД были лишены этого демаскирующего фактора. А вот гитлеровцы, напротив, огнем раскрывали свое местоположение.

Вспыхнули подствольные фонари на компактных автоматах пограничников. Электрический свет не был ослепительно ярким, но все же позволял уверенно брать на мушку гитлеровцев, бить точно и наповал.

Виктор полоснул очередью по немецкому пулеметчику – луч света подствольного фонаря четко обрисовал силуэт врага, а глушитель на стволе пистолета-пулемета Судаева не слепил собственным дульным пламенем. Лейтенант кувыркком ушел за кирпичный выступ, над головой засвистели пули, выбили кирпичную крошку рядом.

– Командир, я прикрою! – пограничник с колена дал длинную очередь по гитлеровцам.

Снова полыхнул чудовищный факел пламени из немецкого огнемета. Этих адских машин смерти в гитлеровской диверсионной группе было две, а самих огнеметчиков прикрывали достаточно плотно. Оно и понятно: какими бы закаленными и мужественными ни были советские пограничники, но сгореть заживо никто не хотел.

– Мужики, валите нахрен огнеметчиков! – Виктор перезарядил пистолет-пулемет и открыл огонь по гитлеровцам. Дав пару очередей, он тут же менял позицию. Попасть по мечущемуся лучу фонаря было не так-то просто.

– Сейчас, командир, – стрелок с карабином-револьвером прицелился и сделал два выстрела.

Подствольный фонарь он не использовал, а глушитель надежно скрыл звук выстрела и не выдал местоположения стрелявшего. Поэтому можно было спокойно целиться и вести точный огонь, не боясь быть раскрытым. После трех прицельных выстрелов один из немецких огнеметчиков наконец-то упал. Массированным огнем от него отогнали остальных гитлеровцев.

– Не давайте второму уйти! – крикнул Ракитин.

Бойцы НКВД сосредоточенным огнем «отжимали» уцелевшую кучку «фрицев» вглубь подземных коммуникаций, откуда те и явились. Что самое интересное (Виктор отметил это краем сознания), во время яростной перестрелки во мраке канализационных ходов ни разу не дошло до рукопашной. Уровень стрелковой и тактической подготовки и советских воинов НКВД, и немецких диверсантов армейской разведки был настолько высок, что огневые качества стрелкового оружия использовались чуть ли не на «сто десять процентов»!

Но у немцев, как оказалось, был еще один весомый козырь в рукаве!.. В свете подствольного фонаря лейтенант Ракитин заметил, как один из немцев целится из оружия, напоминающего массивный пистолет с прикладом.

– Ложись! – успел прокричать Виктор, падая на холодные камни.

Над головой грохнул оглушительный в замкнутом пространстве взрыв.

Повернув голову, Ракитин успел увидеть, как ударной волной отбросило в сторону пулеметчика с «Дегтярем» и еще одного пограничника. Новый взрыв мощной не то гранаты, не то ракеты заставил бойцов НКВД залечь и существенно снизить огневой натиск на противника.

– Вперед! Не дайте им уйти! – Виктор вскочил на ноги и ринулся за прикрытие колонны, поддерживающей свод канализационного тоннеля.

Совсем рядом ударили, рикошета во все стороны, пули, но Ракитин, казалось, и не заметил их. До немца со странным пистолетом было чуть меньше полусотни метров, он как раз перезаряжал свое необычное оружие. Лейтенант Госбезопасности на это и рассчитывал, он дал очередь навскидку, но не попал, только подстегнул немца. Тот вскинул массивный пистолет с коротким стволом и плечевым упором и выстрелил. Виктор упал ничком, не выпуская свой пистолет-пулемет из рук.

Снова прогремел оглушительный взрыв, а вслед за ним и протяжный стон. Виктор, тряся гудящей головой, поднялся на ноги. Стрелявшего из массивного пистолета немца взрывом повалило навзничь. Ракитин приблизился к нему, держа оружие наготове. Одного взгляда на залитую кровью голову было достаточно, чтобы определить – враг мертв, его настигли осколки собственного боеприпаса. Рядом валялся тот самый массивный пистолет с коротким стволом и прикладом.

Лейтенант Ракитин, придерживая собственный пистолет-пулемет, поднял неизвестное оружие и при ближайшем рассмотрении узнал его.

Это был так называемый «Kampfpistole» – «Боевой пистолет», созданный на основе ракетницы Вальтера. В тридцатых годах немецкие конструкторы разработали на базе стандартного 26-миллиметрового сигнального пистолета, по сути, гранатометный комплекс. Для ракетницы были разработаны осколочные противопехотные и противотанковые кумулятивные гранаты. Это относительно компактное и мощное оружие применялось в основном в ближнем бою, для навесной стрельбы на дистанцию от семидесяти до двухсот метров. Слева на столе как раз крепился прицел, рассчитанный по дальности на 100 и на 200 метров. К ракетнице полагался съемный металлический плечевой упор, ослаблявший сильную отдачу относительно легкого оружия при стрельбе.

«Кампfpистоль» использовался штурмовыми группами Вермахта в наступлении и обороне для борьбы с пехотой, подавления огневых точек в жилой застройке, для проделывания проходов в заграждениях.

Виктор понял, отчего погиб немецкий стрелок. Стрельба осколочными боеприпасами на дистанции менее полусотни метров категорически запрещалась – из-за большого радиуса поражения граната становилась

опасной для самого стрелка.

Слева на казеннике «Kampfpistole» Виктор разглядел светящуюся букву «Z», он сообразил, что это от немецкого слова «Zug» – «нарез». Такая маркировка использовалась, чтобы отличить боевые пистолеты от сигнальных.

Между тем советским пограничникам из заградительного отряда удалось переломить ход боя, и теперь они теснили оставшихся в живых гитлеровцев. Немецкие диверсанты, отстреливаясь, отступали.

Виктор наклонился к телу немецкого стрелка и вытащил у него из нагрудного патронташа очередную гранату. Переломил ствол «Kampfpistole», вогнал боеприпас и со щелчком зафиксировал в боевом положении.

– Ложись, братва! Стреляю! – Ракитин упер приклад в плечо и наведя, «на глазок», нажал на спусковой крючок.

Результаты превзошли все ожидания. Воины НКВД успели выполнить приказ командира и попадали на землю. А вот гитлеровцы – нет. Граната из «Kampfpistole» взорвалась с оглушительным грохотом, но вот следом бабахнуло так, что самого Виктора опрокинуло навзничь! Собственно, это и спасло ему жизнь. Звук взрыва напоминал хлопок, с каким мог бы лопнуть гигантский воздушный шарик. А ярчайшая вспышка проникла даже под плотно сомкнутые веки. Резко перехватило дыхание, стало не хватать кислорода.

«Твою же мать, нахрен! Чем же немцы снарядили свои гранаты?!» – пронеслось в мгновенно «очугуневшей» голове Ракитина. «Попаданец» из Донецка «образца 2014 года» припомнил рассказы ветеранов-ополченцев о действии термобарического боеприпаса. По их словам получалась почти такая же картина. Только здесь «объемный взрыв» оказался в несколько раз слабее. Так, что же это – гитлеровцы изобрели страшный термобарический боеприпас?!

Но поразмыслив немного, Виктор понял, что ошибся. Вероятнее всего, его выстрел из немецкого «Kampfpistole» подорвал газ метан, который образовывался в канализации от разложения нечистот и поднимался к поверхности. Газовый «пузырь» скапливался, пока не оказался подожжен взрывом гранаты.

– Ни хрена себе, командир! Чем же это ты выстрелил?! – старшина Хрящев раскрыл рот, словно рыба, выброшенная на берег. – Ты ж всех оставшихся «фрицев» положил!..

– Метан это был – газ, который от дерьма скапливается. Вот «гансы» и попали под удар... – пояснил Виктор. В голове шумело, собственный

голос казался глухим и невнятным. Видимо, его все же слегка контузило. – Что там с огнемётчиками?..

– Обоих ухайдакали, товарищ командир!

– Да и черт с ними – сами аппараты в порядке?

– Да вроде один с виду целый...

– Давай его сюда. Собрать все трофейное оружие, б/к, снаряжение.

Старшина Хрящев, доложите о потерях.

– Четверо убито, еще столько же ранено. Фельдшер уже перевязывает.

– Понятно.

Один из бойцов притащил с виду исправный немецкий огнемёт. Это был «Flammenwerfer-35», ранцевый с двумя баллонами. В большом находилась огнесмесь, а в малом баллоне, слева от основного – сжатый азот, с помощью которого и вытеснялась струя пламени. Сопло соединялось с емкостью гибким шлангом-брандспойтом. Немецкий огнемёт имел систему электрического воспламенения, что позволяло регулировать длительность действия факела. Почти двенадцать литров специальной огнесмеси «Flammöl-Nr.19» позволяли сделать около тридцати пяти выстрелов. Продолжительность работы огнемёта при непрерывной подаче горючей смеси составляла 45 секунд. Струя пламени была на расстояние около сорока пяти метров.

Виктор, бывший студент-историк, помнил, что по штату в каждой саперной роте Вермахта имелось по три таких ранцевых огнемёта «Flammenwerfer-35». Для большей эффективности они могли объединяться в огнемётные отделения в составе штурмовых групп. В бою немецких огнемётчиков прикрывали группы стрелков-автоматчиков. Что, собственно, лейтенант Ракитин и наблюдал лично. Оно и понятно – в бою огнемётчик являлся желанной и заметной мишенью и для снайперов, и для обычных стрелков. Многие бы хотели полюбоваться факелом из гитлеровца!

– Отходим! Мы свою задачу выполнили.

– А огнемёты?

– Возьмем с собой – есть у меня на их счет кое-какие мысли...

* * *

«Крысиная война» – «Rattenkrieg» – так прозвали гитлеровцы жестокую войну на улицах Сталинграда и в подземных коммуникациях. В уличных боях и советские, и немецкие подразделения применяли тактику штурмовых групп. По восемь-десять человек просачивались в кварталы

разрушенного города и атаковали каждое занятое противником здание. На первый план выходила мобильность и незаметность, а также огневая мощь каждого бойца. Огневые стычки завязывались на малых и средних дистанциях, поэтому существенно возросла роль пистолетов-пулеметов и гранат. Ручные пулеметы использовались, как средство огневой поддержки. В условиях штурма отдельных укрепленных зданий, подвалов, подземных ходов городских коммуникаций проявили себя и огнеметы, именно поэтому и сетовал лейтенант Ракитин из-за отсутствия в их подразделениях этого поистине ужасного, но исключительно эффективного оружия.

Каждую ночь советские диверсионные и штурмовые группы прорывались в занятые гитлеровцами районы Сталинграда, не давая оккупантам отдыха, забрасывали бутылками с зажигательной смесью, гранатами дома и подвалы, занятые немецкой пехотой, минировали тропы, подрывали коммуникации. По туннелям городской канализации штурмовые группы проникали далеко в тыл немецко-фашистских войск. Солдаты Вермахта постоянно испытывали страх от вылазок советских диверсионно-штурмовых отрядов. «Rattenkrieg» – «крысиная война», отличалась исключительной жестокостью и непредсказуемостью. Многие из гитлеровцев в свой смертный час в Сталинграде вспоминали слова кайзера Вильгельма: «Бойтесь русских – на любую тактическую хитрость они ответят своей непредсказуемостью!»

Глава 10

Речной патруль

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава, Кому темная вода, – Ни примет, ни следа...
[\[15\]](#)

Ни снега, ни льда в середине октября на Волге в районе Сталинграда еще не было, но все к этому шло. Переправы были жизненно важны для обороны города. Нескончаемым потоком шли через Волгу понтоны, баржи, пароходы, лодки, плоты – словом, все, что могло держаться на воде и держать живые души и холодный, до поры до времени, металл боевой техники.

А обратно те же баржи вывозили раненых и убитых – тысячами, десятками тысяч, но это была та высокая цена пока еще не свершившейся Победы, которую нельзя забывать и через века.

Жизненно важные переправы прикрывали от налетов немецкой авиации бронекатера Волжской флотилии. Некоторые из этих суденышек, оснащенные реактивными пусковыми установками «Катюша», прикрывали наши войска – «давали прикурить» гитлеровцам!

«Речные танки» – так называли эти небольшие, но отчаянно смелые кораблики. У бронекатера малая осадка и плоское днище, он может пройти даже по малым рекам, ему не страшны отмели. Достаточно мощное вооружение из танковых башен от «тридцатьчетверок» и крупнокалиберных пулеметов ДШК позволяли бронекатерам речной флотилии и самостоятельно вести бой даже с танками противника.

Но основным врагом «речных танков» оставались все же вражеские самолеты. Стервятники Вольфрама фон Рихтгофена вели непрерывную охоту за волжскими пароходами, баржами, катерами, буксирами – любыми плавсредствами. Они атаковали причалы, переправы, скопления людей и техники. Советские зенитчики сражались с запредельным мужеством, небо над Волгой буквально кипело от трассирующих очередей и разрывов снарядов зенитных орудий. В воздухе то и дело завязывались яростные и скоротечные воздушные бои между «Мессерами», «Юнкерсами» и краснозвездными «ястребками».

Но с некоторых пор налеты стервятников Люфтваффе стали весьма

результативными. Не проходило и дня, чтобы немецкие бомбардировщики не утопили бы или сильно не повредили бы какую-нибудь баржу с важным стратегическим грузом или пароход с пополнением или с ранеными на борту. Самолеты с черными крестами на крыльях действовали расчетливо и дерзко, появлялись именно над советскими судами, стремительно атаковали их и тут же уходили, избегая встреч с краснозвездными истребителями, которые защищали переправы с воздуха. Также фашистские стервятники обходили зоны стационарных средств противовоздушной обороны.

Дело в том, что волжские переправы кроме береговых зенитных батарей и позиций крупнокалиберных пулеметов прикрывали еще и две зенитные плавбатарей. Они были тщательно замаскированы и время от времени скрытно меняли свое место дислокации. А это уже наводило на некоторые весьма тревожные размышления...

* * *

Виктор Ракитин привычно разобрал свой пистолет-пулемет, ППС-42 отличался потрясающей простотой и технологичностью. Оружие разбиралось на две части, извлекался затвор, направляющий стержень и возвратно-боевая пружина. Отдельно разбирался ударно-спусковой механизм. Вот и все. Этот неприхотливый автомат был еще проще, чем знаменитый ППШ-41.

Чистка и смазка пистолета-пулемета Судаева никаких вопросов не вызывала – все предельно просто и понятно. А вот с глушителем звука выстрела приходилось повозиться! Вычистить от порохового нагара толстую стальную трубку с несколькими кольцевыми мембранами было совсем непросто. Ведь именно здесь и оседала основная часть порохового нагара.

В свободное от боевых заданий время бойцы мотоманевренной группы НКВД лейтенанта Ракитина занималась обычными солдатскими делами, главным из которых был тщательный уход за оружием.

Несколько бойцов спали на двухъярусных нарах. Старшина Хрящев, сидя за столом, при свете керосиновой лампы «Летучая мышь» писал письмо родным в эвакуацию. Кто-то из пограничников вполголоса, чтобы не мешать остальным, читал выпуск фронтовой многотиражки с поэмой «Книга про бойца» – о неунывающем Василии Теркине.

Фронтовой корреспондент и поэт Александр Твардовский и сам

хлебнул фронтовой жизни. Прорывался из окружения под Ржевом в январе 1942 года, многое повидал лично. В отличие от веселой поэмы о неунывающем Василии Теркине, его поэтические строки «Я убит подо Ржевом...» потрясали глубиной душевных переживаний. За это и любили фронтовики Твардовского – за то, что знал он солдата, его простые, но вечные как мир желания и устремления.

– Нет, ребята, я не гордый. Не загадывая вдаль, Так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху. Вот закончили б войну, Вот бы в отпуск я приехал На родную сторону.

Буду ль жив еще? – Едва ли. Тут воюй, а не гадай. Но скажу насчет медали: Мне ее тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин. И понять вы все должны: Дело самое простое – Человек пришел с войны...

В каждом слове фронтового поэта буквально сквозила солдатская правда. Прийти с войны хотели все – к оставленным в эвакуации, а то и в фашистской оккупации, семьям. Освободить родных и близких от страшной гитлеровской кабалы.

Два пограничника играли в шахматы, двигая плексигласовые фигурки. Судя по обилию битых пешек, коней и офицеров рядом с клетчатым «полем боя», партия близилась к финалу.

– Шах и мат! – провозгласил один из бойцов, занося над «вражеским» королем плексигласового ферзя.

Подобные безделушки из латуни, плексигласа, бакелита и прочего расходного материала во множестве делали техники и сами танкисты в редкие минуты затишья на фронте. Кроме шахмат пользовались популярностью портсигары из дюраля со сбитых немецких самолетов, неизменно – с гравировкой и инкрустациями. Финки с наборными рукоятками, зажигалки из стреляных гильз.

– Так, дневальный, сбегай-ка на кухню, принеси обед, – распорядился лейтенант Ракитин. – И чая обязательно.

– Сейчас сделаем, товарищ командир, – дневальный Илья Михайлов встал с табурета, поправил ремень автомата и расправил широкие плечи.

– Ваня и Семен – сходите с Ильей, помогите ему донести провиант.

Солдаты, те самые, что играли в шахматы, убрали фигуры в деревянную коробку, служившую доской. Поправили одежду и, набросив шинели, все втроем вышли из подвала. Сколоченная из снарядных ящиков дверь раскрылась, впуская осенний холод, здесь, в приволжской степи, уже к середине октября были серьезные заморозки.

Вернулись пограничники минут через сорок, принесли несколько дымящихся котелков со щами и кашей, ну и с горячим и сладким чаем. Отдельно высыпали на застеленный газетой стол головки лука и чеснока. Увидев съестное и ощутив заманчивые запахи, заворочались и проснулись остальные. Кто-то уже полез в свой вещмешок, доставая продукты в «общий котел». На столе появилось несколько кусков копченого сала и черный хлеб. В чистой тряпице искрился белый кусковой сахар. Лейтенант Ракитин вынул из планшета пару плиток шоколада – царское угощение!

Фельдшер мотоманевренной группы побряхтел, но все же достал заветную фляжку. Разлил каждому по чуть-чуть «наркомовских».

– Ну, давайте, мужики, – за Победу! – произнес лейтенант Ракитин традиционный тост.

Звякнули кружки, все выпили и закусили. Некоторое время ели молча, только хрустел лук и чеснок на крепких зубах да позвякивали ложки. Наваристые щи и пшенная каша с тушенкой, приправленная лавровым листом, всем пришлись по вкусу. Солдатская еда – простая, но сытная и вкусная. На фронте немного радости, и вволю поесть – одна из немногих.

После обильной еды всех разморило, но поспать так и не удалось. В дверь постучали – посыльный из штаба.

– Лейтенанта Ракитина – срочно к командиру!

– Сейчас буду, – Виктор привел себя в порядок, взял автомат и планшет и отправился в штаб.

Отсутствовал он долго, часа два, а когда вернулся – объявил боевую тревогу по подразделению.

– Командование Волжской военной флотилии привлекает нас к спецзаданию. Нужно вместе с катерниками прочесать малые островки на Волге. Командование предполагает, что некая диверсионная группа немцев специально наводит самолеты Люфтваффе на наши корабли. Нужно это проверить. Вместе с двумя группами на бронекатерах выдвигается наш бронеавтомобиль БА-20, он понадобится, чтобы поддерживать радиосвязь. Времени на сборы – пятнадцать минут.

– Есть, командир! Но водичка больно прохладная, купаться как-то не тянет, – пошутил один из пограничников.

– А нечего было на Мамаевом кургане да на Центральном вокзале «загорать»? Вот и пропустили «пляжный сезон»? – в тон ему ответил лейтенант Ракитин и тут же посерьезнел: – Так, мужики, внимание, работаем двумя досмотровыми группами. С одной пойду я, с другой – старшина Хрящев. Со мной также пойдет и огнеметчик.

С захваченным в бою в канализационных тоннелях огнеметом вышла целая история. Вообще-то взяли таких трофеев два, но один из «Flammenwerfer-35» оказался неисправным. Вот его-то и сдали с остальным (правда, не всем) трофейным имуществом. Непосредственный начальник, старший майор Воронов, зная неутомимую и «хозяйственную» натуру лейтенанта Ракитина, догадывался, что он сдал не все находки на поле боя, как того требовали правила. Однако во фронтовой обстановке бойцы часто используют захваченное у врага оружие, были даже сформированы целые подразделения из трофейных немецких танков! Чего же говорить о стрелковом оружии. Но вот огнемет – случай особый, подобного рода уникальное вооружение не состояло в штате обычных пехотных частей. Огнеметами вооружались или химические роты, или же особые штурмовые группы. Виктор сдал трофейной команде поврежденный, неработающий «Фламмельверфер», а действующий образец оставил себе. С молчаливого согласия его «не заметили». Лейтенант Ракитин давно просил о таком мощном оружии, но выделить его спецгруппе НКВД командование и служба тыла не могли. А тут – кстати подвернувшийся трофей...

Правда, потом пришлось поэкспериментировать с огневой смесью, ведь стандартное топливо – «Flammöl-Nr.19» закончилось. Пришлось также повозиться, чтобы достать баллон с азотом для заправки малой вытеснительной емкости немецкого огнемета. Азот нашли в ремонтном батальоне, с «рембатовцами» договорились и о заправке огнемета. Правда, в ходе не совсем удачного «эксперимента» с огнесмесью один из пограничников получил ожоги. Нетяжелые, но пришлось обращаться в медсанбат. Тут уж самоуправство лейтенанта Ракитина пришлось прикрывать старшему майору Воронину.

– Смотри, лейтенант, не борзей! Огнемет пусть остается у тебя в подразделении, но смотри мне, чтобы я не разочаровался в этом нелицеприятном поступке!..

– Виноват, товарищ старший майор! Доверие – оправдаю!

– Кру-угом! И чтобы глаза мои тебя не видели!

Теперь как раз пришло время оправдать высокое доверие командира.

Виктор с бойцами маневренной группы прибыл на пристань – в расположение дивизиона бронекатеров.

Сами «катерники» были больше похожи на танкистов, чем на моряков, в их классическом понимании. Одеты они были в куртки-канадки и в теплые черные комбинезоны. На головах вместо бескозырок – танковые шлемы с переговорными устройствами. Единственное отличие, команды катеров носили тельняшки и тяжелые ботинки, называемые «гадами», вместо «сухопутных» сапог.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант. Лейтенант Маркин Дмитрий Григорьевич, добро пожаловать на борт, – крепко пожал руку и представился командир бронекатера. – Вторая группа пойдет на такой же «посудине». Вы, товарищ лейтенант, пока размещайтесь вместе с бойцами.

– Большое спасибо, можно – просто по имени?

– А отчего же нет!

– Виктор, – кивнул командир маневренной группы НКВД.

Катер «БК-13» относился к классу малых речных бронекатеров проекта «1125». Он был построен на заводе в Зеленодольске, на том самом судостроительном предприятии, которое в России XXI века строит серию малых ракетных кораблей проекта «Буян-М» с крылатыми ракетами «Калибр». Именно эти миниатюрные кораблики удивили весь мир, атаковав террористов ИГИЛ в Сирии крылатыми ракетами «Калибр-НК» за 2500 километров – из акватории Каспийского моря. Вот так традиции надежности и потрясающей ударной мощи волжских корабелов прошли достойное испытание более чем полувековой историей!

Малый бронекатер имел полное водоизмещение около тридцати тонн. На носу небольшого, но грозного кораблика была установлена башня от «тридцатьчетверки» с 76-миллиметровой пушкой и спаренным пулеметом. На корме в открытой барбетной установке размещены два крупнокалиберных зенитных пулемета ДШК – основное средство защиты от немецких самолетов. Также на кормовой палубе были установлены рельсы и обухи для крепления четырех мин. Но минировать пока было нечего.

– По местам, отдать швартовы! Малый вперед, – за кормой бронекатера взбурлила темная осенняя волжская вода.

Вскоре пара бензиновых двигателей вынесла бронекатер «БК-13» на середину протоки. По ней добрались до основного русла реки. Здесь бронекатер развил полный ход – восемнадцать узлов.

Судоходство по Волге в районе Сталинграда имеет свои особенности,

вести навигацию здесь непросто – река изобилует отмелями и перекатами. Напротив Тракторозаводского района Сталинграда располагаются острова Спорный и Денежный. Ниже по течению находятся острова Голодный и Сарпинский. А кроме них хватает еще много различных островков. До войны их облюбовали рыбаки в сезон, а сейчас на этих совсем уж небольших клочках суши не осталось ни души.

Или – нет?.. Это и предстояло выяснить подразделению НКВД по охране тыла под командованием лейтенанта Ракитина.

Виктор, поднявшийся на низкий и тесный ходовой мостик, глянул направо. В нескольких от них метрах на полной скорости шел такой же бронекатер. С берега, со стороны Сталинграда, ударила очередь скорострельной пушки – курс бронекатера пересекла цепочка вспенившихся фонтанов. Устроившиеся между надстройкой и кормовой пулеметной башней пограничники невольно пригнулись. В воздухе раздался знакомый противный свист минометных мин. По обеим бортам бронекатера встали водяные фонтаны взрывов. Свистнули осколки, лязгнули о броню надстройки.

– Вот сволочи! Пристрелялись... – лейтенант Маркин выругался и плотнее прижал колодку ларингофонов танкового шлема к горлу. – Машинное отделение – больше гари, держать максимальные обороты!

– Машинное – обороты держим на максимуме, правый мотор греется.

– Семеныч, я тебя под килем проволоку, как пирата! Почему не починил правый движок?!! Держать максимальные обороты!!!

– Да держим, держим. А у нас кия-то нету, «посудина» плоскодонная...

– Поговори мне... Башня?

– Есть башня.

– По азимуту 270, удаление полторы тысячи, угол возвышения – десять. Беглым огонь!

– Есть огонь!

Носовая башня-«гайка» от «тридцатьчетверки» развернулась по левому борту и долбанула из пушки несколькими выстрелами подряд. Далеко на берегу гроыхнули глухие взрывы 76-миллиметровых снарядов. На корме залились дробным грохотом крупнокалиберные пулеметы ДШК. Два ствола щедро залили позиции, с которых стреляли по бронекатеру раскаленным свинцом.

Идущий в строю пеленга второй «речной танк» тоже открыл огонь по гитлеровцам на берегу. Башенная пушка успела выпустить четыре снаряда, разрывы от которых фонтанами поднялись среди разрушенных домов в

Сталинграде.

На большой скорости оба бронекатера проскочили опасную, простреливаемую зону. Виктор стряхнул брызги с шинели и поглядел на капитан-лейтенанта. Тот все так же спокойно и уверенно переключал штурвал. Холодный ветер трепал Военно-морской флаг на мачте бронекатера. От острого форштевня уходили белопенные «усы», а за кормой пенился мощный бурун.

– Есть соображения, где могут квартировать «незванные гости»?.. – перекидывая шум ветра и рев моторов катера, спросил Виктор.

– А мы сейчас узнаем! Нас засекли с берега и обстреляли. А сейчас должны появиться самолеты. «Фрицы» всегда так делают – немецкая пунктуальность и тяга к порядку. А два бронекатера для них – хорошая, хоть и опасная цель!

– На живца, значит?!

– А как же?! На меньшее гитлеровцы не клюнут – они не дураки...

* * *

Действительно, вскоре послышалось знакомое и ненавистное каждому советскому солдату жужжание. С запада на фоне серых облаков были еле различимы три черных точки.

– «Юнкерсы»! Воздух, зенитные пулеметы – к бою!

Два небольших кораблика зло огрызнулись светящимися плетями крупнокалиберных трассеров. Тяжелые пулеметы ДШК снова залились знакомым дробным грохотом, затворы молотили, выплевывая дымящиеся гильзы. Пулеметчики ловили ненавистные силуэты с характерным обратным изломом крыльев в паутину концентрических кругов зенитных прицелов.

Но «Лаптежники» выполнили противозенитный маневр и по очереди обрушились в пике на советские бронекатера.

От истошного воя и рева двигателей заложило уши. С оглушительным грохотом разорвались бомбы, подняв огромные столбы воды и пены. Брызги вместе с осколками наотмашь хлестнули по бронированной рубке и по корпусу бронекатера, корабль едва не ушел под воду от огромной волны. Острая носовая часть практически целиком скрылась под водой, но тут же появилась вновь на поверхности.

Но капитан «речного танка» сманеврировал, резко переложив штурвал. Небольшой, но верткий кораблик резко развернулся почти на полной

скорости.

Виктор судорожно схватился за поручень, опасаясь вылететь за борт при очередном крутом маневре бронекатера.

«Юнкерсы» перешли в набор высоты, а им вслед все так же заливались огнем и раскаленным свинцом крупнокалиберные зенитные пулеметы. Но и кормовые стрелки немецких пикировщиков на выходе из атаки крепко приложили по бронекатерам из турельных пулеметных установок.

Очереди пуль винтовочного калибра рикошетами рассыпались по броневой надстройке катера. Хлестнули по кормовой открытой башне. Коротко вскрикнул стрелок за пулеметом ДШК.

– Валерка ранен!

– Сбавить ход, средний вперед! – приказал капитан бронекатера.

Лейтенант Ракитин и не помнил, как слетел по трапу на палубу и рванулся к кормовой открытой башне с пулеметом. Фельдшер из его группы уже оказывал помощь раненому, его ребята вытащили на палубу.

– Вниз его, в кубрик!

Виктор встал за пулемет, в относительно тонкой броне открытой барбетной установки зияли пулевые пробоины, виднелись пятна еще свежей крови. Лейтенант-«попаданец» передернул затвор мощного пулемета. С лязгом новый патрон из ленты дослался в ствол.

Ракитин развернул ствол ДШК навстречу снова заходящим на цель «Юнкерсам» с паучьими крестами на крыльях с характерным обратным изломом.

* * *

В который раз «попаданец» из Донецка XXI века вспомнил грозовой май 2014 года и кружащие над донецким аэропортом боевые вертолеты Ми-24 «Крокодил» с сине-желтыми кругами и трезубцами на бортах и дымно-огненные стрелы неуправляемых ракет, бьющих по родному городу!..

Международный аэропорт «Донецк» имени Сергея Прокофьева после реконструкции стал настоящей жемчужиной Донбасса, он мог принимать все существующие типы воздушных судов. На реконструкцию было затрачено около 900 миллионов долларов. Новая взлетная полоса длиной в четыре километра, а диспетчерская башня высотой 52 метра гордо возвышалась над Донецком. На территории Украины было всего две такие воздушные гавани: в Донецке и в Борисполе.

Но в мае 2014 года украинские боевые вертолеты и истребители разрушили мечты жителей шахтерской столицы, открыв огонь ракетами и автоматическими пушками по донецкому аэропорту.

Виктор хорошо помнил тот день, когда украинская авиация ударила ракетами по аэропорту. Он стоял на возвышенности и смотрел, как украинские летчики атакуют воздушную гавань Донецка, – происходящее просто не укладывалось в голове! В понимании дончанина Виктора Ракитина для военного летчика главное – честь. И он вполне может отказаться выполнять преступный приказ – атаковать собственных граждан.

Ведь тут же есть одна исключительно важная особенность: пилот боевого вертолета или самолета все же находится в относительной безопасности, он защищен броней. Да и ракеты с бомбами не сравнить по мощи с другим оружием. Фактически это – воздушный терроризм по отношению к собственным гражданам!

* * *

Тогда, в мае 2014 года, Виктор Ракитин ничего не мог поделать, у него были совершенно иные боевые задачи. Сейчас, в октябре 1942 года, лейтенант Ракитин ловил в концентрические кольца прицела воющий немецкий пикировщик, но вместо крестов на крыльях виделись ему сине-желтые трезубцы. Фашизм – везде одинаков, и не важно – гитлеровский он или бандеровский!

Чтобы не возник «жовто-блакитный» фашизм, нужно на корню уничтожить его первопричину – гитлеровский национал-социализм!

Виктор повел стволом пулемета, выбирая упреждение по стремительно движущейся цели. В повторной атаке «Юнкерс-87» шел совсем низко над водой, «на бреющем». Наверное, очередной стервятник Люфтваффе уверовал в собственную неуязвимость! Ну, это он зря – длинной, что называется – «от души» очередью лейтенант Ракитин перечеркнул курс немецкого бомбардировщика, а заодно и жизни его экипажа!

Мгновенно вспыхнувший «Юнкерс» с ревом пронесся над бронекатером и врезался в стылые волны великой русской реки. Прогремел еще один оглушительный взрыв.

Два остальных немецких бомбардировщика резко ушли в сторону, не желая испытывать судьбу в яростной, не на жизнь, а на смерть, схватке с

русским бронекатером.

Виктор порывистым движением отер пот со лба, его колотило от бушующего в крови адреналина. Оба бронекатера отошли ближе к левому берегу Волги, под защиту зенитных батарей.

* * *

– Здорово, лейтенант, ты этого стервятника срезал! – капитан бронекатера крепко пожал руку Виктору.

– Слушай, у тебя спирта нету? Мне бы глоток, а то всего колотит.

– Для героя – найдется... – рассмеялся лейтенант Маркин.

Сделав пару добрых глотков «огненной воды», Виктор окончательно пришел в себя.

– Тут наш радист принял сообщение, как раз через твой «радийный» броневи́к. Ну, тот, который вы для связи на берегу оставили.

– И что там?..

– Не поверишь, пеленгаторная служба засекла радиопередачу кодом с одного из островов неподалеку. Сейчас пойдем туда.

– Группа, к бою! Приготовиться к высадке на берег, – тут же «ожил» лейтенант Ракитин. – Ну, давай, капитан-лейтенант, жми на всю катушку!

– Э нет, погоди... – осадил чекиста флотский офицер. – Сейчас мы замаскируем бронекатера и тихим ходом, на мягких лапах, причалим к нужному островку. А там возьмете гадов тепленькими!..

* * *

Теперь оба бронекатера походили не на стремительные боевые корабли, а скорее – на бесформенные кучи речного мусора с обломками веток, травы и пожухлых листьев. Они очень медленно, тихим ходом шли вдоль левого берега Волги. Но вот капитан повернул к небольшому островку, поросшему низкорослыми, перекрученными злыми степными ветрами деревцами, высоким колючим кустарником и уже высохшей травой.

С другой стороны остров обходил второй бронекатер.

– Радист докладывает, они здесь. Служба пеленгации сообщает, что выход в эфир неизвестным кодом был отсюда менее часа назад, – сказал капитан бронекатера.

- Понял тебя, Игорь. Группа, приготовиться к десантированию!
- Ну, ни пуха тебе, чекист...
- К черту...

Бойцы НКВД спрыгивали с борта бронекатера и по колено в ледяной воде шли к берегу, высоко подняв оружие. Кто-то не выдержал и вполголоса витиевато выругался.

– Все же пришлось немного искупаться!..

– Тише там! Разговорчики на боевых!.. – рявкнул лейтенант Ракитин. – Прочесываем островок цепью. Осторожно, смотрим под ноги.

Виктор посетовал, что нет у них даже самого простенького тепловизора. Сейчас для его использования условия были бы – самые идеальные! На улице холодина, не больше плюс десяти, и любой источник тепла засечь можно было бы очень четко.

Но чего нет – того нет. Приходилось вот так – цепью, осторожно идти сквозь высокую траву и продираться сквозь колючий кустарник.

– Стоп! – Виктор дернул за плечо ближайшего к себе бойца, который уже поднял ногу для следующего шага. – Назад.

– Есть.

Привычка четко выполнять приказы спасла пограничнику жизнь. Едва заметная нить тянулась к низкорослому деревцу. Другой ее конец терялся в кустарнике. Пограничники рассредоточились, держа оружие наготове. Один из них осторожно обследовал окрестности.

– Растяжка. Тут все заминировано – не пройти, – подтвердил догадку командира пограничник.

– Рацию – быстро! – Виктор вызвал на связь старшину Хрящева, командира второй группы, которая заходила с противоположного края. – Лешка, отходи к своему бронекатеру, это – приказ! Мы обнаружили на своей стороне острова «растяжки», тут все сплошь перекрыто. Пока будем прочесывать – подорвемся нахрен.

– Что предлагаешь, командир? – раздался в наушниках чуть хрипловатый голос старшины.

– Есть у меня одна идея... Всем – вернуться на бронекатера!

– Есть!

На бронекатере лейтенант Ракитин попросил включить громкоговорители общесудовой трансляции и взял в руку «лягушку» микрофона.

– Говорит командир специальной группы НКВД! Обращаюсь к немецким диверсантам на острове – мы знаем, что вы здесь. Если в течение трех минут вы не сдадитесь, мы подожжем островок! Пеняйте, гады, на

себя...

Три минуты прошли сравнительно быстро.

– Не понимают, думают – мы блефуем. А ну-ка, Сашка, дай фрицам прикурить!

– Есть, командир.

Боец НКВД в кожаном летном реглане нацепил на глаза летные очки и выставил вперед ствол трофейного немецкого огнемета. Открутил вентиль подачи огнесмеси и щелкнул электрическим запалом. Яркая струя пламени вырвалась метров на сорок с лишним, сразу же подпалив сухую траву и кустарник. Огнеметчик дал еще несколько факелов, создавая новые очаги пожаров, а пронизывающий ветер проделал остальную работу. Не прошло и получаса, как огненный вал прокатился с одного края совсем небольшого островка к другому. В огне раздались частые взрывы – это детонировали те самые противопехотные мины – «растяжки». Еще минут через пять на берег перед жерлами пулеметов бронекатера показалось трое задыхающихся и кашляющих от едкого дыма диверсантов. Одежда на них тлела.

– Оружие на землю! Поднять руки! – Halt! Hände hoch, суки!

Трое немецких диверсантов бросили оружие на землю и покорно подняли руки. Их связали и затащили на борт бронекатера. Оба «речных танка» самым быстрым ходом рванулись обратно, снова лавируя среди взрывов и всплесков, встающих на реке.

Задание было выполнено на «отлично» – всех троих немецких радистов-корректировщиков на причале уже ждали две черные легковые «Эмки» и «полуторка» сопровождения с бойцами НКВД. Капитан Госбезопасности крепко пожал руки лейтенанту Ракитину и лейтенанту Маркину.

* * *

Виктор оглянулся, глядя на выстроенные вдоль берега под маскировочными сетями небольшие, но грозные кораблики. И в очередной раз подивился мужеству их экипажей. Странно, но свою боевую работу Ракитин не считал какой-либо выдающейся. А вот моряки Волжской речной флотилии, по мнению Виктора, были достойны самых высоких наград. За все время Сталинградской битвы артиллеристы Волжской военной флотилии уничтожили около трех полков гитлеровцев, двадцать танков, тринадцать самолетов Люфтваффе, около сотни дзотов и

блиндажей, 26 артиллерийских батарей противника. В сражающийся Сталинград было переправлено около 90 000 солдат и офицеров, 13 000 тонн грузов. Из города было эвакуировано 52 000 человек. За мужество и героизм, проявленные в ходе сражения, 1-му и 2-му дивизионам бронекатеров были присвоены звания гвардейских, а канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» награждены орденами Красного Знамени.

Виктор Ракитин своей уникальной «памятью попаданца» знал также, какая славная судьба выпадет на долю бронекатера «БК-13», на котором они сегодня выходили на боевую операцию. Этот «речной танк» воевал на Волге почти до конца декабря 1942 года. Потом он был переведен в Днепровскую флотилию. В ее составе отважный бронекатер прошел от Сталинграда до Берлина, а его командир, лейтенант Дмитрий Маркин, был награжден орденом Красного Знамени. После войны по решению Правительства СССР бронекатер с полным вооружением был передан в дар Музею обороны Царицына – Сталинграда.

А уже в 1994 году, после ремонта был установлен у центрального входа в музей-панораму «Сталинградская битва». В 1995 году, к 50-летию юбилею Победы, катер был установлен на постаменте, 7 мая того же года состоялось торжественное открытие монумента. В 2013 году рядом с памятником была установлена мемориальная доска с именами всех членов экипажа.

Виктор Ракитин не только видел, как на его глазах куется история, – он и сам был ее кузнецом. И тогда – в своем «прошлом-будущем» Донецкой Народной Республики, и сейчас – в грозном 1942 году – в самом сердце России и в самой гуще переломного сражения Великой Отечественной и всей Второй мировой войны.

Глава 11

Охота на снайпера

Виктор Ракитин и его мотоманевренная группа готовились к очередному заданию. Надевали недавно выданное теплое белье, шерстяные свитера, ватные штаны, полушубки или шинели. На голову – обязательно шапку-ушанку или вязаный подшлемник с прорезью для глаз. Портянки тоже выдали зимние – байковые. Валенки пока не надевали, хотя снег в середине ноября уже мел вовсю.

Лейтенант Ракитин в очередной раз доводил боевую задачу бойцам. По подземным галереям канализации повадился проходить в наш тыл немецкий снайпер. За полторы недели он расстрелял уже около двух десятков человек. Причем, как рассказал Виктору старший майор Воронов, охотилась эта фашистская сволочь за врачами и ранеными бойцами возле медсанбатов, санитарных рот, пунктов эвакуации раненых.

«Работал» этот немецкий снайпер исключительно расчетливо и, судя по извлеченным из тел убитых пулям, использовал малокалиберную винтовку.

– Скорее всего, этот снайпер использует оружие с глушителем – потому и пули малокалиберные. От стандартного 7,92-миллиметрового патрона к карабину Маузера слишком много шума. А тут – пара легких хлопков, как от шампанского – и все. К тому же в Сталинграде и тишины-то не бывает, в привычном нам виде. Постоянно что-то где-то грохочет, стреляет, взрывается... – заключил Виктор, вертя в руках деформированные кусочки свинца.

– Уничтожь этого убийцу, Витя!

– Прошу сутки на подготовку и полную оперативную свободу во время спецмероприятий.

– Действуй!

Для начала Виктор Ракитин вместе со старшиной Хрящевым и еще несколькими наиболее опытными бойцами прошелся по тем местам, где неведомый немецкий снайпер убивал своих жертв. В четырех случаях из десяти это были полевые эвакупункты, куда доставляли раненых. Еще в двух случаях это были причалы волжских переправ. Везде – людно, шумно, царит обычная армейская неразбериха. Выстрела никто не слышал, хотя убийства медсестер или раненых происходили практически на глазах у

всех. Видимо, немецкий снайпер как раз и рассчитывал на панику, под прикрытием которой можно было незаметно скрыться со своей «лежки». Что ж – нервы у немецкого снайпера были стальные! Серьезный противник им выпал на этот раз... Но война вообще нелегкое занятие, а уж у спецподразделений НКВД по охране тыла фронта – и подавно.

Лейтенант Ракитин не только поговорил с солдатами, которые служат на этих «точках», но и облазил окрестности в радиусе примерно двухсот метров. Как он и предполагал, везде рядом находились разбомбленные или заброшенные линии подземной канализации.

– Послушай, Витя, мне кажется, что у этого снайпера должны быть сообщники в тех местах, где он стреляет, – высказал предположение старшина Хрящев.

– Лешка, поясни подробнее?..

– Если снайпер стреляет из «мелкашки», как ты утверждаешь...

– Но ты же сам видел пули – они явно свинцовые, безоболочечные, калибр – примерно 5,6 миллиметра...

– Я не спорю. Но если у него дальность не более двух сотен метров, то вполне вероятно, что стрелок может пользоваться корректировкой засланных заранее агентов.

– На кой такие сложности?..

– Ну, скорректировать там...

– Не, вот в этом ты явно не прав – не резон им «светиться».

– Хорошо, но я выяснил еще один любопытный фактик – все нападения происходили или в обед, или же во время ужина.

– А вот это уже интересно... – насторожился Виктор. – Лешка, ты думаешь – «ветровые маячки»?! Хотя... Пуля малокалиберной винтовки – легкая, нужно точно знать величину поправок...

– Которые дает отклонение дымалевой кухни! – с довольной улыбкой закончил Алексей Хрящев.

– А что по поводу медсанбатов, там ведь полевая кухня не всегда стоит?..

– А банно-прачечный комбинат, который бинты и простыни стирает и стерилизует, ты забыл, командир? – хитровато прищурившись, ответил старшина Хрящев.

– И то верно, Лешка! – обрадованно хлопнул друга по плечу лейтенант Ракитин.

Боевой выход спланировали тщательно. Вообще Сталинградская битва стала своеобразным сражением снайперов. В уличном бою – каждый дом крепость. Боевые порядки чаще раздроблены, подразделения действуют малыми силами. К тому же в Сталинграде гитлеровцев и советские войска разделяла дистанция не более сотни метров. В этом случае ни танки, ни артиллерия, ни авиация не могут оказать эффективную огневую поддержку. На первый план выходит то тяжелое оружие, которое сама пехота может утащить на своем горбу: пулеметы, противотанковые ружья, огнеметы, гранаты. Снайперы в этом «арсенале» стоят особо. Меткие стрелки, действуя группой всего лишь около десятка, могут остановить атаку вражеской роты, а то и батальона!

У всех на слуху в Сталинграде были имена знаменитых снайперов Василия Зайцева, уложившего, в общей сложности, около 240 гитлеровцев, в том числе – одиннадцать немецких снайперов, Николая Ильина, на счету которого было 496 немцев, Петра Гончарова – с 380 снайперскими победами, Виктора Медведева, уничтожившего 342 немецких оккупанта. А всего группа Зайцева за четыре месяца боев уничтожила 1126 солдат и офицеров Вермахта!

Петр Гончаров, кстати, до войны работал обрубщиком стального литья на заводе «Красный Октябрь», здесь – в Сталинграде. В этой профессии главное, как и в снайперском деле, – острое зрение, быстрота реакции и точность. Вот сталинградец и «обрубал» теперь гитлеровцев!

Но лейтенант Ракитин решил не устраивать заведомо проигрышные снайперские дуэли с немецкими суперпрофессионалами. Он не хотел понапрасну терять людей. Конечно, в его маневренной группе НКВД были меткие стрелки, вооруженные длинноствольными бесшумными револьверами-карабинами. Их диоптрические прицелы вполне позволяли вести высокоточную стрельбу на дистанцию до двухсот метров. Были в подразделении и опытные стрелки с самозарядными винтовками Токарева и оптическими прицелами. Но это все – не то. Виктор не хотел применять «симметричную тактику». Он приготовил немецкому снайперу, или снайперам, «асимметричный ответ».

* * *

Бронированный грузовик стоял на набережной примерно на равном расстоянии от двух волжских переправ. Бронированный кузов трофейного «Опель-Блитца» был сплошь забран брезентовым тентом. Это делало

грузовик неотличимым от обычных армейских «грузовозов». Но в кузове под тентом притаился до срока крупнокалиберный пулемет ДШК. Сорвать тент с кузова было делом одной минуты. Второй бронированный грузовик под командованием старшины Хрящева и со «спаркой» скорострельных немецких пулеметов MG-42 в бронированном кузове под таким же тентом дежурил возле одного из медсанбатов.

Но отнюдь не пулеметы с их огневой мощностью определяли успех нынешней спецоперации, а радиосвязь. На грузовиках были установлены рации, и на переправах – тоже. Также везде в местах вероятного появления снайперов дежурили бойцы маневренной группы НКВД. В крайнем случае они должны были подать сигнал осветительными ракетами.

* * *

Немецкий снайпер в удобной пятнистой куртке с глубоким капюшоном и в мешковатых камуфлированных брюках неслышно появился буквально из-под земли. Его лицо скрывал козырек полевой панамы Вермахта. «Высокоточного стрелка» прикрывали двое солдат с обычными пехотными пистолетами-пулеметами MP-40. Экипировка у них тоже была специальной – поверх камуфлированных курток на ремнях на груди закреплены по четыре подсумка с запасными магазинами. За поясом – по паре гранат-«колотушек», а на поясе – ножи в ножнах и пистолетные кобуры.

В руках у снайпера была малокалиберная винтовка Маузера модели «МС» – уменьшенная копия основного карабина Вермахта под калибр 5,6 миллиметра. Очень удобное, длина всего метр с небольшим, а вес чуть более трех килограммов, и достаточно точное оружие. Открытый секторный прицел и мушка позволяют без особых проблем бить прицельно на двести метров. Снайпер снял чехол с двух с половиной кратного оптического прицела «Хензольд». Такие малокалиберные винтовки использовались для начального обучения снайперов, но в этот раз «легкому Маузеру» предстояло «отработать» в боевой обстановке. Снайпер накрутил на ствол массивный и длинный цилиндр глушителя. Именно поэтому он и использовал малокалиберные патроны. Они даже при обычной стрельбе давали относительно негромкий хлопок. А с глушителем – снайперская винтовка и вообще стала практически бесшумной.

Немецкий снайпер скрытно вышел на позицию и не спеша оглядел окрестности в бинокль.

Ничего необычного или настораживающего не было. Обычная суeta на переправе. Только что причалила самоходная баржа с пополнением русских, солдаты с винтовками строились на берегу возле своего командира. Рядом с ним на снарядные ящики взобрался офицер в фуражке и что-то вдохновенно вещал бойцам, размахивая руками. Не иначе, как большевистский комиссар... Хорошая цель. Но пока стоило продолжать наблюдение.

Выше переправы расположились позиции автоматической зенитной пушки. Расчеты этих «скорострелок» составляли девушки. Немецкий снайпер вспомнил, как пару дней назад уже наведывался сюда и уложил парочку русских девиц. Он улыбнулся краем губ – хорошая тогда вышла «охота»...

Чуть дальше разгружался понтон с тяжелой техникой. Клацая гусеницами по металлическому настилу, на берег осторожно съехал русский танк Т-34, его командир шел впереди, указывая дорогу высунувшемуся из переднего люка механику-водителю. «Тридцатьчетверка» то и дело выбрасывала сизые облака дизельного выхлопа.

Но это немецкому снайперу было не интересно. К переправе подъехал армейский грузовик с укрытым брезентом кузовом и остановился неподалеку. Уж не штабной ли – в бинокль четко был виден тонкий и длинный хлыст антенны?.. Если это так, то – вот и хорошая цель!..

Близилось время обеда, появилась полевая кухня, запряженная тощей лошадейкой. На передке сидели кучер и кашевар. Остановившись, он разжег огонь и принялся помешивать варево в котле. Из трубы полевой кухни потянулась, извиваясь на ветру, струйка дыма. Очень кстати – легче будет брать поправку при стрельбе.

А тут еще лучше – подошла повозка с тяжелоранеными красноармейцами. Ее сопровождали две медсестры в серых шинелях с брезентовыми сумками. На самих сумках и на шинелях – никаких красных крестов и других знаков различия. Все уже знали, что в жестокой «крысиной войне» в Сталинграде для гитлеровцев не существовало общепринятых и общечеловеческих норм морали, которые характерны даже для «обычной» войны. Здесь, в Сталинграде всякий русский или русская с красным крестом были желанной добычей немецкого снайпера или пулеметчика.

Снайпер отложил бинокль и взялся за винтовку. Плавным движением передернул затвор, досылая малокалиберный патрон из пятизарядного магазина. Тонкое перекрестье оптики перечеркнуло фигуру девушки в

серой шинели с брезентовой медицинской сумкой через плечо.

Снайпер мягко повел стволом, в поле зрения прицела показалась струйка дыма от полевой кухни. Кстати, оптика относительно небольшой кратности на оружии тем и удобна, что оставляет широкое поле зрения. А для выстрела на полторы сотни метров достаточно и двух с половиной кратного увеличения. Указательный палец уже выбрал холостой ход спускового крючка...

Внезапно, взревев двигателем, грузовик на переправе резко развернулся. Брезентовый тент мгновенно слетел с его кузова. Прямо в лицо снайперу в объектив оптического прицела смотрел ствол русского крупнокалиберного пулемета ДШК!

* * *

Виктор, скорчившись, сидел в бронированном кузове «Опель-Блитца» у радиации. Чуть дальше была установлена турель с крупнокалиберным ДШК, а рядом жалось еще четверо бойцов НКВД в полной экипировке.

Как только от наблюдателей стало известно о подозрительных перемещениях в районе одной из волжских переправ, Виктор выдвинулся туда на бронированном грузовике. В кузове помимо пулеметчиков находилась и группа захвата.

Лейтенант Ракитин прижал наушник к уху и напряженно вылавливал сообщения своих корректировщиков из треска и шума радиоэфира. Кто-то из них и заметил блеск оптики в развалинах одного из домов на набережной Волги... И тут же сообщил по радиации. Наблюдатель, старательно игравший роль возницы при полевой кухне, тоже засек какое-то невятное шевеление...

Все изменилось, как только на переправу подъехала телега с тяжелоранеными бойцами. Самоходная баржа, которая привезла подкрепление, должна была эвакуировать пострадавших на левый берег Волги. Тут-то немецкий снайпер и зашевелился – и выдал себя!

– К бою, – как можно спокойнее произнес лейтенант Ракитин и ударил прикладом пистолета-пулемета по кабине «Опель-Блитца».

Это был сигнал к атаке.

Взревев двигателем, бронированный грузовик резко развернулся, становясь кормой к предполагаемому месту снайперской «лежки». Слетел мгновенно сброшенный тент, и показалась турель с крупнокалиберным пулеметом. ДШК был полностью готов к бою.

Тут же несколько раз по броне кузова ощутило щелкнуло – у снайпера сдали нервы! Конечно, у кого бы они не сдали, когда тебе в лицо – прямо в душу – глядит черным зрачком дульного среза смерть калибра 12,7 миллиметра?!

– Огонь! – скомандовал Ракитин.

Дробно загрохотал крупнокалиберный «Дегтярев-Шпагин», заливая раскаленным свинцом то место, где мог спрятаться немецкий снайпер. От русских пуль весом по пятьдесят граммов каждая, да еще и разогнанных до километра в секунду – ни защититься, ни спрятаться. Особенно – от бронебойно-зажигательных, попадание хотя бы одной такой разрывает человека буквально в клочья! Пулеметчик чуть смещал ствол и выдавал очередную порцию свинца и пламени. А в полутора сотнях метров от него от могучих ударов крошился кирпич, раскалывались бетонные обломки. Стена полуразрушенного здания зияла теперь еще и свежими пробоинами размером с чайное блюдце! А пулеметчик все молотил и молотил очередями...

Под прикрытием ДШК группа захвата во главе с лейтенантом Ракитиным десантировалась из бронированного кузова трофейного грузовика и рванулась вперед. Очередная разрывающая легкие стометровка в полной выкладке – Виктор уже привык. Плюхнувшись в полусотне метров от крошащегося под напором крупнокалиберных пуль кирпича, командир группы захвата пальнул из ракетницы в воздух. В сером небе над Волгой повисла красная звезда. Грозный «голос» крупнокалиберного пулемета смолк. Всего за пару минут с небольшим пулеметчик расстрелял около двух сотен патронов!..

Бойцы НКВД цепью, держа оружие наготове, медленно обходили развалины. Почти сразу же наткнулись на тело снайпера. Из-под серой форменной панамы выбивались длинные золотистые пряди волос, залитые кровью. Рядом лежала исковерканная пулями снайперская винтовка с толстым глушителем на стволе. Еще чуть поодаль распростерлись на камнях тела двух стрелков прикрытия. Одному из них пулей напрочь снесло голову. Крови было!..

Даже издавших виды «волкодавов» НКВД замутило. Но все же продолжили поиски, мало ли – может, могли еще спрятаться недобитки... Хотя от крупнокалиберной пули ДШК – не спрячешься...

Глава 12

Сталинградский «котел»

Не верилось!

Уж слишком все уже привыкли в Сталинграде к этому затянутому смертельному противостоянию, которое изматывало, иссушало тело и душу. День за днем с того переломного – 23 августа 1942 года, с момента чудовищной бомбардировки города-крепости на Волге, шли бесконечные уличные бои. Если сообщалось, что советские штурмовые группы перешли на другую сторону улицы, прорвались к важному перекрестку, «зачистили» от гитлеровской нечисти и заняли жилой дом, – то это свидетельствовало о нечеловеческом напряжении воинов и невероятной тактической подготовке командования.

Но 19 ноября 1942 года огромные массы советских войск – пехоты, танков, боевых самолетов, могучей артиллерии пошли вперед. Со стороны Дона наступали Донской фронт генерала Рокоссовского и Юго-Западный фронт генерала Ватутина. С юга им навстречу наносил удар Сталинградский фронт под командованием генерала Еременко.

Выворачивая стальными траками комья замерзшей земли, взбивая снег, рвались вперед «тридцатьчетверки» и тяжелые танки «Клим Ворошилов». За их броней наступали крепкие, в добротных полушубках, пехотинцы. Они были вооружены безотказными автоматами ППШ и пулеметами, винтовками и огнеметами. Вместе они действовали умело и эффективно. В огневом бою или в рукопашной схватке советские солдаты – родом из необъятного СССР – дрались за свою землю с отчаянно сопротивляющимися гитлеровцами и уничтожали их, прорывали линии немецкой, итальянской и румынской обороны!

А впереди наступающих бронетанковых клиньев катился огневой вал артиллерии. Русские «боги войны» сотрясали волжскую землю огневыми смерчами крупнокалиберных гаубиц Резерва Главного командования, сверкающими реактивными стрелами «Катюш», залпами тяжелых минометов. Огненный набат бил над Сталинградом, снова содрогнулась исстрадавшаяся волжская земля от канонады, но это был гром победы.

* * *

С серо-стального волжского неба рушились на гитлеровцев удары Сталинских соколов! Новенькие «Лавочкины», «Яки», мощные бронированные «Илы»-штурмовики, злые «Пешки» – скоростные бомбардировщики, «утюжили» огнем оборону немцев и их «ненадежных союзников» – итальянцев и румын.

Да, это уже был не май – июль сорок второго! Тогда советские пополнения из резервных армий выдвигались на позиции под жесточайшими бомбежками стервятников 4-го воздушного флота Вольфрама фон Рихтгофена. Зенитного вооружения в войсках практически не было, и немецкая авиация почти безнаказанно бомбила скопления наших войск, нанося серьезный урон и подрывая моральный дух постоянной угрозой с воздуха. На отдельных участках передвижение войск и подвоз грузов к переднему краю в дневное время были буквально парализованы из-за господства Люфтваффе, сильного воздействия вражеской авиации. А отсутствие лесов и естественных укрытий на ровной, как стол, приволжской степи затрудняло маскировку войск.

Но в ноябре 1942 года закаленные в воздушных боях летчики на краснозвездных самолетах взыскивали с немцев по счетам!

* * *

Но дерзкое по своему замыслу и до сих пор невероятное по масштабам контрнаступление Красной Армии не смогло бы осуществиться без одного-единственного – мужества и стойкости защитников Сталинграда. Благодаря самоотверженности и действительно массовому героизму полков и дивизий 62-й армии генерал-лейтенанта Василия Ивановича Чуйкова стремительное наступление советских войск шло в полном соответствии со стратегическим замыслом Генштаба.

Сойдясь лицом к лицу с армадой Шестой армии Паулюса, бойцы Чуйкова, Родимцева, Людникова хоть и отступали, но не сдавались. Они маневрировали, цеплялись за каждый полуразрушенный дом в Сталинграде. Использовали любую возможность для того, чтобы контратаковать и нанести гитлеровским оккупантам максимально ощутимые и болезненные потери. Вместе со всеми блестяще проявили себя воины НКВД. Это были одни из наиболее подготовленных и закаленных воинов, опытные и умелые, расчетливые и отчаянно храбрые – они не знали пощады врагу! К началу октября 1942 года из частей 10-й дивизии войск НКВД остался всего лишь один-единственный 282-й стрелковый

полк, оборонявший высоту 135,4.

А всего с 23 августа по 8 октября 1942 года дивизия Войск Госбезопасности в ожесточенных боях за Сталинград уничтожила до 15 000 немецких солдат и офицеров, уничтожила и вывела из строя 113 танков, восемь бронемашин, шесть орудий, 51 миномет, 138 пулеметов, два склада боеприпасов, сбила два самолета Люфтваффе, захватила знамя полка Вермахта.

За образцовое выполнение боевых заданий советского командования в обороне у волжских берегов 2 декабря 1942 года 10-я дивизия войск НКВД полковника Александра Андреевича Сараева была награждена орденом Ленина – высшим орденом СССР.

* * *

Рано утром 19 ноября 1942 года подразделение лейтенанта Госбезопасности Ракитина подняли по тревоге. Каждому бойцу выдали по пятьдесят граммов спирта. С шести утра началась мощнейшая артподготовка. Первыми спели свою смертельную «серенаду» реактивные «Катюши», потом по укрепленным позициям гитлеровцев в Сталинграде стали работать «Сталинские архитекторы» из Резерва Главного Командования. Черные смерчи из земли и непроницаемого дыма взметнулись над передним краем оккупантов, а дальше огненный вал советской артподготовки пошел вглубь обороны Шестой армии Паулюса. Больше часа содрогалась волжская земля, словно стремилась сбросить гитлеровских паразитов в преисподнюю!

Потом вместе с танками в бой пошла пехота. Войска НКВД снова наступали в общих боевых порядках. Как самые подготовленные – подразделения Госбезопасности бросали на самые трудные и опасные участки наступления.

Первую линию обороны гитлеровцев подразделение лейтенанта Ракитина преодолело легко – атаковать там было некого. Повсюду под обломками зданий и просто – среди воронок валялись оторванные руки и ноги, выпотрошенные осколками и расплюснутые в кровавый фарш тела гитлеровцев. Кровь застывала на морозе черными лужами. Валялась разбитая и исковерканная бронетехника с крестами на бортах, противотанковые пушки, шестиствольные реактивные минометы, станковые пулеметы. Обгорелые остовы грузовиков и чудовищные воронки от взрывов отмечали места, где раньше были вражеские склады

боеприпасов. На переднем крае гитлеровцев русские «боги войны» уничтожили все живое, крупнее таракана.

Картина чудовищных разрушений поразила даже видавшего виды Виктора Ракитина. Под ногами похрустывал щебень, в который превратились стены домов. В морозном воздухе плавали сизые едкие облака сгоревшего пироксилина. Солдаты шли молча, тоже пораженные тотальными разрушениями.

Позади катили три броневика маневренной группы. Теперь оба трофейных грузовика были перевооружены крупнокалиберными пулеметами ДШК. Это мощное и надежное оружие позволяло надежно подавлять огневые точки противника за дальностью обычных станковых или пулеметов. Броня кабин и кузовов была усилена. Впереди установлен клиновидный бампер. Собственная «броня» позволяла маневренной группе не ждать подкрепления от танкистов и оперативно реагировать на угрозу.

* * *

Но дальше стали встречаться разрозненные очаги сопротивления уцелевших гитлеровцев. Все же городской бой тем и специфичен, что предоставляет огромное количество укрытий в жилой застройке.

На этот раз сразу два пулемета ударили из проломов в стене полуподвального помещения. Над улицей взвились фонтанчики от пуль, знакомо взвизгнули рикошеты.

– Ложись! – выкрикнул Виктор, моментально падая на землю. Вращенные войной рефлексy сработали безукоризненно, тело само знает, как правильно реагировать на угрозу.

Успели спастись не все – внезапная пулеметная очередь скосила четверых солдат, трое из них погибли сразу. Один из бойцов пополз, чтобы вытащить раненого из-под обстрела, но тут же дернулся от попадания.

– Снайпер! Никому не высовываться!

Виктор осторожно подался вперед, из-за железобетонного обломка с перекрученной взрывом арматурой наблюдать было не очень удобно. Но лейтенант по вспышкам засек позиции немецких пулеметчиков. Он быстро пополз по-пластунски к броневикам.

Оба трофейных «Опеля-Блитц» уже поливали немцев из крупнокалиберных ДШК. Пулеметчики за щитками били короткими очередями, пытаясь «нащупать» вражеских стрелков. Виктор, прячась за броней, забрался в кузов броневика, хлопнул пулеметчика по плечу.

– А, что?..

– Развалины двухэтажного дома левее перекрестка видишь?..

– Ага.

– Там у них снайпер. «Вали» гада!

– Есть! – пулеметчик навел ствол ДШК и нажал на спуск. Мощное оружие отозвалось характерным дробным грохотом, заходил затвор, выплевывая дымящиеся латунные гильзы, пришла в движение тяжелая патронная лента.

– Хорошо, молодец! – оценил попадания лейтенант Ракитин. – Правее в развалинах – полуподвал. Оттуда бьют пулеметчики.

– Наблюдаю.

– Огонь!

Снова «Дегтярев-Шпагин» зашелся в яростном грохоте. Виктор видел, как светящиеся иглы трассеров прошивают пространство и тяжелые пятидесятиграммовые пули откалывают куски бетона. К первому броневика присоединился и второй, тоже «утюжа» цель из ДШК. Вот захлебнулся один из вражеских пулеметов. Заткнулся и второй.

– Увидишь какое-либо шевеление – бей над нашими головами. Понял? Как только приблизимся к фрицам, дам красную ракету – «прекратить стрельбу». – Виктор по рации связался со вторым броневиком и продублировал приказ.

Пулеметчик коротко кивнул и прицелился ДШК. Снова ударил короткими очередями.

Лейтенант Ракитин выскочил из кузова броневика и, пригибаясь, помчался обратно к своим ребятам.

– Короткими перебежками – за мной!

Бойцы НКВД, держа оружие наготове, осторожно продвигались к полуподвальному помещению, прячась в воронках или за развалинами домов. Метров за двести Виктор вытащил ракетницу и пальнул в небо красным огнем. Дробный грохот крупнокалиберных пулеметов за спиной смолк.

– Так, огнеметчик!

– Здесь, командир.

– Твой выход. Под прикрытием двух стрелков и «ручника» подбираешься поближе и «даешь прикурить» этой сволочи!.. Только аккуратно, сами под выстрелы не подставляйтесь. Давайте – за ребят!

Воины НКВД тихо и скрытно подобрались почти вплотную к полуподвалу, который гитлеровские недобитки превратили в укрепленную огневую точку. Вперед выдвинулся огнеметчик с трофейным

«Flammenwerfer-35», открыл вентиль подачи огнесмеси, отрегулировал по манометру давление в малом вытеснительном баллоне с азотом. Кивнул автоматчикам прикрытия.

Гитлеровцы тоже притихли и не решались высунуться наружу. Это было на руку бойцам Госбезопасности. Но, если что, штурмовую группу прикрывали крупнокалиберные пулеметы «самопальных» броневигов.

Огнеметчик осторожно подполз почти вплотную к амбразурам в стене полуподвального помещения. Щелкнул электрическим воспламенителем – из сопла огнемета вырвался здоровенный язык пламени и жаднолизнул бетонную стену, ворвался в проломы, из которых ранее велась стрельба, заклокотал внутри.

– Гитлер капут! Гитлер капут! – донеслось изнутри.

– Ну, если «Гитлер капут», то... – усмехнулся лейтенант Ракитин. – Пулеметчикам с «Дегтярями» – держать выходы. Васька, пока затаись со своим огнеметом, мало ли что... Хенде хох! Ком цум мир! Выходить по одному!

В забаррикадированном дверном проеме сгрудились немцы – лица в копоты, глаза испуганные. Руки – в гору, бормочут «Гитлер капут»... Вдруг кто-то нажал на спуск – видать, нервы не выдержали.

Солдаты НКВД моментально ответили – у самих пальцы на спусковых крючках зудели, да и нервы на взводе. Раскаленный свинец ударил из нескольких стволов одновременно, в забаррикадированный дверной проем полетели гранаты и пара бутылок с зажигательной смесью. Снова пыхнул пламенем трофейный огнемет. Все закончилось в считанные секунды.

– Вот тебе и «Гитлер капут»!.. – вздохнул Виктор Ракитин, меняя опустевший магазин в пистолете-пулемете.

* * *

В другой раз воинов НКВД точно так же прижали к земле пулеметным огнем, но на этот раз обошлось без потерь – попадали на землю родимую, прижались к ней, словно сил набирались.

По счастью, рядом ревели двигателями три наших танка, пробираясь среди завалов битого кирпича и полуразрушенных остовов жилых когда-то домов. Виктор сначала ползком, а потом на корточках, пригибаясь, зигзагом побежал к «тридцатьчетверкам». Они как раз приостановились, выбирая дорогу. Виктор запрыгал и замахал руками перед полуоткрытым люком механика-водителя головной «тридцатьчетверки». Тот откинул тяжелую

крышку со смотровым триплексом и высунулся по пояс из брони.

– Ну, чего тебе?! Прыгаешь, как черт на сковородке!.. – откликнулся чумазий «тракторист».

– Командира позови! Нужна ваша огневая поддержка.

– Ну и какого хрена?! – командир танка в черном комбезе, звания не разобрать, и танкошлеме появился будто бы из-под земли.

Видать, опытный был танкист, жизнью ученый. Он не стал вылезать через башенный люк, а воспользовался аварийным выходом в днище боевой машины. Виктор оценил его предусмотрительность.

– Нас прижали сильным пулеметным огнем, к тому же – возможны снайперы. А вы эту проблему решите быстрее и эффективнее.

– Хорошо, пехота, показывай, где супостат.

– Я дам целеуказание трассерами – а вы отработаете из пушки.

– Сделаем! Садись на броню, – командир снова исчез под гусеницами своего танка.

Ревя двигателем и клацая стальными траками гусениц, «тридцатьчетверка» неспешно доползла до позиций маневренной группы НКВД. лейтенант Ракитин спрыгнул с брони и потребовал самозарядную винтовку Токарева и трассирующие патроны. Один из снайперов набил десятизарядный магазин трассерами. Виктор присоединил его к винтовке, лягнул затвором.

– Готов?! – крикнул он механику-водителю в приоткрытый люк. Тот передал его слова командиру танка. Потом кивнул.

Шестигранная башня-«гайка» «тридцатьчетверки» с механическим жужжанием повернулась в указанном направлении. Виктор вскинул СВТ-40 и прицелился по вспышкам пулеметного огня, мелькавших в развалинах. Сделал серию из трех выстрелов, потом – еще четыре.

Наводчик танка довернул башню, ствол пушки принял необходимый угол возвышения. Виктор отбежал подальше и уже лежа за укрытием наблюдал за этими бездушно-механическими манипуляциями. Оглушительно грянул выстрел 76-миллиметрового танкового орудия, потом еще подряд два. Далеко впереди полыхнули взрывы осколочно-фугасных снарядов. Все, путь был свободен.

* * *

Днем наступали, сужая кольцо окружения, закреплялись в очередных развалинах. После небольшой передышки ночами напролет отражали

яростные, бешеные контратаки гитлеровцев. Оккупанты не сразу осознали, что смертельная удавка окружения медленно, но верно затягивается на откормленной немецкой шее самого Паулюса и его подчиненных.

А морозы становились еще более лютыми, снег валил, не переставая. Завывал сотней волчьих глоток острый, как бритва, степной ветер – пел отходную по воякам Гитлера.

Глава 13

Ледяная агония

Подразделение Виктора Ракитина вернулось вечером с очередного боевого задания. На этот раз потерь не было и все были веселы. Не придется за ужином отводить взгляд от пустующего места за столом и накрытого кусочком черного хлеба граненого стакана водки.

– Что-то морозец сегодня кусается, а – товарищ командир?

– Есть немного, – кивнул Виктор Ракитин, снимая добротный овчинный полушубок и валенки. – Только вот «гансов» он не кусает, а грызет, аки голодный волк!

Все дружно рассмеялись – шутка была весьма актуальная. Все подразделения Красной Армии тыловые службы до холодов переодели в теплое обмундирование. Каждый вечер выдавали усиленный паек: тушенку, сало и сгущенное молоко, а вместе с ними еще и по сто граммов «наркомовских» на человека.

– Сообрази нам поужинать и чайку, – обратился лейтенант Ракитин к дневальному.

– Так точно, сейчас дровишек в «буржуйке» подкину и мотнусь на кухню.

– Давай быстро, а мы пока ящики с «немецкими гостинцами» внутрь занесем, – распорядился командир.

* * *

Уставной рацион советских солдат теперь стал заметно разнообразнее за счет «подарков» от Люфтваффе. Герман Геринг перебросил в осажденный Сталинград «воздушный мост». Но на пути транспортные самолеты, в основном – трехмоторные тихоходные «Юнкерсы-52» и бомбардировщики «Хейнкель-111», несли огромные потери от советских зениток и истребителей.

К уничтожению транспортников привлекались даже бронированные штурмовики Ил-2! В принципе, такое решение вполне оправданно – Ил-2 имел достаточно высокую скорость и маневренность, чтобы зайти в атаку на немецкие «транспортники» и переделанные в них бомбардировщики. А

залп из пушек и пулеметов, удар реактивными снарядами гарантированно уничтожал «воздушных извозчиков» Люфтваффе.

Всю трассу «Воздушного моста» в Сталинград отмечали на снегу обломки сбитых транспортных самолетов. А к совершившим вынужденную посадку немецким транспортным самолетам спешили на русских санях-розвальнях по глубокому снегу команды советских автоматчиков. В снежной пыли и лошадином ржании на морозном воздухе подлетали русские сани к подбитым транспортникам Люфтваффе, и начиналось «потрошение»! Пленных немецких летчиков отправляли в комендатуру или в Управление армейской контрразведки, а вот трофейный груз был весомой добавкой к армейскому рациону!

* * *

Вскоре был накрыт роскошный стол. Здесь и принесенный с кухни наваристый борщ, и макароны по-флотски с обжаренной с лучком тушенкой, черный хлеб, «ленд-лизовское» копченое сало и американские сосиски, кусковой сахар, галеты, несколько банок со сладким сгущенным молоком. Из «трофеев» – немецкий растворимый кофе, шоколад, галеты, шнапс, сардины и свиная тушенка.

После крепкого мороза аппетит у солдат разыгрался не на шутку. За столом весело перебрасывались репликами, делились сообщениями «солдатского телеграфа», беззлобно подшучивали над товарищами. Настроение приподнятое, еще бы – Шестая армия Паулюса окружена, и не сегодня-завтра ее придушат окончательно. А скоро – новый, 1943 год!

Все вокруг надеялись, что новый год станет переломным и победным для Красной Армии. И только один-единственный человек во всем мире *знал* это наверняка – лейтенант Виктор Ракитин.

– Интересно, а когда же все-таки союзники Второй фронт откроют?..

– А вот Паулюсу шею свернем, так «союзнички»-то и сподобятся!.. Сто немытых им в душу!..

– Давайте, мужики, за Победу! – привычно звякнули кружки. После обязательных «наркомовских» ста граммов «полирнули» трофейным шнапсом. Но в меру – завтра на боевые...

* * *

После первых дней боев, когда шло наступление подразделения НКВД, вновь вернулись к более привычной боевой работе. Если раньше приходилось вступать в стычки и ликвидировать вражеских диверсантов или парашютистов, то теперь «охотились» за подбитыми и севшими на вынужденную «транспортниками» Люфтваффе.

Также подразделения войск НКВД по охране тыла больше работали и по своему «прямому профилю». «Зачищали» развалины Сталинграда от оставшегося там гитлеровского сброда. Это были трудные и опасные боевые задания.

* * *

Снова – спецгруппа уходит на «зачистку». Солдаты привычно рассовывают по кармашкам разгрузочных жилетов запасные магазины к пистолетам-пулеметам Судаева, гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Пулеметчики укладывают круглые «тарелки» на сорок семь патронов в брезентовые сумки, придиричиво осматривают свои «ручники» ДП-27. Огнеметчик в кожаном летном реглане поправляет «очки-консервы» на лбу. Гранатометчик заряжает трофейный 26-миллиметровый пистолет «Кампфпистоле» с коротким толстым стволом и плечевым упором.

Лейтенант Ракитин оценил полезность такого оружия и его огневую мощь. Конечно, не «Муха» и не «Шмель» из его «прошлого-будущего», но все же выстрел 26-миллиметровой гранатой, особенно в замкнутом пространстве, может понаделать бед в стане врага! К тому же имеет значение – то ли бросать ручную гранату, то ли выстрелить за полсотни метров из «Кампфпистоле» – практически с тем же эффектом. Виктор старался не подставлять людей под выстрелы, не рисковать жизнями подчиненных понапрасну.

– Товарищ командир, не люблю я зачистки! Одно дело – пулю поймать, на войне как на войне. А вот вшей от пленных «фрицев» точно наберешься! – под общие смешки изгалялся один из бойцов.

– Так, Сидоренко, оставить мне тут смехуечки!.. Раз такой брезгливый – сортиры будешь чистить до тех пор, пока союзники второй фронт не откроют! – прикрикнул лейтенант Ракитин.

До места тряслись по ухабам на бронированном грузовике, по команде спешили. Пулеметчик развернул крупнокалиберный ДШК за щитком – прикрытие не помешает. Радист приготовился слушать эфир, в группе была и переносная рация, так легче наладить взаимодействие. Каждый

прекрасно знает свои задачи.

Лейтенант Ракитин подошел к пехотному капитану, командиру роты. Вокруг стояли бойцы, чуть дальше в развалинах раздалась короткая очередь, потом еще одна.

– Здравия желаю, капитан Стрельников, – офицер пожал руку лейтенанту Ракитину.

– Что случилось, товарищ капитан?

– Немцы засели в развалинах и отстреливаются. У меня только за полчаса – трое раненых. А эти гады забаррикадировались и лупят! У них там, похоже, пулемет.

– Пулемет – это плохо, – согласился Ракитин. – Ничего, сейчас мы их, в прямом смысле, «выкурим»!

Дальше бойцы НКВД лейтенанта Ракитина действовали по заранее отработанному плану. Понятно, что в этом случае никаких «Хенде хох!» и «Гитлер капут!» не получится. Тогда и жалеть «фрицев» нечего.

Пулеметчики с «Дегтярев-пехотными» взяли на прицел баррикаду в развалинах и били короткими очередями на любое шевеление. Нужно было дать понять, что окруженному врагу деваться некуда, пусть понервничают напоследок... По баррикаде работали и снайперы с самозарядными винтовками Токарева. Судя по всему, парочку «гансов» им подстрелить все же удалось. Но вот переть на немецкий пулемет было совсем не по-людски.

– Дымовые шашки давай! – приказал лейтенант Ракитин.

За непроницаемой серой пеленой двум стрелкам с «Кампфпистоле» удалось подобраться на полсотни метров. При этом «родные» пулеметчики НКВД огня не прекращали, стремясь все же додавить вражеских стрелков. Но из дымовой завесы то и дело вырывались бледно-малиновые и белые немецкие трассеры.

Виктор тоже взял «Кампфпистоле» и самодельный патронташ с 26-миллиметровыми гранатами. Подполз и устроился за большим каменным обломком. Ракитин откинул вниз ствол, вставил латунную гильзу с зарядом, привел массивный пистолет в боевое положение, прицелился и нажал на спуск. Отдача ощутимо лягнула в плечо, будто бы он стрелял из охотничьего ружья двенадцатого калибра. Метрах в пятидесяти гроыхнул взрыв. Это послужило сигналом к обстрелу. Двое гранатометчиков, тоже с «Кампфпистоле», ударили разом. Новые взрывы раздались слитно. Виктор перезарядил массивный пистолет и вновь нажал на спусковой крючок.

Под прикрытием гранатометчиков к развалинам сумели подобраться стрелки с компактными пистолетами-пулеметами. Под стволами были закреплены электрические фонари.

К этому времени дымовые шашки уже отгорели и завеса начала рассеиваться, но взрывы 26-миллиметровых гранат подняли тучи мелкой кирпичной пыли.

– Огонь! – Виктор отложил трофейный пистолет-гранатомет и взялся за более привычный пистолет-пулемет Судаева.

Короткие очереди ударили в развалины дома, где прятались гитлеровские недобитки. Воины НКВД садили часто, патронов не жалели. Как только у кого-то пустел магазин, он тут же криком предупреждал, стрелка прикрывали во время перезарядки.

Гитлеровцы огрызались короткими очередями и разрозненными выстрелами из винтовок. Но чувствовалось, недобитки сломались морально, их воля к сопротивлению угасала, оставалась одна только истерия.

– Мужики, аккуратнее! Не подставляться, – прокричал лейтенант Ракитин, памятуя о загнанной в угол крысе.

Смерть таилась за каждым поворотом в хаосе битого кирпича и полуобвалившихся стен, за каждой грудой кирпича. Виктор вел группу, держа палец на спусковом крючке. Краем глаза заметил шевеление слева – разворот и короткая очередь расплосовала гитлеровца. Тут же ударили пистолеты-пулеметы Судаева справа и слева. Бойцы прикрывали командира и друг друга. Из-за груды битого кирпича хлопнул одиночный винтовочный выстрел. Тут же «Судаевы» в руках опытных бойцов НКВД отозвались злым стрекотом. Вперед полетела «лимонка». Очередь пулеметчика с «ручником» ДП-27 прошла по разрушенному второму этажу здания, оттуда рухнули вниз двое недобитков.

– У меня пусто, перезаряжаюсь! – пока стрелок менял «тарелку» с патронами к пулемету, его страховал один из бойцов с ППС-42 на изготовку.

«Подметая» раскаленным свинцом все перед собой, пограничникам НКВД удалось продвинуться к проему в развалинах, откуда бил пулемет. Теперь уже «Дегтярев-пехотный» ударил в эту импровизированную амбразуру. Зеленовато-желтые трассеры подсвечивали непроницаемую мглу. Туда полетели бутылки с зажигательной смесью. А следом ворвался огромный факел всепожирающего пламени из трофейного огнемета!

Огнемет – в который раз – решил исход дальнейшего противостояния. Помирать живым факелом «фрицам» не хотелось. Сидящий где-то в подкорке мозга извечный животный страх перед огнем победил звериную истерию загнанных в угол крыс.

– Гитлер капут! Гитлер капут! – изможденные, в каких-то

невообразимых обносках, заросшие и завшивевшие, гитлеровские солдаты выходили, подняв руки.

«Попаданец» и бывший студент-историк Виктор Ракитин глядел поверх ствола пистолета-пулемета в безумные, с голодным блеском, глаза врагов и вспоминал известный отрывок из военных мемуаров начальника штаба VIII армейского корпуса Шестой армии фельдмаршала Паулюса – Иоахима Видера:

«...В подземных убежищах тут и там среди больных и раненых прятались здоровые боеспособные солдаты. Участились случаи нетоварищеского поведения, кражи продуктов, неповиновения командирам, вплоть до открытого мятежа. По лабиринтам подземных развалин слонялись солдаты из различных дивизий, отбившиеся от своих частей или самовольно покинувшие их, мародеры и «заготовители», на собственный страх и риск отправившиеся на добычу чего-нибудь съестного и стремящиеся увильнуть от направления на передовую...

...В последнее время в Сталинграде было введено чрезвычайное военно-полевое законодательство, предусматривавшее самую тяжкую кару за любой проступок. Мародеров предписывалось расстреливать в 24 часа. Были введены офицерские патрули, и рыскавшие полевые жандармы с металлическими бляхами на груди имели приказ принимать самые беспощадные меры. В результате этого не одна сотня немецких солдат, не устоявшая перед обрушившимися на них бедствиями, погибла под немецкими же пулями...» [\[16\]](#).

Когда-то, еще в Донецке в начале XXI века, Виктор Ракитин практически выучил наизусть отдельные отрывки из этой страшной в своей правдивости книги. Теперь же он лично пережил и прочувствовал все это чудовищное напряжение, которое владело всем многомиллионным народом великого СССР все время Сталинградского сражения.

Он знал, что они, советские солдаты, дети многонациональной великой семьи СССР, выстояли сообща в величайшем в мировой истории сражении и сокрушили само олицетворение зла. Став «песчинкой в жерновах истории», Виктор Ракитин не только пытался изменить вектор событий, но и сам осознавал огромные масштабы тех исторических событий, о которых раньше он только читал в книгах.

Ракитин знал, что впереди у гитлеровцев – только ледяная агония в Сталинграде, что хребет всего Третьего рейха уже надломлен здесь – у Великой русской реки. А доломают этот хребет танковые армии под Курском летом 1943 года. Но он смотрел сквозь исторический горизонт событий еще дальше – туда, где в глухих карпатских лесах ворочался

чудовищный дикий зверь – оборотень под названием «бандеровский фашизм». Уничтожить зверя в его логове и являлось предназначением «попаданца» из Донецка, столицы ДНР – Виктора Ракитина.

Эпилог

Свистя дымом и паром, мощный локомотив «ИС» – «Иосиф Сталин» неся по степным просторам вверх по течению в город Казань. Не в привычных теплушках, а в плацкартных вагонах, на чистом белье и с чаем в стаканах с тяжелыми подстаканниками ехали к новому месту назначения бойцы лейтенанта Ракитина. Для отвыкших от «цивилизации» солдат эти вагоны представлялись чуть ли не номерами «люкс». Виктор знал, что такое отвыкнуть от цивилизации за время боев. Теперь он сам с трудом привыкал к более-менее нормальной жизни.

Из Казани поезд без остановок направился через город Горький – бывший и будущий Нижний Новгород, в Москву. Точнее – в Подмосковье. С поезда пересели на армейские грузовики «Студебеккер». Они привезли почти сотню человек к зеленым воротам с красными звездами в лесной глуши. На контрольно-пропускном пункте на въезде дежурили автоматчики в добротных полушубках. Рядом стояла вышка с прожектором и пулеметом. По верху массивных створок ворот и по верху высоких глухих стен вилась спиралью колючая проволока.

Воины НКВД лейтенанта Ракитина привычно построились возле грузовиков.

На КПП их уже ждали офицеры с новенькими, только недавно введенными в обиход погонами ^[17].

– Здравия желаю, товарищи! – приложил ладонь к форменной шапке-ушанке офицер с капитанскими погонами. – Вы прибыли в секретное учебное подразделение Осназ НКВД. В ближайшее время вам предстоит овладеть новыми тактическими приемами и оружием для выполнения специальных заданий.

– Нале-ево! Шагом – марш! – скомандовал лейтенант Ракитин.

За зелеными воротами с красными звездами их всех ждала новая фронтовая судьба.

Георгий Савицкий.

Донецк, август 2017

Юго-Западный фронт был переименован в Сталинградский 12 июля 1942 года Приказом Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина.

Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

ФЗУ – фабрично-заводское училище. Открывалось при заводах для подготовки кадров. Учащиеся ФЗУ проходили производственную практику в тех цехах, куда потом приходили на работу. Часть финансирования также шла за счет предприятия.

4

Соответствует общевойсковому званию полковника, поскольку в органах Госбезопасности звания на один-два порядка выше, чем в армии.

Данные приводятся по публикации: Дубков В. Н. «Город отстояли. Комсомол и несоюзная молодежь на защите Сталинграда»./ В. Н. Дубков. – Волгоград: Гос. учреждение «Издатель», 2000. – С. 50–51.

Реальный факт. Приводится по данным «Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сборник документов и материалов. Каталог культовых зданий». – Волгоград: Издатель, 2002. С. 212.

«Редиской» Троцкого назвал Ленин, говоря, что Троцкий «сверху красный, а внутри – белый». А уже потом это выражение перекочевало в культовый советский фильм режиссера Александра Серого «Джентльмены удачи» в значении «нехороший человек».

Ныне – Донецк, столица Донецкой Народной Республики.

Подробнее об этом – в романе Георгия Савицкого «Штрафная эскадрилья. В пылающем небе Сталинграда».

А что тут такого? СССР был светским государством, где религия была официально отделена от сферы госуправления. Иосиф Сталин в самом начале Великой отечественной войны обратился к советскому народу со словами «братья и сестры».

Сталино – ныне Донецк, столица самопровозглашенной Донецкой Народной Республики.

Модификация глушителя БРАМИТ для пулемета ДП-27 действительно испытывалась на полигоне зимой 1941 года, но в серийное производство не пошла.

Гауптман соответствует званию капитана.

Реальный факт, имевший место во время Сталинградской битвы.

Фронтовая поэма «Василий Теркин» Александра Твардовского.

Видер И. «Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса». / Перевод с немецкого А. В. Лебедева и Н. С. Португалова. – М.: Прогресс, 1965. Wieder J. Stalingrad und die ver ant Wortunc des Soldaten. V. Manstein, Paulus, V. Seydlitz. – München: Nymphenburger, 1962.

Погоны были введены Указами Президиума Верховного Совета СССР 06.01.1943 «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» и от 15.02.1943 «О введении новых знаков различия для личного состава ВМФ». Приказом НКО от 15.01.1943 для военнослужащих вводилась новая форма одежды.